

Проф. И. А. Сикорскій.

СБОРНИКЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫХЪ СТАТЕЙ

ПО ВОПРОСАМЪ

общественной психологіи, воспитанія и нервно-психической
гигіены,

ВЪ ПЯТИ КНИГАХЪ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Новѣйшая Медицина и Врачи.

Съ X-ю таблицами рисунковъ.

ЮЖНО-РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Ф. А. ИОАНСОНА.

Кіевъ,
Уголъ Крешат. и Прорѣзной, 1;
Крешатикъ, № 37.

Харьковъ,
Московская улица, домъ
Тихонова.

Дозволено цензурою. Кієвъ, 19 Іюля 1900 года.

Кієвъ.
Тип. С. В. Кульженко, Ново-Елис. ул., с. д. № 4.
1900.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИГИ.

	СТР.
I. Объ успѣхахъ медицины въ изученіи явленій психическаго міра	1
II. О великихъ успѣхахъ и возрастающемъ значеніи психіатріи и неврологіи среди наукъ и въ жизни	22
III. Психопатическая эпидемія 1892 года въ Кіевской губерніи	44
IV. Значеніе опыта въ рѣшеніи учебнаго женскаго вопроса	104
V. Простѣйшіе акты познанія и вниманія.	117
1) Первобытные аппараты познанія	122
2) Усовершенствованные аппараты познанія	135
а) Зрительное познаніе и вниманіе	144
б) Слуховое познаніе и вниманіе	153
в) Познаніе собственнаго тѣла	161
г, д) Обонятельное и вкусовое познаніе	167
3) Высшіе совершеннѣйшіе аппараты познанія	169
VI. Самоубійство среди русскихъ врачей	198
II. Первый и послѣдній день клиническихъ занятій студента	216
1) Первый день	—
2) Послѣдній день	227

I.

Объ успѣхахъ медицины въ изученіи явленій психическаго міра.¹⁾

Медицина настоящаго столѣтія внесла крупныя вклады въ общую сумму человѣческихъ знаній. До того времени она по преимуществу изучала человѣческія болѣзни и средства исцѣлять ихъ, но со второй половины текущаго столѣтія установилось всестороннее широкое изученіе человѣка и условій его жизни, придавшее медицинѣ то важное значеніе, которое имѣютъ науки общественныя. Въ этотъ періодъ, благодаря успѣхамъ въ изученіи внѣшней природы, возникли основы гигиены, а ученіе о причинахъ болѣзней настолько подвинулось впередъ, что проницательный взоръ просвѣщеннаго врача нашихъ дней охватываетъ не только тѣ средства, которыя способны охранить жизнь больного, но и тѣ сложнѣйшія условія, которыя обезпечиваютъ индивидуальную и родовую будущность человѣка. Въ частности, въ отношеніи этиологіи болѣзней, открыты многіе важные факты усиліями науки, изучающихъ нервную систему и нервныя болѣзни человѣка.

Казалось бы, что изученіе нервной системы должно было высоко стоять во всѣ времена; но не такъ было на

¹⁾ Рѣчь сказанная на торжеств. засѣданіи III-го Съѣзда Врачей въ С.-П.-Б. 3-го Января 1889 года.

самомъ дѣлѣ. Это случилось не потому, чтобы сознание важности этой отрасли знаній было чуждо врачамъ, но потому, что ея содержаніе складывалось изъ чрезвычайно сложныхъ фактовъ, и сама наука, долгое время, была не въ силахъ проникнуть въ тайны нервно-психическаго бытія человѣка. Наукѣ не было извѣстно ни тонкое строеніе мозга, ни тѣмъ болѣе его отправления; а о психическихъ дѣятельностяхъ существовали столь одностороннія понятія, что не только не представлялось необходимымъ, но даже не казалось естественнымъ врачу заниматься психологіей. Въ настоящее время мы не безъ труда можемъ представить себѣ положеніе дѣла въ первой половинѣ нашего столѣтія. Въ ту пору, подъ вліяніемъ успѣховъ естествознанія, которымъ въ громадной степени содѣйствовали и сами врачи, медицина приняла одностороннее направленіе. Эксперименты на живыхъ животныхъ еще болѣе усилили эту односторонность; они выяснили значеніе такихъ органовъ, какъ печень, легкія, почки, которыя у человѣка не болѣе развиты, чѣмъ у животныхъ, и въ то же время отодвигали на второй планъ изученіе всего, что составляетъ отличительную особенность природы человѣка, въ сравненіи съ природой животныхъ. Болѣе всего отразилось это на ученіи о нервной системѣ. Врачи какъ бы забыли о существованіи въ человѣческомъ организмѣ высшихъ нервныхъ центровъ съ совершающимися въ нихъ дѣятельностями. Психическія функціи, составляющія высшее проявленіе органической жизни, не возбуждали къ себѣ интереса. Крупные, поражающіе мысль, факты и открытія въ области психическихъ явленій, проходили безслѣдно для вниманія врачей. Открытое астрономомъ Бесселемъ, такъ-называемое *личное уравненіе* бросало яркій свѣтъ въ тайники дивнаго нервно-психическаго механизма, и тѣмъ не менѣе оно оставалось со-

вершено уединеннымъ фактомъ, и только полвѣка спустя, въ рукахъ первоклассныхъ физиологовъ, оно сдѣлалось исходной точкой *психометри*, а впоследствии послужило началомъ экспериментальной психологіи. Къ началу пятидесятихъ годовъ психологія окончательно перестала интересовать врачей, и, если въ тридцатыхъ годахъ мы еще встрѣчаемъ въ такомъ классическомъ учебникѣ, какъ основы физиологіи *Johannes Müller'a* обширный отдѣлъ о психическихъ функціяхъ, то мы напрасно стали бы искать что либо подобное впоследствии — вплоть до недавняго времени.

До начала 60-хъ годовъ психологія оставалась строго-метафизической дисциплиной, несмотря на попытки отдѣльныхъ школъ вывести ее на иную дорогу. Сущность метафизическаго направленія состояла въ томъ, что душу разсматривали какъ сумму отдѣльныхъ функцій или способностей, но въ то же время почти вовсе не останавливались на субстратахъ, въ которыхъ эти функціи происходятъ, не изучали мозга какъ органа, въ которомъ совершаются душевныя отправленія. Изучали, такъ сказать, физиологію мозга безъ малѣйшаго знакомства съ его анатоміей. Такимъ образомъ раздѣлили искусственно то, что въ природѣ соединено. По мѣткому выраженію доктора Юманса, человѣкъ—цѣльное существо—былъ раздѣленъ искусственно на двѣ части: тѣло предоставили докторамъ медицины, а душу—докторамъ философіи, которые только въ одномъ пунктѣ были согласны между собою,—что ни одинъ не зайдетъ въ область другого.

Благодаря такому взгляду на вещи, психологія стояла внѣ области естествознанія, оставаясь наукой метафизической, и медицина могла пользоваться ея результатами только въ ограниченныхъ размѣрахъ. Важнѣйшимъ посредствующимъ звеномъ между медициной и психологіей по-

служило сближеніе послѣдней съ науками біологическими; оно совершилось въ 60-хъ годахъ, благодаря, болѣе всего, таланту современнаго англійскаго мыслителя Герберта Спенсера. Въ то время, когда Дарвинъ трудился надъ созданіемъ основъ современной біологіи, Спенсеръ разрабатывалъ основанія психологіи. Работая одновременно, но совершенно независимо отъ Дарвина, Спенсеръ сдѣлалъ для психологіи то же самое, что Дарвинъ для естествознанія, и потому гипотезу Спенсера справедливо называютъ *эволюціонизмомъ* или *дарвинизмомъ* въ психологіи. Рядомъ фактовъ изъ сравнительной психологіи Спенсеръ доказалъ существованіе строгаго соотношенія между строеніемъ нервной системы и нервно-психическими явленіями. Узловая точка его ученія состоитъ въ установленіи принципа тѣсной связи психическихъ отправленій съ организаціей нервной системы. Спенсеръ далъ естественнонаучное направленіе этому вопросу, который рѣшался прежде умозрительно не только школой метафизиковъ, но и школой матеріалистовъ.

Ученіе Спенсера оказало несомнѣнное вліяніе на умы выдающихся мыслителей и фізіологовъ. Вслѣдъ за опубликованіемъ философскихъ трудовъ Спенсера возникаютъ въ неврологіи два важныхъ направленія. Съ одной стороны мы видимъ, что выдающіеся фізіологи (Дондерсъ, Гельмгольцъ, Вундтъ и др.) принимаются за опытное изслѣдованіе душевныхъ явленій и кладутъ начало *психометрии*; съ другой стороны—въ неврологіи устанавливается *анатомическое направленіе*, какъ главный методъ изслѣдованія. Существенную черту этого послѣдняго направленія составляетъ стремленіе опредѣлить топографическое расположеніе и связь отдѣльныхъ механизмовъ, слитыхъ анатомически въ общую массу головного и спинного мозга, другими словами—указать ходъ нервныхъ пуч-

ковъ и волоконъ и найти центры, въ которыхъ они оканчиваются. Кульминаціонной точкой анатомическаго направленія явилось *ученіе о локалізаціяхъ* въ головномъ мозгу. Благодаря массѣ тщательныхъ клиническихъ наблюденій, подтвержденныхъ и экспериментами на животныхъ, установлено въ основныхъ чертахъ столь общеизвѣстное въ наши дни ученіе о локалізаціяхъ въ головномъ мозгу. Ученіе это, по всей справедливости, необходимо признать однимъ изъ великихъ открытій въ медицинѣ. Такимъ образомъ, сложный путь новѣйшихъ успѣховъ въ изученіи нервно-психической системы обозначился тремя крупными шагами: за психологической гипотезой Спенсера послѣдовали психометрическіе опыты, затѣмъ данныя о мозговыхъ локалізаціяхъ. Эти капитальныя пріобрѣтенія медицины составили основу, на которой Вундтъ построилъ свое зданіе фізіологической психологіи въ качествѣ новой медицинской науки. Психологическая школа, основанная Вундтомъ, внесла въ психологію то начало, котораго эта наука никогда раньше не имѣла, именно экспериментъ—не въ смыслѣ, конечно, вивисекцій или преднамѣренныхъ поврежденій нервно-психическаго органа, но въ смыслѣ искусственной постановки условій для психологическихъ наблюденій. Прежній методъ психологическаго изслѣдованія—*самонаблюденіе*—замѣненъ у Вундта *экспериментомъ*,—и въ этомъ самъ Вундтъ, по справедливости, усматриваетъ главную заслугу новой школы. Фізіологическая психологія уже обогатилась многими капитальными фактами. При помощи точнѣйшихъ приборовъ экспериментально расчленены и изучены отдѣльныя составныя части конкретныхъ актовъ, опредѣлена продолжительность не только *психофизическихъ*, но и часто *психическихъ* процессовъ, каковы—*время различенія* или *узнаванія* и *время ассоціаціи*. Многіе существенные вопросы

науки, напрімѣрь, вопросъ о простой психофизической реакціи, о сущности вниманія и апперцепціи, получили новую научную переработку и, по всей вѣроятности, наука близка къ преобразованію всѣхъ основныхъ воззрѣній психологіи, добытыхъ по прежнему методу чистаго самонаблюденія. Независимо отъ успѣховъ теоретической психологіи, на горизонтѣ уже показались факты примѣненія новаго метода психологіи къ рѣшенію вопросовъ практическихъ—въ клиникѣ, въ школѣ. Таковы вышедшіе изъ психологической лабораторіи Вундта изслѣдованія, касающіяся сущности процесса умственного развитія, касающіяся быстроты психическихъ процессовъ у помѣшанныхъ и пр. Успѣхи фізіологической психологіи оказались столь значительными, что возбудили въ умѣ знаменитаго представителя этой школы ожиданія самыхъ блестящихъ перспективъ. «Когда я начиналъ мои университетскія занятія, 35 лѣтъ тому назадъ», говоритъ Вундтъ, «во многихъ университетахъ не было фізіологическихъ лабораторій, и профессора читали курсы фізіологіи чисто теоретически. Самое большое, что разъ въ семестръ собака приносилась въ жертву наукѣ, или бывало покажутъ на лекціи физическій или химическій опытъ. Теперь вспоминаешь объ этомъ, какъ объ какихъ-то незапамятныхъ событіяхъ. Но я надѣюсь,—говоритъ въ заключеніе Вундтъ—еще до окончанія моей университетской карьеры, увидѣть во всѣхъ безъ исключенія университетахъ Германіи психологическія лабораторіи и работающихъ въ нихъ психологовъ».

Не подлежитъ сомнѣнію, что возникновеніе фізіологической психологіи, являющейся апоѳеозомъ современной медицины, окажетъ высокое воспитательное вліяніе на умы врачей; но уже и теперь интересъ къ явленіямъ психической жизни возросъ, и они сдѣлались предметомъ

наблюденія и практическаго изученія въ школѣ, въ тюрьмѣ, въ психіатрическихъ клиникахъ. Отнынѣ интел­ лектуальное чувство мыслящаго человѣка получитъ пол­ ное удовлетвореніе въ сознаніи, что самый высшій органъ жизни, самое совершенное орудіе—орудіе мысли и его дѣятельность—стало предметомъ научнаго анализа и гигие­ ническаго наблюденія со стороны врачебныхъ наукъ.

Если изученіе *физиологической психологіи* явилось слѣд­ ствіемъ высшей культуры ума, если самое существова­ ніе этой науки вызвано потребностью обобщить и освѣ­ тить вопросы чистаго знанія, то возникновеніе *психиче­ ской патологіи* вызвано существенными, вопіющими нуж­ дами жизни. Жизнь всегда неотступно предлагала чело­ вѣческому уму трудные вопросы относительно причинъ и происхожденія трехъ величайшихъ несчастій, постигаю­ щихъ человѣка, а именно: *помышательства, самоубійства и преступленія*. Съ этими вопросами жизнь послѣдова­ тельно стучалась въ двери самыхъ различныхъ спеціаль­ ностей человѣческаго знанія: она обращалась къ религіи, къ нравственной философіи, къ статистикѣ, къ полити­ ческой экономіи; въ наши дни она обратилась къ меди­ цинѣ. Экспертиза врачебныхъ наукъ оказалась необходи­ мой для рѣшенія этихъ сложныхъ, трудныхъ, тяжелыхъ вопросовъ жизни.

Отвѣтомъ на эти вопросы жизни служатъ данныя объ *утомленіи, нервномъ истощеніи и вырожденіи*. Въ этихъ трехъ состояніяхъ мы встрѣчаемся съ различными пері­ одами одного и того же жизненнаго зла, которое въ нашъ нервный вѣкъ является самой опасной, самой ко­ варной болѣзью для высшаго органа жизни. Честь пер­ вой разработки ученія о *вырожденіи* принадлежитъ извѣ­ стному французскому психіатру Морелю—другу и това­ рищу Клода-Бернара. Въ то время, когда знаменитый

фізіологъ изучалъ токсическое дѣйствіе ядовъ на животный организмъ, Морель, увлеченный его опытами, изучалъ наслѣдственное вырожденіе нервныхъ системъ подѣ влияніемъ различныхъ жизненныхъ условій и хроническаго отравленія, вызваннаго продолжительнымъ употребленіемъ возбуждающихъ и наркотическихъ средствъ. Плодомъ этихъ изслѣдованій былъ классическій трактатъ Мореля: *о физическомъ, умственномъ и нравственномъ вырожденіи чловѣческаго рода*. Капитальная важность затронутыхъ Морелемъ фактовъ привлекла къ себѣ вниманіе со стороны психіатровъ и вызвала многочисленныя изслѣдованія. Путемъ всестороннихъ клиническихъ наблюденій былъ установленъ фактъ наслѣдственности нервныхъ и психическихъ болѣзней, изслѣдованы признаки этихъ болѣзней и опредѣлены главнѣйшія условія, вызывающія страданія и вырожденіе нервной системы. Далѣе, тщательно наблюденъ и прослѣженъ путь, какимъ идетъ вырожденіе поколѣній и его окончательный исходъ въ слабоуміе, идиотизмъ съ полнымъ прекращеніемъ рода.

Когда вырожденіе проникло въ извѣстный родъ, въ извѣстную семейственную группу, то въ членахъ ея врачъ можетъ наблюдать разнообразныя проявленія этого біологическаго—*мани, факель, фаресъ*—или разбросанными порознь въ различныхъ членахъ семьи, или безпощадно соединенными въ одномъ обездоленномъ существѣ. Проявленія вырожденія могутъ быть подведены подѣ пять категорій:

- 1) Прочное предрасположеніе къ нервнымъ заболѣваніямъ или самая болѣзнь.
- 2) Такое же предрасположеніе къ психическимъ заболѣваніямъ или самая болѣзнь.
- 3) Болѣе или менѣе рѣзко выраженныя неправильности характера до отвращенія къ жизни включительно.

4) Неспособность къ продолжительному напряженію силъ и легко наступающее утомленіе.

5) Физическіе знаки вырожденія.

Всѣ эти явленія составляютъ надежные признаки для распознаванія существующаго зла. Въ особенности это относится къ физическимъ знакамъ вырожденія, такъ какъ они представляютъ безспорный анатомическій признакъ. Важное діагностическое значеніе физическихъ знаковъ вырожденія указано впервые Морелемъ, который назвалъ ихъ — *Stygmates héréditaires* и Гризингеромъ, давшимъ имъ наименованіе *знаковъ вырожденія — Degenerationszeichen*.

Существованіе физическихъ знаковъ вырожденія показываетъ, до какой степени серьезно дѣйствіе тѣхъ біологическихъ условій, которыя лежатъ въ основѣ *вырожденія*: они не только измѣняютъ функціональную или феноменальную сторону нервно-психической жизни, они разрушаютъ человѣческой организмъ анатомически, грубымъ матеріальнымъ образомъ. Очевидно, что въ условіяхъ, дѣйствующихъ вредно на нервную систему, мы встрѣчаемся съ явленіями гораздо болѣе опасными и угрожающими жизни, нежели тѣ многія болѣзнетворныя причины, которыя вызываютъ страданія другихъ органовъ и системъ тѣла. Въ качествѣ высшаго органа, въ качествѣ совершеннѣйшаго орудія жизни, нервная система составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самый чувствительный пунктъ, изъ котораго весь организмъ можетъ быть убитъ или смертельно раненъ. Чувствительность нервной системы и значеніе для нея вредныхъ воздѣйствій выясняется болѣе всего тѣмъ фактомъ, что для появленія тяжелыхъ формъ психо-физическаго вырожденія не требуется продолжительнаго времени, не нужны годы или жизнь поколѣній. Страшное біологическое зло можетъ появиться въ своемъ полномъ развитіи въ ближайшемъ потомствѣ безусловно

здороваго дотолѣ чловѣка, если только послѣдній под-
вергнулся лично физическимъ или нравственнымъ влія-
ніямъ, вредно дѣйствующимъ на нервную систему. Кар-
тина можетъ быть тѣмъ болѣе поразительной, если вы-
рожденіе, исходящее отъ одного изъ родителей, обна-
руживается на нѣсколькихъ дѣтяхъ.

Все сказанное относится въ гораздо большей сте-
пени къ нервной системѣ женщины, чѣмъ мужчины, и
быть можетъ то принципальное, традиціонное охраненіе,
которымъ окружена женщина во всѣхъ культурныхъ об-
ществахъ, и устраненіе ея отъ трудныхъ и тяжелыхъ
занятій является выраженіемъ безсознательнаго познанія
этой истины, добытой вѣковымъ опытомъ чловѣческаго
развитія.

Но въ особенности оказывается необыкновенно чув-
ствительной ко всѣмъ вреднымъ воздѣйствіямъ нервная
система въ періодѣ своего эмбріональнаго развитія. Съ
момента зачатія—жизнь, благосостояніе, будущность за-
чатаго существа и его потомковъ зависятъ вполнѣ отъ
питанія, трудовъ, напряженій, физиологической и нрав-
ственной судьбы матери. Утомленіе, истощеніе матери,
различнаго рода ядовитыя вещества, которыя она упо-
требляетъ въ это время, роковымъ образомъ являются
гораздо болѣе губительными для плода, чѣмъ для матери
и могутъ внести начало вырожденія въ это существо и
въ его потомство.

Новѣйшія изслѣдованія по вопросу о вырожденіи
существеннымъ образомъ расширили область фактовъ и
внесли новыя обобщенія въ вопросъ. Мы остановимся на
двухъ главныхъ пунктахъ.

Согласно афоризму, что природа не знаетъ скач-
ковъ, было найдено, что тѣ крупныя проявленія *вырож-*
денія, которыя открыты Морелемъ, не начинаются столь

рѣзко и такъ сказать *ex abrupto*, какъ предполагалось; но имъ предшествуютъ болѣе слабыя, ничтожныя формы зла, которыя однакоже могутъ передаваться наслѣдственнымъ образомъ и потому должны быть причислены къ общей группѣ явленій вырожденія и должны быть признаны за первое звено начинающагося разстройства. Болѣзненное состояніе, которое имѣетъ эти свойства, было извѣстно врачамъ съ конца прошлаго вѣка и съ того времени было описываемо подъ различными именами; въ настоящее время, согласно номенклатурѣ Бреда, оно получило названіе *неврастеніи* или нервной слабости, нервнаго истощенія. Новѣйшіе авторы присоединяютъ къ явленіямъ дегенерачіи, и—надо сказать съ полнымъ правомъ—состояніе *утомленія* или *переутомленія*. Такимъ образомъ мы получаемъ сложную патологическую лѣстницу, по которой идетъ физическое, умственное и нравственное разрушеніе чело- вѣка: первую ступень этой лѣстницы составляетъ *утомленіе*, затѣмъ идетъ *неврастенія* и далѣе слѣдуютъ различныя виды *вырожденія*.

Второй важный фактъ, установленный новѣйшими наблюденіями, состоитъ въ томъ, что всѣ виды индивидуальнаго расслабленія нервной системы, до *неврастеніи* и *утомленія* включительно, способны передаваться нисходящимъ поколѣніямъ, вызывая въ нихъ въ большей или меньшей мѣрѣ наклонность ко всѣмъ проявленіямъ вырожденія. Такимъ образомъ ослабленіе нервной системы, развившееся какимъ бы то ни было образомъ, даже у чело- вѣка безусловно здороваго отъ природы, способно дать всѣ губельныя плоды вырожденія—разъ пріобрѣтенная индивидуальная слабость становится наслѣдственной. Рок-овое свойство патологическаго состоянія нервной системы закрѣпляется наслѣдственной передачей сказывается особенно ясно въ томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что за-

чатіе въ состояніи опьяненія можетъ дать дегенеративный плодъ даже въ томъ случаѣ, если оба родители люди здоровые отъ природы. Очевидно, что даже случайное зерно заразы, попавшее въ нервную систему родителей, можетъ быть закрѣплено наслѣдственной передачей. Состоянія же *утомленія* и *истощенія* безусловно передаются наслѣдственнымъ образомъ, и существо, зачатое въ подобныхъ состояніяхъ, рождается на свѣтъ съ нервной системой уже утомленной; жизненные условія, а въ особенности неизбѣжный въ жизни трудъ, произведутъ дальнѣйшее утомленіе, и зло, начавшееся въ родителяхъ, будетъ капитализироваться и накопляться въ потомствѣ.— Таково схематическое изложеніе главнѣйшихъ фактовъ патологической наслѣдственности.

Жизненное значеніе начавшагося вырожденія обнаруживается съ особенною ясностью на почвѣ важнѣйшаго элемента жизни—труда. Всѣми наблюдателями удостоверяется, что лица съ явленіями вырожденія легче здоровыхъ людей утомляются, и потому менѣе способны къ продолжительному напряженію силъ. Это явленіе обнаруживается съ поразительной очевидностью тамъ, гдѣ обучаются умственному труду и тамъ, гдѣ отстаиваютъ жизнь, т.-е. *въ школахъ* и *на войнѣ*. Въ послѣдніе годы много было высказано по вопросу объ утомленіи въ школахъ. Утомленіе безусловно доказано, но при провѣркѣ факта компетентными наблюдателями оказалось, что большая часть утомленныхъ дѣтей носятъ на себѣ знаки вырожденія; слѣдовательно, ихъ утомленіе науками есть только отчасти слѣдствіе ихъ индивидуальнаго напряженія, отчасти же оно является біологическимъ плодомъ наслѣдственнаго истощенія: они родились съ утомленной нервной системой, и обычныя напряженія лишили ихъ силъ. Тожественные факты наблюдались нѣмецкими врачами въ послѣднюю нѣмецко-

французскую войну 1870 г.; даже врачи ввели въ свои отчеты особую рубрику утомленныхъ солдатъ подъ названіемъ—*fatigatio*. Это утомленіе вызывалось болѣе всего физическими напряженіями, впечатлѣніями горячаго боя и форпостной службой. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ утомленіе принимало характеръ настоящей психической болѣзни, но нѣсколько дней отдыха и покоя возстановляли силы подобнаго солдата, и тогда становилось яснымъ, что дѣло идетъ не о болѣзни, а лишь о крайнемъ нервномъ утомленіи. Часть состава *слабосильныхъ командъ* въ нашей арміи во время войны, несомнѣнно относятся къ этимъ утомленнымъ людямъ.

Въ то время какъ люди съ болѣзненнымъ предрасположеніемъ скоро утомляются и неспособны къ продолжительному неизмѣнному напряженію силъ—люди съ нервной системой, безукоризненно здоровой, могутъ безнаказанно переносить относительно большое количество физическаго и психическаго труда. Подобная выносливость можетъ служить мѣриломъ прочности и устойчивости нервно-психической организаціи. Эта неутомимость въ трудѣ и напряженіи служитъ истиннымъ показателемъ нервно-психической даровитости субъекта. Одинъ французскій наблюдатель сороковыхъ годовъ былъ пораженъ фактомъ долговѣчности большей части выдающихся ученыхъ членовъ Академіи Наукъ, и притомъ людей, которые отличались наибольшимъ количествомъ изданныхъ ими ученыхъ трудовъ. Авторъ объяснилъ найденный имъ статистическій фактъ правильнымъ образомъ жизни и воздержанностью академикомъ. Но съ точки зрѣнія новѣйшихъ воззрѣній, долговѣчность и соединенная съ нею возможность продолжительныхъ умственныхъ напряженій академикомъ объясняется тѣмъ, что это были люди, особенно счастливо одаренные въ физическомъ и нервно-

психическомъ отношеніяхъ, а это давало имъ возможность предаваться систематическимъ умственнымъ напряженіямъ безъ всякаго вреда для своихъ силъ: академики могли работать много, и безъ вреда для здоровья, къ сожалѣнію, не въ примѣръ обыкновеннымъ людямъ.

Вліяніе утомленія и вырожденія обнаружено и въ такихъ явленіяхъ нравственнаго порядка, какъ *самоубійство* и *преступленіе*. Эти явленія, въ извѣстной степени, вошли въ настоящее время въ кругъ вѣдѣнія медицины. Самоубійство издавна входило въ область нравственной философіи, затѣмъ въ качествѣ явленія общественной жизни оно стало предметомъ статистики, а въ настоящее время нервная патологія включила самоубійство въ кругъ самыхъ существенныхъ вопросовъ своего вѣдѣнія.

Въ самое недавнее время то же случилось и съ ученіемъ о преступномъ человѣкѣ. Преступленіе всегда составляло исключительное содержаніе наукъ уголовныхъ, лишь въ самое недавнее время преступный человѣкъ сдѣлался предметомъ антропологическаго и врачебнаго изслѣдованія; возникла уголовно-антропологическая школа; учреждены съѣзды уголовной антропологіи; собираются коллекціи, устраиваются музеи изъ бранныхъ остатковъ преступнаго человѣка; отрубленные и консервированныя головы отцеубійць и тяжкихъ преступниковъ собраны въ музеѣ Брока въ Парижѣ—точно живые, они безмолвно устремляютъ свой неподвижный взоръ на посѣтителя музея, наводя его на философскія размышленія, болѣе глубокія, чѣмъ тѣ, которыя навѣваются безмолвностью кладбища.

Нельзя не быть пораженнымъ или, по крайней мѣрѣ, не испытывать чувства удивленія передъ той массою труда и энергіи, которую обнаружили врачи въ изученіи вопросовъ уголовной антропологіи и въ самомъ созданіи этой отрасли знанія. Въ этомъ рвеніи сказалось стремленіе

найти отвѣтъ на неотступный вѣковой вопросъ жизни о причинѣ и происхожденіи зла въ человѣкѣ, вопросъ, для разрѣшенія котораго человѣческая мысль создала массу мифовъ, гипотезъ, философскихъ системъ. Этотъ трудный вопросъ жизнь теперь предлагаетъ медицинѣ. И самоубійство, и тяжкое преступленіе такъ ужасны, что человѣческая мысль никогда не могла мириться съ неразрѣшимостью этихъ вопросовъ, и лишь только открывался новый методъ, новый путь изслѣдованія нравственныхъ явленій, человѣческая мысль ждала отъ нихъ окончательнаго рѣшенія. То же случилось съ антропологическимъ ученіемъ о преступномъ человѣкѣ.

Изъ массы матеріала, собраннаго уголовной антропологіей, выяснилась безусловная справедливость основной мысли Мореля о распространеніи явленій вырожденія на всѣ стороны человѣческой природы: вырожденіе всего чаще бываетъ и *физическимъ* и *умственнымъ* и *нравственнымъ*, какъ то утверждаетъ Морель, впервые поднявшій этотъ капитальный вопросъ жизни. Въ этомъ отношеніи данныя уголовной антропологіи богаты безспорными фактическими доказательствами. Оказалось, что тѣ неправильности характера, которыя свойственны дегенеративному помѣшательству и субъектамъ, предрасположеннымъ къ нему, наблюдаются у преступниковъ чаще, чѣмъ у здоровыхъ людей; оказалось, что нравственная тупость—родъ нравственнаго дальтонизма—равнымъ образомъ чаще наблюдается у преступныхъ людей, чѣмъ у здоровыхъ; наконецъ—и это въ особенности доказательно—физическіе знаки вырожденія, т. е. многочисленныя природныя ошибки и недостатки тѣлесной организациі, чаще свойственны преступникамъ, нежели здоровымъ субъектамъ. Такимъ образомъ уголовная антропологія установила существованіе связи между преступностью и состояніемъ

вырожденія. Безъ сомнѣнія, этимъ не рѣшены всѣ проблемы преступленія, такъ какъ преступленіе имѣетъ свои многочисленные корни и источники въ условіяхъ соціальной жизни; но уголовная антропология указала на новый важный источникъ зла—біологическій. Науки общественныя доказали связь между общественною совѣстью и индивидуальной, между преступленіемъ и жизненной судьбой преступнаго лица; уголовная антропология показала, что независимо отъ того можетъ существовать связь между преступностью и условіями рожденія человѣка, между нравственнымъ извращеніемъ и біологическими событіями, предшествовавшими самому зачатію. Въ каждомъ конкретномъ случаѣ преступленія, спеціальной власти, т.-е. суду остается рѣшить, какимъ моментамъ слѣдуетъ приписывать преимущественное значеніе. Въ общемъ же выводъ данныя современной медицины сводятся къ тому, что нѣкоторая часть самоубійствъ, нѣкоторая часть преступленій, и нѣкоторая часть случаевъ помѣшательства обусловлены состояніемъ вырожденія субъекта. Другая же часть этихъ отрицательныхъ явленій жизни имѣетъ инныя причины и иное происхожденіе.

Мы думаемъ, что данныя уголовной антропологии въ настоящее время имѣютъ гораздо болѣе важное значеніе для медицины, нежели для криминалогии. Они самымъ существеннымъ образомъ содѣйствовали развитію и выясненію вопроса о вырожденіи, а этотъ вопросъ имѣетъ высокое научное и практическое значеніе и служитъ исходной точкой для проблемъ нервно-психической гигиены и профилактики.

Военно-санитарные отчеты послѣдняго времени указали на одинъ изъ самыхъ могущественныхъ источниковъ *утомленія, истощенія и вырожденія*. Это современныя войны! До недавняго времени такихъ отчетовъ не суще-

ствовало, и зло оставалось неоткрытымъ. Правда, наука знала другіе не менѣе могущественные источники нервно-психической гибели человѣка. Военно-санитарные отчеты открыли новый источникъ и анализировали его свойства и дѣйствіе. Доселѣ мы знали о количествѣ ранъ, о числѣ убитыхъ, но не знали, во что война обходится нервной системѣ ея участниковъ. Отчеты выясняютъ эту подробность.

Битвы кончились, миръ заключенъ, закрылись раны у героевъ войны, закрылись и раны и сердца у тѣхъ, кто на войнѣ потерялъ близкихъ, кончились всѣ видимыя бѣдствія войны, но истинная ликвидація зла еще далеко не окончилась. Оно продолжаетъ долго жить въ нервныхъ центрахъ всѣхъ, кого война довела до утомленія и истощенія.

Война соединяетъ въ себѣ условія для опаснаго истощенія нервной системы людей: крайнее физическое напряженіе, крайнее напряженіе психическое, неудовлетворительное питаніе, недостаточный сонъ и эпидемическія болѣзни.

Едва-ли нужно говорить о физическомъ истощеніи во время войны при продолжительныхъ бояхъ, форсированныхъ передвиженіяхъ. Отчеты нашей арміи за послѣднюю войну приводятъ краснорѣчивый фактъ, что пища, приготовленная для солдатъ, оставалась неразобранной въ котлахъ: утромъ не хотѣли ѣсть вслѣдствіе безсонной ночи, вечеромъ—вслѣдствіе крайняго изнеможенія.

Гораздо болѣе серьезное значеніе для здоровья имѣетъ крайнее психическое напряженіе, обусловливаемое близостью непріятеля, необыкновенно строгой служебной отвѣтственностью и потрясающими впечатлѣніями кровопролитныхъ сраженій. Къ этому присоединяются заботы о покинутой семьѣ, тоска по родинѣ, потеря родныхъ и

товарищей въ битвахъ; всѣ эти психическіе моменты въ войскахъ, потерпѣвшихъ пораженіе, усиливаются паникой преслѣдованія, патріотическою скорбью о проигранномъ дѣлѣ, плѣномъ и т. п. Истошающее вліяніе боевой жизни на нервную систему тонко подмѣтилъ Арндтъ въ послѣднюю нѣмецкую войну. Изъ наблюденій его ясно видно, что во время войны у большинства участвующихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ развивается состояніе болѣзненной нервности, психической раздражительности, которое служитъ поводомъ къ разнообразнымъ проступкамъ и нарушеніямъ субординаціи и исчезаетъ снова часто только по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ и даже лѣтъ спокойной жизни. Какъ на выдающіеся симптомы истощенія нервной дѣятельности Арндтъ указываетъ при этомъ на слѣдующія явленія: быстрая утомляемость, неохота къ занятіямъ, чувство разбитости тѣла, неспособность работать привычнымъ образомъ, недовольство самимъ собой и цѣлымъ свѣтомъ, сонливость; въ другихъ случаяхъ—бессонница, сильная раздражительность характера, пугливость, легкое появленіе неосновательныхъ опасеній, мрачныя ипохондрическія мысли, доходящія до отвращенія къ жизни (*taedium vitae*). Отъ этого неврастеническаго состоянія до настоящей болѣзни—только шагъ. На это есть и фактическія доказательства. Въ самомъ дѣлѣ количество психическихъ заболѣваній въ Германской арміи въ 1866 и 1870 годахъ значительно выше, въ сравненіи съ процентомъ заболѣванія въ мирное время, и самые виды болѣзней военного времени отличались тяжелымъ, часто неизлѣчимымъ характеромъ.

Самымъ документальнымъ показателемъ того, что производитъ война съ нервной системой, служатъ наблюденія надъ характеромъ, теченіемъ и исходомъ инфекціонныхъ болѣзней. Тифъ въ нѣмецкую войну, при сво-

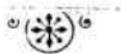
емъ исходѣ въ выздоровленіе, осложнялся нервными заболѣваніями въ такой значительной степени, въ какой этого никогда не наблюдалось въ мирное время. Наибольшее число нервныхъ заболѣваній пало на эпидемію въ Мецѣ и Парижѣ. Тѣ тифозныя заболѣванія, которыя наступали послѣ напряженныхъ переходовъ и тяжелыхъ осадъ, обнаруживали наибольшую склонность къ нервнымъ осложненіямъ, такъ что зависимость этихъ осложненій отъ утомленія несомнѣнна. Новымъ интереснымъ реагентомъ на состояніе нервной системы во время войны служитъ тотъ фактъ, что тяжелыя заболѣванія, каковы: дрожательный параличъ, хорей, острая атаксія, мышечная атрофія и столь опасныя для психическаго органа вазомоторныя невроты наблюдались послѣ тифовъ въ такомъ сравнительно молодомъ возрастѣ, въ какомъ наука никогда не наблюдала ихъ до того времени. Кромѣ того, нѣмецкіе отчеты приводятъ поразительные случаи тяжелыхъ нервныхъ заболѣваній, наступившихъ среди боя у людей, безусловно здоровыхъ и неимѣвшихъ никакого наслѣдственнаго предрасположенія къ нервнымъ заболѣваніямъ. Здѣсь очевидно мы встрѣчаемся съ тяжелымъ *приобрѣтеннымъ вырожденіемъ*. Такое же значеніе имѣютъ тѣ случаи, гдѣ разъ *приобрѣтенное* на войнѣ функциональное нервное расстройство упорно держалось, не исчезая въ теченіе многихъ мѣсяцевъ и лѣтъ спокойной жизни. Наконецъ, отчеты указываютъ случаи тяжелыхъ нервныхъ заболѣваній въ потомствѣ участниковъ войны, которые, будучи до войны совершенно здоровыми, впервые получили нервную болѣзнь на войнѣ и наслѣдственнымъ образомъ передали ее дѣтямъ, родившимся нѣсколько лѣтъ спустя послѣ войны. Этотъ фактъ служитъ поразительной иллюстраціей *приобрѣтеннаго на войнѣ и переданнаго по наслѣдству тяжелаго вырожденія*.

Принимая во вниманіе изложенные факты, можно сказать, что война стоить странѣ не только крови, но и нервовъ. Война вноситъ опасное начало истощенія и вырожденія въ нервную систему самой здоровой и самой молодой части населенія. А если принять въ соображеніе, что современныя войны ведутся милліонами солдатъ, то легко представить себѣ, какъ велика опасность для расы отъ этого поголовнаго ослабленія нервныхъ системъ участниковъ войны—будущихъ отцовъ семействъ.

Военно-медицинскіе отчеты за послѣднюю нашу восточную войну представляютъ высокія цифры тифозныхъ и малярійныхъ заболѣваній. Если нѣмецкая армія дала 65,000 заболѣваній тифомъ, то наша армія дала около 200,000 и, кромѣ того, около *милліона* малярійныхъ лихорадокъ. Наша армія пострадала сравнительно мало отъ ранъ, но чрезвычайно—отъ инфекціонныхъ заболѣваній, а въ смыслѣ вліянія войны на нервную систему это имѣетъ гораздо болѣе серьезное значеніе, особенно если принять во вниманіе тяжелый характеръ тифозныхъ и малярійныхъ заболѣваній въ нашихъ арміяхъ. Подробная характеристика свойства тифозныхъ эпидемій въ Кавказской арміи указываетъ на чрезвычайно частыя и въ высшей степени тяжелыя осложненія тифа нервными заболѣваніями: менингитомъ, острымъ бредомъ, воспаленіемъ периферическихъ нервовъ и психическими разстройствами. Особенно часты и разрушительны были при тифахъ обширныя трофическія заболѣванія, неизвѣстныя въ нѣмецкой арміи. Принимая во вниманіе эти данныя, необходимо придти къ заключенію, что наша армія вынесла въ послѣднюю восточную войну болѣе значительныя трудности, чѣмъ нѣмецкая армія въ войну 1870 г. не только по продолжительности военнаго времени, но и по невѣроятному напряженію силъ, которое вызывалось тягостями войны.

Взвѣсивая тяжести войны, взвѣсивая пораженія, наносимыя войной и тѣлу и нервно-психической системѣ участниковъ, мы—врачи—не можетъ не пожелать вдвойнѣ неоцѣненныхъ благъ мира...

Въ заключеніе, обращаясь къ Вамъ, дорогіе товарищи по профессіи, считаю долгомъ сказать, что жизнь и наука возлагаютъ на насъ, врачей, новое дѣло, новый великій долгъ—долгъ охранять нервно-психическое здоровье населенія во время мира и среди войны. Дружно примемся за это новое дѣло, за эти новыя священныя обязанности! И пусть нашъ трудъ на этомъ новомъ поприщѣ увѣнчается такими же блестящими успѣхами, какими обезсмертила себя новѣйшая хирургія съ ея анти-септикой и внутренняя медицина съ бактериологіей!

II.

О великихъ успѣхахъ и возрастающемъ значеніи психіатріи и неврологіи среди наукъ и въ жизни.

Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Кіевскаго Психіатрическаго Общества 15 ноября 1898 года.

Будущая исторія человѣческой мысли занесетъ на свои страницы фактъ быстрыхъ выдающихся успѣховъ, какими ознаменовалось, въ теченіе нынѣшняго столѣтія, научное развитіе психіатріи и нервной патологіи.

Въ настоящее время мы съ трудомъ можемъ представить себѣ тотъ ничтожный запасъ знаній, которымъ обладали эти науки въ началѣ настоящаго столѣтія, когда самымъ выдающимся умамъ казалось, что развитіе анатоміи, физиологіи и патологіи мозга есть задача будущихъ далекихъ вѣковъ, удѣлъ будущаго, отдаленнаго человѣчества. Но величіе науки неизмѣримо! То, что казалось недостижимымъ, достигнуто въ предѣлахъ одного столѣтія, добыто научнымъ трудомъ не болѣе, какъ двухъ человѣческихъ поколѣній. Тѣ, кто имѣютъ честь и счастье принадлежать ко второму изъ этихъ поколѣній, пользуются въ настоящее время результатами величайшихъ усилій только что сошедшей со сцены плеяды великихъ ученыхъ, которые своими титаническими силами создали, какъ-бы

по чудесному мановенію, готовую науку и передали ее намъ—второму поколѣнію, почти въ законченномъ видѣ истинной дисциплины. Исторія человѣческой мысли никогда не забудетъ этихъ выдающихся дѣятелей. Но ихъ не забудетъ и жизнь! Создавъ научную психіатрію съ нервной патологіей, они внесли въ жизнь тотъ свѣтъ и тѣ благодѣянія, которыми наука способна одарить человечество.

Первымъ благодѣяніемъ вновь возникшей научной психіатріи было снятіе цѣпей съ умалишенныхъ и улучшение ихъ судьбы. До конца минувшаго вѣка участь этихъ больныхъ была въ высшей степени печальна. Практика жизни видѣла въ помѣшанномъ только опасное и разрушительное существо. Правительства и общества не признавали въ отношеніи умалишенныхъ иного долга, кромѣ необходимости избавиться отъ нихъ. Заботились о крѣпкомъ заключеніи помѣшаннаго и объ его укрощеніи; о леченіи не было рѣчи. Вслѣдствіе укоренившагося предразсудка о неизлечимости помѣшательства, душевно-больныхъ вовсе не лечили. Еще болѣе печальную сторону дѣла составляло то, что этихъ больныхъ совершенно не понимали: за безпокойствомъ и раздраженностью помѣшаннаго, подъ оболочкой безумія, никто не видѣлъ страданій больного человѣка. Этого не видѣли даже врачи, близко стоявшіе къ помѣшаннымъ, а кругозоръ неспеціалистовъ былъ, безъ сомнѣнія, еще уже. Въ ту пору уже существовали больницы для всякаго рода больныхъ; одни помѣшанные оставались безъ надлежащаго призрѣнія. Ихъ содержали,—если они были спокойны,—въ монастыряхъ, въ случаѣ же безпокойства—въ тюрьмахъ, совмѣстно и наряду съ уголовными преступниками—что глубоко оскорбляло чувства больныхъ, не утратившихъ сознанія и понимавшихъ обстановку, которая ихъ окружаетъ. Въ богадѣльняхъ же

и больницахъ помѣшаннымъ обыкновенно отводились подвальные этажи или старья, сырья, негодныя для жилья части зданій, но весьма нерѣдко ихъ помѣщали также въ подвалахъ, лишенныхъ свѣта, въ подземельяхъ и погребкахъ. Имъ не давали обыкновенной теплой пищи; считалось естественнымъ, чтобы помѣшанные оставались на хлѣбѣ и водѣ, который выдавался одинъ разъ въ день. Казалось излишнимъ отапливать помѣщенія для помѣшанныхъ, и помѣщенія устраивались нерѣдко безъ топокъ. Всѣ эти условія въ соединеніи съ постояннымъ безпокойствомъ, проистекавшимъ отъ дурного обращенія съ больными, вызывали у нихъ малокровіе, которое еще болѣе усиливало ихъ раздражительность. Но самую мрачную сторону тогдашняго дома для умалишенныхъ составляли цѣпи и кнуты. Кнуты изъ бычачьей кожи выдавались больничной прислугѣ, и было разрѣшено примѣнять ихъ къ дѣлу для укрощенія безпокойныхъ больныхъ и для принужденія ихъ къ повиновенію. На тѣхъ же больныхъ, которые не могли быть дисциплинированы кнутомъ, накладывали цѣпи. Онѣ отягощали больного и вызывали часто язвы. Цѣпи, въ которыхъ Эскироль нашелъ въ Англіи больныхъ, кажутся совершенно невѣроятными современному человѣку. Больныхъ приковывали къ стѣнамъ, или къ столбамъ въ такомъ разстояніи, чтобы несчастные, терзаемые безсильной злобой, не наносили другъ другу вреда. У ногъ прикованнаго такимъ образомъ больного человѣка лежала скудная пища, и тутъ же валялась всякая нечистота. Въ такомъ положеніи Эскироль нашелъ помѣшанныхъ въ началѣ настоящаго столѣтія повсюду во Франціи за исключеніемъ Парижа. Такова же была участь больныхъ и въ другихъ странахъ. Изображая положеніе больныхъ, Эскироль въ своемъ докладѣ Министру Вн. Дѣлъ въ 1818 г. замѣчаетъ, что администрація зоологи-

ческаго сада столицы ни за что не согласилась бы помѣстить животныхъ такъ, какъ помѣщены душевно-больные. Въ такихъ-то условіяхъ душевно-больные монотонно проводили долгіе годы въ ожиданіи далекой смерти, которая, по выраженію Эскироля, только одна была въ состояніи прекратить ихъ страданія и позоръ тѣхъ, которые оставляли ихъ томиться въ такомъ положеніи.

Измѣнить это положеніе къ лучшему наука была безсильна. Тогдашняя психіатрія стояла одиноко, вдали отъ остальной клинической медицины, не имѣя съ нею ничего общаго. Еще не были собраны самые элементарные факты психіатрической симптоматологіи, не существовало методовъ изслѣдованія, даже не былъ разработанъ психологическій анализъ. Таково было положеніе психіатріи, когда на научномъ поприщѣ появились два замѣчательные клинициста, обладавшіе, сверхъ знанія медицины, философскимъ умомъ и широкимъ образованіемъ. Они положили первое начало современной психіатріи. То были Пинель и Эскироль.

Въ 1795 году Пинель снялъ цѣпи съ умалишенныхъ въ Богадѣльнѣ Бисетра, при величайшемъ несочувствіи къ этой мѣрѣ тогдашнихъ республиканскихъ властей. Едва-ли нужно говорить, какое благотворное вліяніе эта мѣра произвела на больныхъ. Пинель съ гордостью могъ написать слѣдующія строки: *высокопоставленные поспышители, любопытствовавшіе видѣть отдѣленіе душевно-больныхъ въ Салпетріерѣ, видя господствующій тамъ порядокъ и совершенное спокойствіе, нерѣдко съ удивленіемъ спрашивали: „а идѣ-же собственно у васъ помѣшанные“.* „Эти поспышители, заканчиваетъ Пинель, не догадывались, какая высокая похвала нашему заведенію содержалась въ ихъ словахъ; они привыкли видѣть повсюду въ домахъ умалишенныхъ—шумъ, крикъ, безпокойство и не могли даже и во-

образить того, что можетъ быть достигнуто гуманнѣмъ обращеніемъ съ больными“. Ближайшимъ слѣдствіемъ реформы Пинеля было то, что часть больныхъ, считавшихся неизлечимыми, выздоровѣли, а всѣ вообще больные сдѣлались гораздо болѣе спокойными. Со введеніемъ же системы Пинеля повсюду, случаи убійства помѣшанными прислуги, бывшіе прежде частыми, сдѣлались рѣдкими. Но самымъ важнымъ слѣдствіемъ Пинелевой реформы явилась возможность для врача наблюдать естественное теченіе болѣзни, не осложняемое раздраженіемъ, вытекавшимъ изъ дурного обращенія съ больными.

Главная заслуга Пинеля и Эскироля состоитъ въ разработкѣ метода психологическаго изслѣдованія больныхъ и въ установленіи психологической симптоматиологии.

Но, безъ сомнѣнія, для рѣшенія сложныхъ вопросовъ психической патологіи было недостаточно одного этого метода, необходимы были и другіе новые приемы, новые способы изслѣдованія; для успѣховъ психіатріи необходимо было, какъ оказалось впослѣдствіи, содѣйствіе естествознанія, медицины, психологіи, антропологіи.

Въ ряду исчисленныхъ отраслей знанія *патологическая антропология* раньше другихъ внесла въ психіатрическую клинику свой методъ и свое содержаніе. Она возникла на изученіи матеріала, о которомъ до того времени знали очень мало. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, когда душевно-больные (въ собственномъ смыслѣ этого слова) уже сдѣлались предметомъ клиническаго изученія и леченія, о другой гораздо болѣе многочисленной части психическихъ больныхъ почти ничего не знали. Я разумѣю многочисленный классъ идиотовъ и кретиновъ. Когда Гугенбюль основалъ свое заведеніе въ Абендбергѣ близъ Интерлакена, то масса врачей, естествоиспытателей, обра-

зованныхъ людей и коронованныя особы стекались туда, чтобы видѣть эту коллекцію нервно-психическихъ выродковъ человѣческаго рода. Впечатлѣніе, произведенное на умы науки этимъ заведеніемъ для идіотовъ, было необыкновенно велико. Появилась масса научныхъ изслѣдованій объ идіотизмѣ и кретинизмѣ. Но никто однако же не догадывался о томъ, въ какихъ широкихъ размѣрахъ существуетъ среди людей это антропологическое зло. Почти во всѣхъ странахъ западной Европы были назначены комиссіи, которыя совершили экскурсіи и собрали точныя свѣдѣнія объ количествѣ идіотовъ, кретиновъ и зобатыхъ. Оказалось, что на каждую 1.000 населенія существуетъ отъ 3—4 помѣшанныхъ и столько-же идіотовъ. Когда размѣры зла сдѣлались приблизительно извѣстными, у большинства лучшихъ психіатровъ (Решъ, Нассе, Конолли, Роллеръ) невольно вырвался патетическій возгласъ о необходимости изученія идіотизма и предупредительныхъ мѣръ противъ него. Въ этомъ справедливо усматривали вопросъ не только научной, но и государственной важности. Безъ сомнѣнія, вопросъ о причинахъ идіотизма имѣетъ высокое практическое значеніе, если мы подумаемъ, что условія, производящія идіотизмъ, при слабѣйшемъ дѣйствіи своемъ, могутъ приводить къ рожденію глуповатыхъ или бездарныхъ дѣтей, а такимъ путемъ постепенно суживается біологическій прогрессъ расы.

Почти единовременно съ возникновеніемъ ученія объ идіотизмѣ началось изученіе причинъ психическихъ болѣзней.

Честь этого новаго шага въ психіатріи принадлежитъ извѣстному французскому психіатру Морелю — другу и товарищу Клода Бернара. Въ то время когда знаменитый фізіологъ изучалъ токсическое дѣйствіе ядовъ на

животный организм, Морель, увлеченный его экспериментами, изучалъ наследственную дегенерацію нервныхъ системъ подѣ вліяніемъ хроническихъ отравленій пищевыми и лекарственными веществами. Плодомъ этихъ изслѣдованій былъ его классическій трудъ: О физическомъ, умственномъ и нравственномъ вырожденіи человѣческаго рода.

Начатое Морелемъ изученіе этиологіи психическихъ болѣзней разраслось въ настоящее время до размѣровъ широкаго ученія, заключающаго въ себѣ обширную группу фактовъ біологическихъ, соціальныхъ, нравственныхъ, значеніе которыхъ для здоровья разработано съ выдающимся глубокомысліемъ и тонкостью. Въ этомъ отношеніи психіатрія по широтѣ взглядовъ занимаетъ едва-ли не первое мѣсто въ медицинѣ.

Изученіе идиотизма вмѣстѣ съ новыми фактами, открытыми Морелемъ, составили тотъ базисъ, на которомъ возникъ одинъ изъ самыхъ важныхъ отдѣловъ современной психіатріи, именно—ученіе о *вырожденіи* и о *дегенеративныхъ психозахъ*, въ смыслѣ возрастающей, преемственной порчи нервныхъ системъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, при здоровомъ, нерѣдко, состояніи всѣхъ остальныхъ системъ и органовъ тѣла и при кажущейся крѣпости организма. Изученіе субъектовъ съ этими болѣзненными свойствами, недостатками и односторонностями бросило свѣтъ на различные виды приобрѣтенной неправильности характера у людей, свободныхъ отъ болѣзненной наследственности, но подвергавшихся условіямъ, которыя ослабляютъ психическое здоровье. На этой почвѣ возникло въ послѣдніе годы новое ученіе о *ненормальныхъ (Ribot)* и *болѣзненныхъ* характерахъ, а въ окончательномъ выводѣ создалось важное по своимъ практи-

ческимъ послѣдствіямъ ученіе объ *унаслѣдованномъ* и *приобрѣтѣнномъ вырожденіи*.

Всѣ означенныя ученія, въ связи съ ученіемъ о дѣйствиі ядовъ на организмъ, дали возможность установить первыя научныя основы *нервно-психическаго здравоохраненія*. Успѣхи въ этомъ послѣднемъ вопросѣ должны быть признаны, безспорно, однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ приобретѣній, какими наука одарила человѣчество въ послѣднее время. Научными изслѣдованіями по этому вопросу установлены фізіологическія основанія нервно-психической работы, изслѣдованы причины утомленія и указаны способы охраненія нервныхъ механизмовъ среди работы и, наконецъ, разъяснены условія повышенія нервно-психической работоспособности.

Въ ту пору, когда были достигнуты такіе крупныя успѣхи въ дѣлѣ изученія свойствъ и проявленій помѣшательства, когда были усовершенствованы способы леченія и призрѣнія душевно-больныхъ, когда выяснены причины душевныхъ и нервныхъ болѣзней и положены первыя основанія нервно-психическаго здравоохраненія,—научная мысль изслѣдователей направилась въ сторону вопросовъ теоретическаго характера,—возникло такъ называемое *анатомическое направленіе*. Это направленіе стремилось открыть вѣковую тайну строенія человѣческаго мозга и его отправленій. Результаты, которые въ этомъ отношеніи были достигнуты въ короткое время, нельзя по справедливости не признать безпримѣрными въ наукахъ. Въ самомъ дѣлѣ можно сказать, не боясь впасть въ преувеличеніе, что территоріи мозга въ настоящее время лучше извѣстны, чѣмъ территоріи нашей планеты, а свойства и отправленія многихъ участковъ мозга изслѣдованы полнѣе, чѣмъ характеръ и свойства многихъ народовъ земли.

Наукѣ удалось подвести счетъ всѣмъ отдѣльнымъ мельчайшимъ аппаратамъ мозга—нервнымъ клѣточкамъ, и оказалось, что въ человѣческомъ мозгу ихъ находится до нѣсколькихъ милліардовъ, при чемъ около $\frac{1}{3}$ всего числа ихъ предназначены для воспріятія впечатлѣній внѣшняго міра, а около $\frac{2}{3}$ —для тѣхъ высшихъ психическихъ дѣятельностей, которыя составляютъ исключительную особенность человѣческой души. Далѣе наукѣ удалось опредѣлить (Флехсигъ) общую протяженность проводящихъ путей, которые хорошо изолированы другъ отъ друга: оказалось, что вся длина ихъ доходить въ мозгу въ общей сложности до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ верстъ. Много тружениковъ напрягали свои силы, чтобы раскрыть эти чудеса строенія мозга. Много славныхъ именъ можемъ назвать: Meynert, Deiters, Efinger, Golgi, Gudden, Henschen, Monakhow, Gowers, Van-Gehuchten, Бехтеревъ, Flechsig, Ramon у Cajal, Marinesco.—Большая часть изъ нихъ были психіатры!

Крупныя открытія въ анатоміи и патологіи мозга дали возможность одному изъ величайшихъ представителей современной науки—Флехсигу начертать подробный планъ человѣческаго мозга и положить первое анатомическое обоснованіе психологіи. Такимъ образомъ для одной изъ самыхъ возвышенныхъ наукъ—для науки о душѣ—открылся наконецъ, послѣ тысячелѣтнихъ изысканій, новый безспорный и компетентный источникъ, въ которомъ она можетъ находить матеріалъ и подспорье для рѣшенія своихъ трудныхъ и важныхъ вопросовъ. Заслуги психіатріи и неврологіи въ этомъ отношеніи такъ велики, что ихъ даже невозможно преувеличить. Психіатрія и неврологія проложили соединительный мостъ между медициной и психологіей, между естествознаніемъ и философіей. Къ этой желанной связи человѣчество стремилось уже на зарѣ

научнаго развитія; мы видимъ эти попытки у Аристотеля, у философовъ и врачей классической древности. Но въ ту пору эти попытки не могли увѣнчаться успѣхомъ, и послѣдовало глубокое раздѣленіе наукъ, длившееся болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, пока, наконецъ, въ наши дни не установлена связь,—но уже совершенно прочная—между естествознаніемъ и философіей, между медициной и психологіей. Такимъ образомъ достигнуть, наконецъ, идеаль великаго врача классической древности: *ut optimus medicus item sit et philosophus* (лучшій врачъ долженъ быть въ тоже время и философомъ). Сближеніе медицины и естествознанія съ философіей и психологіей послѣдовало на широкомъ полѣ психіатріи и нервной патологіи. На этотъ научный путь стали въ настоящее время всѣ крупнѣйшіе представители психологіи: Спенсеръ, Вундтъ, Гефтингъ, Рибо, Эббинггаузъ, Н. Гротъ и др.

Едва-ли нужно говорить о томъ важномъ значеніи, которое несомнѣнно возымѣютъ успѣхи психіатріи для прогресса всей остальной медицины. Безъ сомнѣнія, медицина станетъ заимствовать у психіатріи и философіи тотъ духъ глубокомыслія и тонкаго анализа, который является обычнымъ методомъ этихъ специальностей. Усвоеніе же приѣмовъ философскаго мышленія способно придать обычному методу медицины—объективному наблюденію высшую силу и высшія достоинства.

Когда, въ продолженіе сороковыхъ годовъ, было прочно намѣчено рѣшеніе по основнымъ вопросамъ психической патологіи и этиологіи—вниманіе психіатровъ стало направляться въ область тѣхъ фактовъ, которые принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ вопросовъ человѣческой жизни, которые никогда раньше не были предметомъ вѣдѣнія ни медицины ни психіатріи.

Жизнь всегда неотступно предлагала человѣческому

уму трудные вопросы относительно причинъ и происхожденія трехъ величайшихъ несчастій, постигающихъ чело-вѣка въ жизни, а именно: *помѣшательства, преступленія и самоубійства*. Съ этими вопросами жизнь послѣдовательно стучалась въ двери самыхъ различныхъ специальностей человѣческаго знанія: она обращалась къ религии, къ нравственной философіи, къ статистикѣ, къ политической экономіи; въ наши дни она обратилась къ психіатріи. Психіатрическая экспертиза оказалась необходимою для рѣшенія этихъ сложныхъ, трудныхъ вопросовъ жизни.

Едва разрѣшены были до нѣкоторой степени основные вопросы, касающіеся помѣшательства, психіатрія со-роковыхъ и пятидесятихъ годовъ уже обратилась къ рѣшенію вопросовъ *о самоубійствѣ*, а въ семидесятихъ и восьмидесятихъ - къ изслѣдованію основныхъ вопросовъ, касающихся *преступленія*.

Самоубійство издавна входило въ область нравствен-ной философіи, затѣмъ, въ качествѣ явленія обществен-ной жизни, стало предметомъ статистики, а въ настоящее время психіатрія включила самоубійство въ кругъ пред-метовъ своего вѣдѣнія и, примѣнивъ къ нему свои приемы и методы изслѣдованія, пришла къ открытію существенно важныхъ фактовъ и выводовъ.

По основному вопросу—относительно сущности са-моубійства, какъ явленія человѣческой жизни, существо-вали два противоположныхъ возрѣнія. Въ минувшее время самоубійство разсматривалось, какъ преступленіе, почти отождествлялось съ нимъ, и самоубійство подле-жало наказанію наравнѣ съ преступленіемъ. Въ новѣйшее время дѣлались попытки приравнять самоубійство къ ду-шевной болѣзни. Ни то, ни другое мнѣніе не соотвѣт-ствуетъ истинѣ. Что между самоубійствомъ и душевными болѣзнями существуетъ рѣзкая разница, что онѣ не от-

носятся одно къ другому, какъ причина къ слѣдствію, но существуютъ самостоятельно и независимо,—это болѣе всего ясно изъ того факта, что пропорція, съ которой они нарастаютъ съ теченіемъ времени, весьма неодинакова. Въ то время, какъ въ теченіе полустолѣтія помѣшательство увеличилось на нѣсколько процентовъ, самоубійство, въ большей части государствъ Европы, увеличилось на нѣсколько сотъ процентовъ. Другое рѣзкое различіе состоитъ въ томъ, что количество самоубійствъ у обоихъ половъ весьма неодинаково: самоубійць—мужчинъ повсюду въ четыре или пять разъ болѣе, нежели самоубійць—женщинъ. Между тѣмъ въ отношеніи помѣшательства такого неодинаковаго отношенія половъ не существуетъ: психически-больныхъ женщинъ почти такое же число, какъ и мужчинъ; число же преступныхъ женщинъ равняется пятой и даже седьмой части преступныхъ мужчинъ. Уже на этомъ основаніи становится вѣроятнымъ, что самоубійство подобно преступленію въ значительной степени обусловлено волей человѣка.

Дальнѣйшая разница между самоубійствомъ и помѣшательствомъ состоитъ въ весьма неодинаковомъ отношеніи къ тому и другому различныхъ народностей; такъ на одинъ милліонъ населенія приходится самоубійствъ:

Въ Саксоніи	310.
Во Франціи	250.
Въ Пруссіи	133.
» Австріи	130.
» Баваріи	90.
» Англии	66.
» Россіи	30.

Такимъ образомъ самоубійствъ въ Россіи въ 10 разъ меньше, чѣмъ въ Саксоніи. Между тѣмъ въ отношеніи

помѣшательства вовсе не существуетъ столь рѣзкой разницы. Россія, напримѣръ, даётъ приблизительно такое-же число душевно-больныхъ на 1.000 населенія, какъ и другія страны, и наблюдающіяся разницы весьма не существенны.

Не подлежитъ однако-же сомнѣнью, что нѣкоторая часть самоубійствъ зависитъ отъ душевныхъ болѣзней. Эта часть неодинакова для различныхъ странъ: приблизительно четверть или треть общаго числа самоубійствъ зависитъ отъ душевныхъ болѣзней; въ нѣкоторыхъ странахъ эта пропорція больше, въ другихъ меньше. Въ этомъ согласны почти всѣ авторы. Другіе-же случаи самоубійствъ, т. е. большая часть ихъ, приходится на долю людей психически здоровыхъ. Этотъ выводъ подтверждается многочисленными статистическими данными всѣхъ образованныхъ странъ Европы. Однако-же, на первый взглядъ, представляется неестественнымъ фактъ самоуничтоженія при существованіи инстинкта самосохраненія. Это соображеніе можно нерѣдко слышать изъ устъ тѣхъ, кто не имѣлъ случая познакомиться ближе съ данными, касающимися психическаго состоянія людей, впавшихъ въ горестную необходимость наложить на себя руки. Въ отвѣтъ на это естественное недоразумѣніе, мы приведемъ афоризмъ Фридриха, который говоритъ, что человѣкъ нерѣдко лишаетъ себя жизни въ силу инстинкта самосохраненія. Нравственныя или физическія условія жизни могутъ сдѣлаться для человѣка столь невыносимыми, что именно самосохраненіе побуждаетъ его положить конецъ дѣйствию этихъ условій. Анализъ психическаго состоянія человѣка въ такихъ случаяхъ разъясняетъ, съ совершенной очевидностью, безъисходность положенія. Этотъ анализъ, сдѣланный по методу медико-психологическаго изслѣдованія, установленнаго Пинелемъ, далъ рядъ въ высшей степени важ-

ныхъ разъясненій касательно субъективныхъ и общественныхъ условій, приводящихъ къ самоубійству.

Преступленіе, до самаго недавняго времени, составляло исключительный предметъ науки уголовного права, и только въ самое послѣднее время—съ восьмидесятихъ годовъ—*преступный человѣкъ* сдѣлался предметомъ антропологическаго и психіатрическаго изслѣдованія: *возникла уголовно-антропологическая школа*. Нельзя не быть пораженнымъ, или, по крайней мѣрѣ, не испытать чувства удивленія предъ тою массою труда и энергіи, которую проявили врачи въ изученіи вопросовъ уголовной антропологии и въ самомъ созданіи этой отрасли знанія. Въ этомъ рвеніи сказалось стремленіе найти отвѣтъ на неотступный вѣковой вопросъ жизни о причинѣ и происхожденіи *зла* въ человѣкѣ,—вопросъ, для разрѣшенія котораго человѣческая мысль создала массу мнѣній, гипотезъ и философскихъ системъ. Когда этотъ трудный вопросъ сдѣлался предметомъ антропологическаго и психіатрическаго изслѣдованія, то первые искатели истины сразу приступили къ рѣшенію *конечнаго вопроса*—о сущности преступленія, о свойствахъ и особенностяхъ *преступнаго человѣка*. Хотя, въ такой широкой постановкѣ, вопросъ оказался неразрѣшимымъ, тѣмъ не менѣе усиліями изслѣдователей были установлены нѣкоторыя важныя новыя положенія, касательно свойствъ и причинъ преступности. Безъ сомнѣнія, преступленіе имѣетъ свои многочисленные корни въ условіяхъ общественной жизни, но уголовная антропология указала на новый источникъ *зла*—*біологическій*. Науки общественныя доказали связь между общественной совѣстью и индивидуальной, между преступленіемъ и жизненной судьбой преступнаго лица; уголовная антропология показала, что, независимо отъ этого, существуетъ связь между преступностью и условіями рож-

денія челоука, между нравственнымъ извращеніемъ и біологическими событіями, предшествовавшими самому рожденію будущаго преступника. Эти новыя факты привели къ существенному расширенію категоріи *смягчающихъ* вину объятельствъ и къ точнѣйшему установленію условій вмѣненія.

Какъ бы ни казались малы отдѣльные вклады, внесенные психіатріей и уголовной антропологіей въ ученіе о преступленіи и о преступномъ челоукѣ, но нравственное значеніе этихъ вкладовъ нельзя не признать чрезвычайнымъ, и едва-ли экспертиза другихъ наукъ въ такой мѣрѣ содѣйствовала полнѣйшему осуществленію *правды* и *милости* на судѣ, какъ экспертиза психіатрическая. Поэтому нельзя не признать глубокой истины въ словахъ Крафтъ Эбинга, что *судебная психопатологія имѣетъ значеніе не только свѣточа въ столь темныхъ нерѣдко вопросахъ о способности къ вмѣненію отдѣльныхъ лицъ—гораздо важнѣе значеніе ея, какъ источника знаній, необходимыхъ вообще для самого професса законоуодѣнія, и самое существованіе законоуодѣнія въ смыслъ науки немислимо болѣе безъ психопатологіи.*

Нельзя болѣе сомнѣваться въ томъ, что психіатрія, съ ея методами тонкаго психіатрическаго анализа, съ ея широкими горизонтами, способна внести существенныя вклады не только въ вопросъ о сущности и условіяхъ преступленія, но сдѣлаетъ болѣе того: она будетъ содѣйствовать лучшему разрѣшенію проблемъ *наказанія* и *исправленія* преступнаго челоука. Крупныя успѣхи, достигнутыя психіатріей, могутъ служить порукой въ этомъ. На эти новыя факты, касающіеся вопроса о наказаніяхъ, въ самыхъ краткихъ чертахъ, мы обратимъ вниманіе.

Ничто не производит на зрителя, даже врача, болѣе глубокаго впечатлѣнія, какъ музей уголовной антропологіи, гдѣ собраны бранные остатки преступнаго человѣка. Эти трофеи человѣческаго правосудія—отрубленныя и консервированныя головы отцеубійць и тяжкихъ преступниковъ, десятками и сотнями собранныя въ музеяхъ, производятъ потрясающее впечатлѣніе. Отдѣленные отъ тѣла головы сохраняютъ нерѣдко выраженіе послѣдней минуты жизни и, точно живыя, безмолвно устремляютъ свой неподвижный взоръ на посѣтителя музея, наводя на философскія размышленія болѣе глубокия, чѣмъ тѣ, которыя навѣваются безмолвіемъ кладбища. Въ фиксированномъ, какъ бы вопрошающемъ, взорѣ этихъ несчастныхъ содержится глубокой запросъ жизни и наукѣ. И на этотъ запросъ мы встрѣчаемъ отвѣтъ въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ психіатровъ.

Смертная казнь, съ описаніемъ ея деталей, оставалась чѣмъ-то обыкновеннымъ, банальнымъ, пока реляціи о ней составлялись корреспондентами газетъ—людьми образованными, но не всегда специалистами. Но вотъ мы читаемъ описаніе, вышедшее изъ-подъ пера французскаго психіатра, который взялъ на себя трудъ взглянуть на картину насильственной смерти окомъ человѣка науки. *„Что касается меня, говоритъ этотъ наблюдатель, я чувствую глубоко опечаленный, какъ это со мной случается послѣ всякой казни. Хотя я и считаю себя убѣжденнымъ сторонникомъ этого вида наказанія, но съ другой стороны я, въ известной степени, раздѣляю мнѣніе М. Тарда (Tarde), который съ такой убѣдительною возмущенностью возстаетъ противъ этой отвратительной и кровавой рѣзни человѣческаго тѣла. Въ самомъ дѣлѣ, когда вы въ качествѣ зрителя наблюдаете, какъ идетъ на казнь это блѣдное созданіе, мертвенно-блѣд-*

ное, растерянное, опутанное веревками, связанное по рукамъ и ногамъ,—этотъ несчастный, которому даже не даютъ собраться съ мыслями, чтобы встрѣтить смерть достойно; когда вы стоите лицомъ къ лицу съ обезглавленнымъ туловищемъ, въ которомъ зіяютъ и бьются артеріи, а голова валяется въ корзину, васъ на секунду охватываетъ какой-то ужасъ и отвращеніе. Но тутъ же вы начинаете испытывать чувство безграничной жалости къ преступнику и, если-бы въ эту минуту можно было поднять палецъ, никто не былъ бы казненъ. Какъ-бы ни было ужасно содѣянное преступленіе, но, въ минуту публичной смерти человека, въ душу зрителя нѣтъ другого чувства кромъ всепрощающаго милосердія“! Таковы слова врача—очевидца казни.

Еще большее впечатлѣніе, чѣмъ описаніе казни, производитъ описаніе научныхъ вскрытій тѣлъ казненныхъ преступниковъ. Основатель современной антропологии, проф. Брока, изслѣдовалъ мозгъ извѣстнаго убійцы Прево. Это изслѣдованіе представляетъ научный документъ великой важности. Хотя, при жизни преступника, медицинское изслѣдованіе не могло найти ничего особеннаго въ его организмѣ, но вскрытіе обнаружило такія крупныя неправильности и недостатки въ природномъ строеніи мозга, что Брокъ высказалъ заключеніе, что отправления мозга, столь неправильно устроеннаго, неминуемо должны были быть несовершенными и неправильными. Сдѣлавши нѣсколько другихъ подобныхъ изслѣдованій надъ преступниками, частью умершими естественной смертью, частью казненными, Брокъ пришелъ къ общему выводу, что неправильности мозга у преступниковъ бываютъ двоякаго рода: то вѣсъ мозга значительно ниже нормы, то наоборотъ,—сохраняя свои нормальные размѣры, мозгъ является устроеннымъ неправильно въ отношеніи распо-

ложенія и хода важнѣйшихъ извилинъ. Неправильность перваго рода встрѣчается у ограниченныхъ людей и у преступниковъ менѣе тяжкихъ, неправильность же второго рода свойственна наиболѣе тяжкимъ преступникамъ.

Проф. Фалло изслѣдовалъ тѣла двухъ казненныхъ преступниковъ *Эспозито и Теами*. Читатель статьи Фалло, пробѣжавъ краткую біографію преступниковъ и ознакомившись съ ихъ внѣшнимъ видомъ по приложеннымъ фотографіямъ, встрѣчаетъ чрезъ нѣсколько страницъ двѣ таблицы съ изображеніемъ мозговъ этихъ несчастныхъ. Подробное изслѣдованіе мозга *Эспозито и Теами* открыло въ нихъ такое значительное количество весьма серьезныхъ аномалій въ ходѣ и расположеніи извилинъ и бороздъ, что приговоръ суда надъ преступниками навѣрное былъ бы иной, если бы эти *смягчающія обстоятельства* были засвидѣтельствованы при жизни. „Но говорить, проф. Фалло, *поразительныя и рѣдкія неправильности въ строеніи мозга у Эспозито и Теами оставались скрытыми въ черепъ, который, казалось, ничего особеннаго не представляетъ*“. Какое предостереженіе земному правосудію содержится въ этихъ спокойныхъ, скромныхъ словахъ ученаго врача!

Однимъ изъ важнѣйшихъ свойствъ правосудія, какъ показываетъ и самое наименованіе его, должна быть правда, т. е. соотвѣтствіе между виною и возмездіемъ за нее. По этому вопросу мы находимъ глубокомысленную статью въ одномъ изъ недавнихъ выпусковъ французскаго уголовно-антропологическаго журнала за 1898 годъ. Авторъ статьи задался мыслью рѣшить, насколько смертная казнь является справедливымъ возмездіемъ за содѣянное. Съ художественной тонкостью французскаго національнаго генія, авторъ разрѣшаетъ свою задачу при помощи остроумнаго *mise en scène*. Онъ описываетъ чув-

ства и состояніе души человѣка, ожидающаго казни. Въ простомъ и какъ бы незамысловатомъ разказѣ изображается душевная борьба и тяжкія волненія преступника, лишеннаго надежды. Тонкій психологическій анализъ убѣждаетъ читателя, что ничего равнаго этимъ страданіямъ нѣтъ и не можетъ быть на землѣ, что даже страданія жертвы преступленія—ничто, въ сравненіи съ тѣми ужасами, какія испытываетъ человѣкъ, у котораго общество рѣшилось исторгнуть жизнь. У жертвы, стоящей лицомъ къ лицу съ убійцей, все еще остается частица надежды, что роковой ударъ не будетъ совершенъ. У солдата, идущаго на приступъ и стоящаго у жерла непріятельскаго орудія, все еще сохраняется надежда, что орудіе не сію минуту разразится ударомъ, что герой еще успѣетъ опередить выстрѣлъ въ своемъ движеніи впередъ. И здѣсь, и тамъ еще есть надежда—посланница небесъ, но у преступника, идущаго на казнь, отнята всякая надежда, какъ только его просьба о помилованіи осталась безъ послѣдствій. Описанія чувствъ и душевнаго состоянія предъ казнью полно потрясающаго реализма, свидѣтельствующаго о живомъ, непосредственномъ переживаніи изображенныхъ событій.

Мысль, которою обыкновенно успокаиваетъ себя общество, допускающее смертную казнь,—мысль, что страданія преступника кратковременны, что это лишь одно роковое мгновенье,—эта мысль или это убѣжденіе общества окончательно разрушается у цитируемаго нами автора справедливымъ указаніемъ на то, что мгновенны только физическія страданія казнаго преступника, но душевная мука, превышающая собою все физическое, тянется долго, невыразимо долго. Путемъ психологическаго анализа въ этихъ долгихъ мукахъ минуты ожиданія смерти

разрастаются въ цѣлые часы, а часы и дни—въ нескончаемую вѣчность.

Приведа весь описанный глубокомысленный психологическій анализъ, французскій ученый авторъ раскрываетъ свое художественное *mise en scène*. Потрясающее описаніе самочувствія у человѣка, ждущаго казни, представляетъ буквальную цитату изъ сочиненій Ф. М. Достоевскаго. Нашъ великій писатель своимъ несравненнымъ художественнымъ талантомъ, за десятки лѣтъ раньше, изобразилъ то, что въ наши дни можетъ съ успѣхомъ показаться *последнимъ словомъ* науки въ истинномъ значеніи этого выраженія. Такимъ образомъ очевидно, что смертная казнь есть наказаніе, по своимъ размѣрамъ и своей тяжести, безъ всякаго сомнѣнія превышающее вину.

Къ числу новѣйшихъ и можно сказать наиболѣе интересныхъ движеній, какія сдѣлала психіатрія, въ своемъ прогрессивномъ развитіи, относятся изслѣдованія въ области воспитанія. Какъ ни кажутся, съ перваго взгляда, психіатрія и педагогія отдаленными и неимѣющими между собою ничего общаго областями, но въ дѣйствительности между ними есть точки соприкосновенія. Наиболѣе важными оказались услуги психіатріи въ разъясненіи вопроса о дѣтяхъ, трудныхъ въ воспитательномъ отношеніи, о ненормальныхъ дѣтскихъ характерахъ, о многочисленныхъ отклоненіяхъ отъ правильнаго хода развитія, которыя являются одною изъ самыхъ важныхъ причинъ утомленія, малоуспѣшности и неправильнаго поведенія дѣтей. Всѣ эти отклоненія по своей частотѣ и практической важности издавна были предметомъ затрудненій для воспитателя и нерѣдко совершенно неосновательно приписывались самой школѣ. Первыя попытки, направленные къ разъясненію различныхъ ненормальностей дѣтскаго воз-

раста, явились весьма желательнымъ шагомъ и были двадцать лѣтъ тому назадъ встрѣчены съ необыкновеннымъ сочувствіемъ въ нашемъ отечествѣ и заграницей. Съ чувствомъ живѣйшей патріотической радости можемъ сказать, что честь этого новаго шага въ психіатріи принадлежитъ одному изъ психіатровъ дорогого отечества.

На почвѣ собранныхъ и разработанныхъ фактовъ, касающихся неправильностей психическаго развитія въ дѣтскомъ возрастѣ возникла въ послѣдствіи цѣлая область знанія, подъ именемъ *педагогической патологій*.

Въ самое недавнее время научное изслѣдованіе устремило свой взоръ на новую и, быть можетъ, еще болѣе интересную и наиболѣе животрепещущую область фактовъ—на *психологію народовъ*. Въ психическихъ свойствахъ и особенностяхъ расъ и народовъ справедливо усматриваютъ новое и важнѣйшее условіе, предрѣшающее историческую и политическую судьбу ихъ. Такимъ образомъ изученіе психологіи народовъ получаетъ широкое значеніе и обѣщаетъ дать результаты первостепенной практической важности въ дѣлѣ расоваго и національнаго самохраненія. И на этомъ новомъ полѣ научныхъ фактовъ отечественная психіатрія выдвинула также своихъ работниковъ.

Таковы, М.м. Г.г., многостороннія задачи, входящія въ кругъ современной психіатріи. Что эта наука будетъ расширяться непрерывно и далѣе—въ томъ служитъ намъ порукою нынѣшнее широкое развитіе психіатріи и важность фактовъ, которые вошли въ кругъ ея вѣдѣнія и которые касаются важнѣйшихъ сторонъ государственной, общественной и частной жизни.

Въ заключеніе, милостивые государи, позвольте мнѣ обратиться съ стариннымъ—*comilitones humanissimi*—къ

моимъ ближайшимъ товарищамъ—сотрудникамъ по вновь открытому Кіевскому психіатрическому Обществу.

Дорогіе товарищи! Велики обязанности, которыя современная психіатрія налагаетъ на своихъ работниковъ, но это должно только побудить насъ удвоить наши усилія, чтобы съ достоинствомъ и честью мы могли стоять на высотѣ нашего новаго долга ¹⁾.

---

¹⁾ Въ настоящей и предшествующей статьѣ есть незначительныя повторенія (по нѣскольку строкъ). Для цѣльности изложенія каждой статьи мы не сдѣлали исключеній. И. С—кій.

III.

Психопатическая эпидемія 1892 года въ Кіевской губерні.¹⁾

Въ январѣ 1892 года, отчасти въ декабрѣ 1891 года въ нѣкоторыхъ деревняхъ Васильовскаго уѣзда, Кіевской губерніи, крестьянское населеніе было охвачено своеобразнымъ религіознымъ движеніемъ, которое было названо Малеванщиной, по имени мѣщанина г. Таращи (Кіевской губ.) Кондратія Малеванаго, которымъ былъ данъ первый толчекъ къ развитію эпидеміи. Особенно рѣзко эта психическая эпидемія развилась въ деревняхъ — Снѣгуровкѣ, Зубаряхъ, Малой Половецкой, Яхнахъ и Дѣдовщинѣ. По распоряженію Начальника Юго-Западнаго Края, въ маѣ была отправлена спеціальная комиссія для изученія Малеванщины на мѣстѣ. Находясь въ составѣ комиссіи, пишущій эти строки былъ непосредственнымъ наблюдателемъ и очевидцемъ своеобразныхъ явленій, которымъ, по всей справедливости, должно быть присвоено наименованіе психической эпидеміи.

Во всѣхъ поименованныхъ выше мѣстностяхъ наблюденію представлялись одни и тѣ же явленія, выраженные въ различной силѣ.

Внѣшняя сторона религіознаго движенія состоитъ въ слѣдующемъ: участники движенія рѣзко измѣнили свой обычный образъ жизни, продали большую часть имущества, переведя его на деньги, отказываются отъ ра-

¹⁾ Статья была помѣщена въ Кіевскихъ Университет. Извѣст. въ 1893 году.

боты и, оставаясь въ бездѣйстви, находятся въ особенномъ ненормально-веселомъ настроеніи духа въ ожиданіи кончины міра, которая будто бы съ минуты на минуту можетъ наступить. Въ то же время почти всѣ участники движенія отличаются разстроеннымъ здоровьемъ, упадкомъ общаго питанія, страдаютъ судорогами и истерическими припадками и въ непримѣрныхъ размѣрахъ подвержены галлюцинаціямъ обонянія.

Самой существенной чертой описываемой эпидеміи является склонность, скорѣе даже—неудержимая потребность у заболѣвшаго населенія собираться массами и предаваться порывамъ психическаго возбужденія, которое сопровождается судорогами, галлюцинаціями и экстазомъ и распространяется постепенно на всѣхъ участниковъ собранія. Все происходящее въ этихъ собраніяхъ указываетъ съ очевидностію на существованіе повального болѣзненнаго состоянія или предрасположенія, которое ищетъ себѣ исхода и находитъ его въ этомъ стадномъ экстазѣ и массовомъ возбужденіи собравшихся людей.

Описываемая психическая эпидемія внѣшнимъ образомъ пріурочена къ существовавшему уже 20—25 лѣтъ въ Юго-Западномъ краѣ и южныхъ губерніяхъ религіозному движенію, извѣстному подъ именемъ штундизма. Ближайшимъ же образомъ эпидемія связана съ именемъ, дѣятельностью и болѣзнью мѣщанина г. Тараши Кондратія Малёванаго. Жизнь Малёванаго типична и характерна въ смыслѣ разъясненія происхожденія эпидеміи, связанной съ его именемъ.

Кондратій Малёваный имѣетъ въ настоящее (1892 г.) время 48 лѣтъ отъ роду, женатъ, имѣетъ 7 дѣтей, уже около трехъ лѣтъ страдаетъ хроническимъ помѣшательствомъ и болѣе года, какъ находится на пользованіи въ отдѣленіи психическихъ больныхъ при Кирилловскихъ богоугодныхъ

заведеніяхъ въ Кіевѣ. Малёванный—человѣкъ худощавый, высокаго роста, холерическаго темперамента, съ рѣзкими чертами лица и рѣзкими, рѣшительными жестами, говоритъ плавно, отчетливо, неудержимо увлекаясь потокомъ собственной рѣчи. Родители Кондратія Малёванаго злоупотребляли спиртными напитками; самъ онъ, начиная съ молодыхъ лѣтъ, тоже предавался весьма неумѣренному употребленію спиртныхъ напитковъ—что продолжалось до сорокалѣтняго возраста его жизни. Малёванный всегда былъ весьма чувствителенъ къ дѣйствию спиртныхъ напитковъ, издавна страдалъ безсонницей, частыми приступами тоски, и ему нерѣдко настойчиво приходила въ голову мысль о самоубійствѣ. Съ появленіемъ въ Ю.-Западномъ Краѣ штундовства, Малёванный, томимый чувствомъ болѣзненнаго безпокойства, искалъ перемѣны, и казалось ему—желаемый исходъ находится въ этой новой вѣрѣ. Малёванный оставилъ православіе и съ 1884 года сталъ штундистомъ. Онъ сдѣлался ревностнымъ послѣдователемъ секты, пересталъ употреблять спиртные напитки, усердно предавался штундовскимъ религіознымъ упражненіямъ и среди молитвъ и пѣнія легко доходилъ до экстаза. Состояніе возбужденія, къ которому его организмъ издавна привыкъ, и которое въ теченіе многихъ лѣтъ достигалось употребленіемъ спиртныхъ напитковъ, теперь стало замѣняться религіознымъ упражненіемъ, проповѣдью и экстазомъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такой жизни Малёванный сталъ страдать галлюцинаціями обонянія и общаго чувства. Это случилось въ 1889 или въ 1890 году. Ему часто во время молитвы чувствовались запахи, несравнимые ни съ какими ароматами на землѣ, и Малёванный объяснялъ это необычайное явленіе близостью св. Духа это былъ по мнѣнію Малёванаго,—запахъ св. Духа. Вскорѣ, затѣмъ Малёванный сталъ испытывать во время

молитвы необычайную радость и чувство особенной легкости своего тѣла; ему казалось, что онъ отдѣляется отъ земли, вслѣдствіе чего онъ сталъ, во время молитвы, невольно подымать руки, какъ бы съ цѣлью содѣйствовать этому необыкновенному подъему. По словамъ Малёванаго, и самъ онъ чувствовалъ свой подъемъ и окружающіе видѣли, что онъ отдѣляется отъ земли вершковъ на пять. Вскорѣ у Малёванаго сформировался болѣзненный бредъ. Онъ убѣжденъ, что въ немъ находится св. Духъ, и что все, что онъ дѣлаетъ и говоритъ, исходитъ отъ св. Духа. Онъ также находится въ постоянномъ и непосредственномъ общеніи съ Отцомъ (т. е. Богомъ-Отцомъ). Кромѣ того Малёваный считаетъ себя Иисусомъ Христомъ, Спасителемъ міра, Евангельскій же Христосъ, по его мнѣнію, не былъ исторической личностью, и всѣ сказанія о Евангельскомъ Христѣ суть только пророчества о немъ—Малёвангмъ. Доказательства своей божественности Малёваный видитъ въ появленіи того, что онъ называетъ „свидѣтельствами“ а именно—въ поднятіи его тѣла на воздухъ, въ появленіи божественныхъ запаховъ и въ появленіи яркихъ звѣздъ, которыхъ никогда раньше не было видано и которыя видѣлъ какъ самъ онъ, такъ равно видѣли въ двадцати пяти государствахъ—что по словамъ Малёванаго и описано въ газетахъ цѣлаго свѣта.

Уже въ 1890 году у Малёванаго, во время молитвы и поднятія рукъ, стали дрожать руки, а затѣмъ дрожаніе и судороги распространились и на другія части тѣла. Малёваный объяснялъ это вхожденіемъ въ него св. Духа, такъ какъ, по его словамъ, онъ былъ совершенно непричастенъ этимъ движеніямъ, происходившимъ помимо его воли. Дрожаніе и трясеніе Малёванаго, которое нерѣдко было ритмическимъ и носитъ безспорную печать *истеріи* производило большое вліяніе на простодушныхъ

окружающихъ Малёванаго—его поклонниковъ. Во время общихъ молитвъ, въ ту пору, когда Малёваный начиналъ дрожать („трястись“, по мѣстному выраженію), у нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ—особенно женщинъ являлись также вздрагиванія и судороги. Съ этого времени вздрагиванія сдѣлались почти неизбежной принадлежностью молитвенныхъ собраній, имѣвшихъ мѣсто въ присутствіи Малёванаго отчасти и безъ него. Уже съ 1890 года Малёваный сталъ замѣнять молитву, которой прежде предавался—проповѣдью, въ которой онъ утверждалъ, что онъ Спаситель міра, что скоро наступитъ Страшный Судъ, на которомъ онъ будетъ судить людей, и поэтому онъ приглашалъ всѣхъ къ покаянію.

Въ 1891 году Малёваный былъ, по распоряженію властей, освидѣтельствованъ относительно состоянія умственныхъ способностей и помѣщенъ въ психіатрическое отдѣленіе при Кирилловскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ въ Кіевѣ. По тщательномъ изслѣдованіи онъ оказался страдающимъ помѣшательствомъ, уже перешедшимъ въ хроническое состояніе. Въ теченіе своего, болѣе нежели годичнаго пребыванія въ больницѣ Малёваный постоянно обнаруживалъ описанныя выше идеи бреда, по временамъ былъ подверженъ галлюцинаціямъ и, приходя въ возбужденное состояніе, импровизировалъ или чаще цитировалъ отрывки изъ того, что когда либо было имъ читано и усвоено заучиваніемъ. Рѣчь его носитъ характеръ автоматическаго потока фразъ, сопровождаемыхъ одними и тѣми же движеніями, жестами и интонаціей. Теченіе его мыслей лишено послѣдовательности. Такой же характеръ носитъ и такъ называемое Евангеліе Малёванаго—это записанная его поклонниками съ его словъ импровизація, не лишенная лирическаго оттѣнка, но лишенная послѣдовательности, а равно логическаго и грамматическаго смысла.

При изслѣдованіи физическаго состоянія Малёваннаго обращаетъ на себя особенное вниманіе извилистость черепныхъ сосудовъ и налитіе ихъ кровью, что особенно рѣзко выражается, какъ только Малёванный начинаетъ говорить или проповѣдовать, хотя онъ при этомъ и не бываетъ возбужденъ. Очевидно, что это налитіе сосудовъ кровью не есть слѣдствіе эмоціального возбужденія, а должно быть отнесено къ патологическимъ причинамъ (вѣроятно, къ алкоголизму, которымъ страдалъ самъ Малёванный и его родители).

Проповѣдь Малёваннаго, его фанатическое предсказаніе о скоромъ наступленіи Страшнаго Суда послужили толчкомъ къ развитію религіозно-болѣзненнаго движенія, названнаго Малеванщиной, при существовавшемъ уже болѣзненномъ предрасположеніи населенія. Такое предрасположеніе существовало раньше, и вѣроятныя причины его будутъ указаны ниже.

Психическая эпидемія Малеванщины развилась, какъ было сказано выше, довольно быстро и почти одновременно охватила нѣсколько деревень. Не лишено интереса, что въ Малеванщину обращались не только крестьяне православнаго исповѣданія, но нѣсколько католиковъ однодворческаго званія и два-три нѣмца протестанта, которые живутъ въ районѣ, охваченномъ болѣзнью.

Вниманіе властей было обращено на Малеванщину потому въ особенности, что Маленанцы отказались отъ обычнаго образа жизни и занятій и стали обнаруживать странные и вредные въ общественномъ и санитарномъ отношеніи поступки и дѣйствія. Такъ, напр., въ ожиданіи имѣющаго будто бы наступить Страшнаго Суда, они уходили въ поля и въ снѣжную ночь мылись въ холодной водѣ озера—мужчины и женщины вмѣстѣ и также мыли своихъ дѣтей,—даже крошечныхъ дѣтей—для очищенія тѣла къ

моменту Страшнаго Суда, котораго они ждали въ одинъ изъ дней масляницы, потомъ въ ночь на 25 марта 1892 года и въ другіе послѣдующіе сроки. По обнаруженіи этихъ фактовъ г. Начальникъ Юго-Западнаго края, на основаніи закона объ усиленной охранѣ, воспретилъ собранія Малеванцевъ, а затѣмъ назначилъ спеціальную комиссію для изслѣдованія на мѣстѣ свойствъ и сущности болѣзненно-религіознаго движенія. Изслѣдованія комиссіи имѣли мѣсто въ началѣ мая, 1892 года.

Во всѣхъ посѣщенныхъ комиссіей мѣстахъ, крестьянское населеніе рѣзко раздѣлено на группы. Самую многочисленную группу составляютъ православные. Двѣ меньшія группы состоятъ изъ штундистовъ и Малеванцевъ; народъ называетъ первыхъ *штундой* или *штундовыми*, а вторыхъ *Малеванцами*, *трясунами* и *духовиками*. Сами себя штундисты называютъ: *по Евангелію* (т. е. живущими по Евангелію), а Малеванцы называютъ себя: *по Духу* (т. е. живущими по Духу). О фактѣ перехода кого либо въ *штунду* православные крестьяне говорятъ: *перешелъ въ штунду* или: *поступилъ на секту*; о переходѣ въ Малеванство говорятъ: *поступилъ въ трясуны*, *наѣлъ трястись*.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Малеванщина развилась изъ штундизма т. е. бывшіе штундисты перешли въ Малеванство. Въ другихъ деревняхъ православное населеніе массами перешло въ Малеванщину безъ предварительнаго перехода въ штунду.

Не касаясь штундизма, который представляетъ собой не болѣе какъ секту простонароднаго характера, соединенную съ нѣкоторымъ фанатизмомъ и заблужденіями, перейдемъ къ изслѣдованію Малеванщины, которая по своей сущности, имѣетъ всѣ свойства нервно-психической эпидеміи и лишь по внѣшнему виду сходна съ религіознымъ движеніемъ.

Въ исторіи медицины, отчасти въ исторіи политической и религіозной жизни народовъ, можно найти примѣры народныхъ движеній, которые по своимъ отдѣльнымъ чертамъ вполне сходны или во многомъ напоминаютъ описываемую нервно-психическую эпидемію. Таковы истерическія и психопатическія эпидеміи, описанныя подъ именемъ средневѣковой пляски св. Вита, св. Іоанна, подъ именемъ тарантизма, демономаніи, судорогъ и экстаза и наконецъ подъ именемъ квіэтизма. Нижеслѣдующее описаніе послужитъ тому подтвержденіемъ.

При встрѣчѣ съ Малеванцами болѣе всего поражаетъ наблюдателя *ненормальное настроеніе духа* Малеванцевъ, являющееся въ формѣ необыкновеннаго благодушія, часто переходящаго въ сплошное экзальтированное радостное состояніе, лишенное внѣшнихъ мотивовъ. Оно выражается массой радостныхъ вздоховъ и междометій, особенной подвижностью, сантиментальностью, утрированной учтивостью, преувеличеннымъ, часто доходящимъ до смѣшного, желаніемъ услужить и предложеніемъ мелкихъ услугъ (напримѣръ, поправить платье или прическу у сосѣда и т. п.), объятіями и изліяніями благодарностей по самымъ пустымъ поводамъ. Къ этому присоединяется говорливость, подвижность, увеличенная чувствительность, съ легко наступающими и столь же легко и безслѣдно исчезающими слезами радости. Всѣ эти особенности и черты совершенно чужды народному духу здоровыхъ субъектовъ описываемаго племени. Столь же существенно измѣнены эстетическія чувства у Малеванцевъ; у нихъ появилась страсть къ нарядамъ и щегольству, доходящая до смѣшного и вызывающая рѣзкое чувство негодованія у окружающаго населенія. Напримѣръ, большая часть Малеванцевъ продали теплое и другое безусловно необходимое платье (тулупы, зипуны) и вмѣсто того обзавелись пиджаками, франтов-

скими шляпами, зонтиками, изящными нерѣдко шелковыми платками и тому подобными принадлежностями, которыя не составляютъ необходимости въ крестьянскомъ быту и противны обычаямъ народнымъ. При томъ же наблюденіе надъ Малеванцами показало, что поименованные предметы роскоши и туалета часто употребляются несоотвѣтственно нуждамъ, напримѣръ зонтики употреблялись въ такую раннюю весеннюю пору, когда ихъ никто не употребляетъ; равнымъ образомъ носовые платки играютъ у Малеванцевъ лишь роль туалетныхъ украшеній, но не употребляются для дѣйствительной надобности.

Нѣкоторые *инстинкты* измѣнены у Малеванцевъ. Такъ у нихъ замѣчается особенно рѣзко выраженная склонность къ употребленію сластей и раздражающей, пикантной, но не питательной, пищи. Такъ, наприм., Малеванцы обзавелись сахаромъ, пьютъ чай и, независимо отъ того, употребляютъ сахаръ въ чистомъ видѣ, такъ же покупаютъ и употребляютъ въ большомъ количествѣ изюмъ, финики и другія сласти. Всѣ эти предметы роскоши и избалованнаго вкуса потребляются Малеванцами въ большомъ количествѣ, и даже болѣе богатые Малеванцы снабжаютъ бесплатно сладостями болѣе бѣдныхъ—до такой степени сладкое и пикантное стало у нихъ на высоту потребности.

Чувство Малеванцевъ отличается радостнымъ, праздничнымъ характеромъ, такъ что настроеніе духа ихъ правильнѣе всего назвать—*жизнерадостнымъ*. Они испытываютъ постоянную радость и чувствуютъ себя счастливыми. Подъ вліяніемъ такого сочувствія дѣлаютъ другъ другу частые визиты, прогуливаются по улицамъ, вообще проводятъ будни такъ, какъ здоровый трудовой человѣкъ привыкъ проводить праздникъ. Они стараются отдалить отъ себя всякую мысль о чемъ либо непріятномъ, тяжеломъ, требующемъ заботъ, напряженія. Можно сказать,

что они чувствуют себя какъ беззаботныя дѣти,—и такая характеристика не будетъ ни преувеличеніемъ, ни метафорой, но точнымъ наименованіемъ существа явленій.

Идеи Малеванцевъ, равно ихъ поступки и дѣйствія соотвѣтствуютъ ихъ жизнерадостному настроенію и измѣненію ихъ инстинктовъ. Малеванцы живутъ въ постоянномъ ожиданіи наступленія конца міра, которое по ихъ понятіямъ будетъ лишь какой-то благотворной переменой въ условіяхъ внѣшняго существованія человѣка. Нынѣшняя земля останется, но на ней наступитъ, по мнѣнію Малеванцевъ, такой порядокъ вещей, когда человѣкъ не будетъ умирать и когда не нужно будетъ ни трудиться, ни заботиться, ни напрягать силы, ни думать о будущемъ; отъ всего этого человѣкъ будетъ избавленъ, такъ какъ все, что нужно человѣку, будетъ устроено и предоставлено Отцомъ (т. е. Отцемъ Небеснымъ). Какъ все это будетъ, они—Малеванцы въ точности и подробности не знаютъ, про то вѣдаетъ Отецъ, они же увѣрены въ томъ, что все *это будетъ* и радуются будущему; они счастливы и блаженны, потому что они—*избранники*, такъ какъ первые приняли новую вѣру, и въ силу этого первые получаютъ лучшую часть будущихъ благъ. Въ качествѣ *избранныхъ* они уже теперь предвкушаютъ то, что наступитъ при ожидаемой переменѣ. Эту перемену они называютъ Страшнымъ Судомъ, на которомъ будутъ осуждены люди, не хотѣвшіе увѣровать. Предвкушая будущее счастье, Малеванцы отказываются отъ всякой работы. Они уже выведены Отцемъ изъ *Ешипта труда* и наслаждаются отдыхомъ, предоставляя трудъ и работу «мужикамъ и невѣрующимъ». У нѣкоторыхъ этотъ отказъ отъ труда и заботъ мотивированъ не столь грубыми соображеніями, но исходитъ скорѣе изъ благочестивой преданности волѣ Божіей и вѣры въ премудрость и попеченіе Божіе, кото-

рое дѣлаетъ излишнимъ какія либо заботы и дѣйствія человека. И въ самомъ дѣлѣ, Малеванцы оставили жизнь труда, перешли къ полному бездѣйствію; они услаждаются бездѣйствіемъ и чувствомъ фиктивной свободы, вытекающей изъ этого освобожденія себя отъ дѣятельности и напряженія. Малеванцы не только отказываются отъ работы, но избѣгаютъ всего, что предполагаетъ необходимость напряженія мысли и воли: они уклоняются отъ заботъ о будущемъ, отъ мысли о завтрашнемъ днѣ. Большая часть Малеванцевъ продали свое имущество или раздали желающимъ, чтобы не имѣть никакихъ заботъ, какъ говорятъ они. Свои поля они оставляютъ не обремененными въ виду того, что скоро наступитъ Страшный Судъ, а если и не наступитъ до будущей жатвы, то и въ такомъ случаѣ имъ не о чемъ заботиться: Отецъ все устроитъ.

Крайне любопытно, что многіе продали даже молочный скотъ и покупаютъ молоко для своихъ дѣтей у православныхъ. На вопросъ, предложенный мною: какъ же для дѣтей не оставить было коровы, — одна женщина дала такой отвѣтъ: «за коровой надо ходить, ее надо кормить, поить, нужно выдоить молоко, между тѣмъ я могу купить готовое молоко».

Малеванцы оставили положительно всякія работы, кромѣ приготовленія пищи да, изрѣдка, стирки бѣлья и живутъ на готовыя деньги, вырученныя отъ продажи имущества. Они наслаждаются счастьемъ бездѣлья и жизни на счетъ готоваго капитала. Видъ массы людей, живущихъ подобнымъ образомъ, производитъ необычное и вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелое впечатлѣніе и не оставляетъ въ наблюдателѣ сомнѣнія относительно свойствъ этого болѣзненнаго ребяческаго легкомыслія, охватившаго народныя массы. Вмѣстѣ съ тѣмъ для наблюдателя очевидно,

что основной чертой психического измѣненія Малеванцевъ является перемѣна чувства и настроенія и что нелѣпныя дѣйствія ихъ исходятъ не изъ ясныхъ мыслей и представлений, а скорѣе изъ немотивированнаго самочувствія. При указаніи Малеванцамъ на явно нелѣпный характеръ ихъ отказа отъ работы можно, каждый разъ, получить въ отвѣтъ стереотипную фразу: *захочется работать, буду работать, нехочется, зачѣмъ стану себя принуждать*. Иногда они говорятъ: *если въ мое сердце Отецъ или Духъ (т. е. Отецъ Небесный, Духъ Небесный) вложитъ желаніе, я исполню это желаніе*. Нерѣдко можно слышать ссылки именно на этотъ мотивъ въ объясненіе нелѣпныхъ дѣйствій или бессмысленныхъ поступковъ: *я чувствую, что Отецъ внушилъ мнѣ, я чувствую, что Онъ побуждаетъ меня такъ поступить и т. п.*

Внѣшнимъ объектомъ, къ которому приурочены ожиданія Малеванцевъ является психически больной Кондратій Малёваный. Онъ, по мнѣнію Малеванцевъ, есть истинный Богъ и Спаситель міра. Онъ установитъ новый порядокъ вещей. Малёваный сдѣлался предметомъ богопочитанія.

Размѣры, въ которыхъ Малеванцы подвержены галлюцинаціямъ, можно назвать исключительными. Галлюцинаціи относятся главнымъ образомъ къ сферѣ обонятельной. Такихъ лицъ среди Малеванцевъ, которые не имѣли бы галлюцинацій, не много; большая часть имѣютъ галлюцинаціи по временамъ. Появленіе галлюцинацій обыкновенно обозначаетъ поворотный пунктъ и предвѣщаетъ наступленіе перемѣнъ въ настроеніи духа. Нерѣдко галлюцинаціи обонянія будятъ святаго челоуѣка, и онъ просыпается, чувствуя дивные запахи и испытывая необыкновенную радость. Обыкновенно, появившееся, такимъ образомъ, радостное состояніе уже не покидаетъ чело-

вѣка. У многихъ галлюцинаціи повторялись часто. По невозможности изслѣдовать въ этомъ отношеніи всѣхъ (такъ какъ приходилось имѣть дѣло съ сотнями людей) были взяты для изслѣдованія нѣсколько случайно избранныхъ группъ по десяти человекъ въ каждой. Изъ распросовъ и изслѣдованія этихъ группъ оказывалось, что до 80% изслѣдованныхъ лицъ имѣли галлюцинаціи обонянія. Многіе описываютъ свои галлюцинаціи конкретно и весьма подробно, такъ что достоверность галлюцинацій и ихъ чрезвычайная частота несомнѣнны. Одинъ крестьянинъ рассказывалъ, какъ онъ, будучи преслѣдуемъ запахами, посѣщалъ, подъ различными предлогами, аптеки и мѣста, гдѣ можно встрѣтить разряженныхъ и надушенныхъ господъ, чтобы убѣдиться, не похожъ ли запахъ, чувствуемый имъ, на изысканные запахи ароматическихъ веществъ, употребляемыхъ для духовъ или на запахи аптечныхъ эссенцій,—но ничего подобнаго не могъ найти. Многіе рассказывали, какъ, просыпаясь ночью подъ вліяніемъ слышимыхъ запаховъ, они тщетно искали пахучаго источника. Многіе съ большою живостью рассказывали о днѣ и часѣ, когда впервые услышали запахъ. Случалось, что въ присутствіи комиссіи, посѣщавшей Малеванцевъ, особенно среди религіознаго или молитвеннаго настроенія, многіе изъ присутствовавшихъ Малеванцевъ одни за другими начинали жадно обнюхивать свои руки, евое платье, окружающій воздухъ и прочіе предметы, ища источника пріятныхъ запаховъ, которыми, какъ имъ казалось, наполнено было помѣщеніе. По рассказамъ всѣхъ, имѣвшихъ обонятельныя галлюцинаціи, запахи были пріятны. Одни называли эти запахи *сладкими*, другіе *ароматическими*, иные—*неземными*, *божественными*, иные, наконецъ, выражались: *пахнетъ стятымъ Духомъ*. Вѣроятно у нѣкоторыхъ субъектовъ, особенно среди общихъ молит-

венныхъ собраній, обонятельныя галлюцинаціи возникаютъ путемъ внушенія (навожденія). Но несомнѣнно, что у весьма многихъ Малеванцевъ галлюцинаціи совершенно самостоятельны и непосредственны и обусловливаются лишь состояніемъ организма, и нервныхъ центровъ, а не внѣшними воздѣйствіями. Гораздо менѣе часты галлюцинаціи изъ области другихъ чувственныхъ центровъ.

Второе, послѣ обонятельныхъ галлюцинацій, мѣсто занимаютъ галлюцинаціи общаго чувства. Сюда относится испытываемое чувство легкости, воздушности своего тѣла или его безтѣлесности, чувство какъ бы отдѣленія отъ земли и поднятія на воздухъ. У нѣкоторыхъ Малеванцевъ случались галлюцинаціи слуха и зрѣнія (слышаніе повелѣній Бога, шопоть св. Духа, видѣніе отверстаго неба и его небожителей, появленіе звѣздъ разнообразныхъ цвѣтовъ необыкновенной величины и яркости или необычное движеніе и прыганіе звѣздъ и т. п.). У большей части Малеванцевъ галлюцинаціи являются эпизодически: одинъ, два раза и затѣмъ исчезаютъ; у нѣкоторыхъ галлюцинаціи возобновляются отъ времени до времени; у немногихъ, наконецъ, галлюцинаціи остаются въ видѣ постояннаго симптома.

Третью особенность Малеванцевъ составляютъ явленія очевидной психической усталости, пассивности или задержки и преобладанія чувства надъ волей. Въ этомъ отношеніи Малеванцы рѣзко отличаются отъ штундистовъ: насколько штундистъ рѣшителенъ, самоувѣренъ, энергиченъ, настолько Малеванецъ уступчивъ, слабъ, недѣятеленъ.

Такое состояніе воли зависитъ очевидно отъ перемѣнъ въ чувствѣ и настроеніи или вѣрнѣе зависитъ отъ преобладанія чувства. Но независимо отъ того у Малеванцевъ необходимо признать самостоятельное разстрой-

ство воли. Оно выражается въ отказѣ отъ работъ, отъ дѣятельности, отъ исполненія жизненнаго долга и жизненныхъ задачъ. Это странное состояніе воли еще болѣе характеризуется отсутствіемъ инициативы и личной энергіи, такъ же—всеобщей пассивностью и спокойнымъ бездѣтельнымъ ожиданіемъ того, что случится. Но независимо отъ этой пассивности, есть факты, указывающіе на утомленіе воли, выражающееся неспособностью подавлять слезы, восторги, экзальтацію и другія душевныя волненія. Такъ какъ эти волненія не отличаются особенной глубиной, то могли бы быть сдерживаемы, если бы только въ этомъ направленіи существовали волевыя усилія, но именно у Малеванцевъ не замѣчается слѣдовъ этой *сдерживающей воли*. Пассивность или вялость воли выражается также въ слабомъ проявленіи способности аргументировать, спорить, доказывать, защищать и отстаивать свое мнѣніе. Во всѣхъ случаяхъ, когда эти качества должны были бы выступить на сцену, Малеванецъ стушевывается, отступаетъ, не пытается рѣшать вопросовъ и не рѣдко въ сомнѣніяхъ ссылается на Отца или Духа, который все можетъ рѣшить, все знаетъ. Въ особенности Малеванецъ отступаетъ назадъ передъ всякими сомнѣніями и не пытается ихъ рѣшать. Пассивность воли обнаруживается и въ томъ фактѣ, что въ собраніяхъ Малеванцевъ при пѣніи и богослуженіи мужчины первыми начинаютъ плакать, лишены инициативы и находятся подъ вліяніемъ женщинъ; женщины же играютъ первенствующую роль и руководятъ дѣйствіями собранія, одушевляясь чувствомъ.

Четвертую самую выдающуюся и наглядную особенность Малеванцевъ составляетъ необыкновенно рѣзкая наклонность къ судорогамъ. Сами Малеванцы придають значеніе судорожнымъ проявленіямъ, считая ихъ несомнѣннымъ дѣйствіемъ Божественнаго начала въ человѣкѣ.

Находясь на молитвенныхъ собраніяхъ, они ждутъ наступленія судорогъ у кого либо изъ присутствующихъ, радуются виду судорогъ, оживляются и восторгаются картиной судорогъ, и при появленіи судорогъ во всемъ собраніи начинается общій подъемъ возбужденія и ликования. Обыкновенно, судороги появляются у Малеванцевъ, когда они становятся на молитву, рѣже при другихъ условіяхъ. Но особенно часты и сильны бываютъ судороги въ собраніяхъ, всего же рѣзче онѣ проявляются въ общихъ молитвенныхъ собраніяхъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, напр. въ Снѣгуровкѣ, судороги появляются лишь у немногихъ участниковъ молитвенныхъ собраній послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго времени молитвы и пѣнія; въ другихъ же деревняхъ судороги охватываютъ весьма многихъ, едва только начинается молитвенное пѣніе; наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на примѣръ въ деревнѣ Яхны, склонность къ судорогамъ оказывалась до такой степени чрезвычайной, что судорогамъ подвергаются почти всѣ участники собранія. На молитвенныхъ собраніяхъ въ Яхнахъ и Малой-Половецкой, при посѣщеніи комиссіи, ни чтеніе, ни пѣніе не имѣли мѣста, и все собраніе, состоявшее болѣе нежели изъ ста чловѣкъ, было почти поголовно поражено судорогами всевозможнаго вида и формъ. Такія собранія, лишеныя всякаго молитвеннаго или религіознаго оттѣнка, производили крайне тягостное впечатлѣніе на зрителей—не врачей своимъ страннымъ демономаническимъ характеромъ.

Судорожныя движенія проявляются въ трехъ видахъ. Наименѣе частый видъ судорогъ это—крикъ, хохотъ, всхлипыванія, судорожныя слезы, икота, отрыжка и иныя судорожныя формы, свойственныя малой истеріи. Болѣе частый видъ судорогъ составляютъ *страстныя позы*—*attitudes passionelles*, свойственныя большой истеріи. Но

самой частой формой судорогъ являются, также свойственныя большой истеріи, разнообразныя ритмическія и раздражательныя движенія, соотвѣтствующія различнымъ профессиональнымъ и привычнымъ движеніямъ и жестамъ, большею частью однообразнымъ у одного и того же лица. Хотя истерическія судороги весьма различны по своему внѣшнему виду, но наиболѣе часто наблюдается слѣдующая общая картина. Среди общаго шума, крика и беспорядка одни падаютъ, какъ сраженные молніей, другіе восторженно или жалобно кричатъ, плачутъ, прыгаютъ, хлопаютъ въ ладоши, бьютъ себя по лицу, дергаютъ себя за волосы, стучатъ въ грудь, топаютъ ногами, пляшутъ, издаютъ всевозможные звуки и возгласы, отвѣчающіе разнообразнымъ эмоціональнымъ состояніямъ: радости, счастью, отчаянью, страху, ужасу, удивленію, мольбѣ, выраженію физической боли, обнюхиванью, смакованію и т. д.; то, наконецъ, подражаютъ собачьему лаю, конскому ржанью и другимъ дикимъ звукамъ. Между страстными позами и движенія нерѣдко замѣчались такія, которыя не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что ихъ субстратомъ служитъ физическая страсть, иногда сопровождающаяся и соотвѣтствующими галлюцинаціями. Судорожныя движенія нерѣдко длятся до изнеможенія субъекта. Случается, что среди прыганья и судорогъ женщины распускаютъ себѣ волосы, случается, что по временамъ кто либо особенно изъ женщинъ стремительно бросается къ мужчинамъ съ необузданнымъ, продолжительнымъ поцѣлуемъ, имѣющимъ свойства страстнаго, нечистаго, чувственнаго объятія. Случилось видѣть, что среди прыганья женщины обнажались до пояса и въ такомъ видѣ продолжали прыгать, кричать, радоваться, жестикулировать. Часть происходящихъ при этомъ движеній носитъ несомнѣнный характеръ экспрессивныхъ дви-

женій и аллегорическихъ жестовъ, которыми иллюстрируются темы, служащія предметомъ молитвъ, бесѣдъ, экстаза. Такъ, на примѣръ, сцена быстрого обнаженія женщины до пояса во время пѣнія священной пѣсни—*кресту Твоему поклоняемся Владыко*—была объяснена двояко: крестьянинъ, стоявшій вдали, на мой вопросъ, объяснилъ, что женщина обнаженіемъ тѣла хочетъ показать, что Христосъ былъ распятъ на крестѣ обнаженнымъ; сама же обнажавшаяся женщина объяснила, что она хотѣла показать, какъ Христосъ воскресъ и снялъ съ себя гробныя пелены.

Среди обстановки, въ которой происходило все описанное, можно было сдѣлать лишь немногія объективныя изслѣдованія у лицъ, подверженныхъ экстазу и судорогамъ. Однако же удалось убѣдиться въ совершенной положительности въ существованіи полной потери болевой чувствительности кожи у многихъ изъ находившихся въ экстазѣ и судорогахъ. Съ другой стороны осязательная чувствительность у многихъ была несомнѣнно изощрена; судя по тому, что при всевозможныхъ судорожныхъ движеніяхъ въ тѣсномъ, переполненномъ помѣщеніи, никто изъ присутствующихъ не нанесъ своему сосѣду поврежденій или ударовъ и толчковъ, не смотря на то, что многіе, вертясь, двигаясь и прыгая, оставались съ плотно сомкнутыми глазами. Нѣкоторыя женщины прыгали и вертѣлись съ грудными дѣтьми на рукахъ и нерѣдко держа ихъ на одной лѣвой рукѣ, правой судорожно производили разныя движенія, въ родѣ толченія въ ступѣ, прихлопываній и т. д. Для опыта я дважды прошелъ сквозь толпу, не получивъ ни малѣйшаго толчка—среди условій, когда, казалось, этого невозможно было избѣжать. Такимъ образомъ, нельзя сомнѣваться въ повышеніи осязательной чувствительности у судорожно пры-

гавшихъ и вертѣвшихся лицъ. Сами Малеванцы объясняютъ судороги дѣйствіемъ св. Духа, и обыкновенно говорятъ о человѣкѣ, находящемся въ состояніи судорогъ: *это — не самъ онъ дѣлаетъ, это — въ него вошелъ св. Духъ, это — счастье*. Нелѣпный и непристойный характеръ многихъ страстныхъ позъ Малеванцы объясняютъ такимъ образомъ, будто въ этихъ движеніяхъ скрытъ какой либо высшій смыслъ, не всегда понятный для окружающихъ, какъ въ приведенномъ примѣрѣ обнаженія женщины.

При высшихъ степеняхъ возбужденія, у нѣкоторыхъ изъ участниковъ собранія наступаетъ особое возбужденіе центра и рѣчи и особаго рода словоизверженіе—*verbigeratio*, выражающееся въ быстромъ произнесеніи бессмысленныхъ тарабарскихъ звуковъ, имитирующихъ слова и разговоръ. Вотъ нѣкоторыя изъ подобныхъ словъ, переданныхъ съ возможно точной транскрипціей:

Боже, Боже, літо, літо, літо, кіто.

Ну крендо +у фули кресто.

Триндо арте аранти аланти усти тринтіази унти астентинъ алантантинъ арантанти апинъ танъ тиръ торъ тарахта а ти, ти ти ти ди ди ди.

Иногда подобнаго рода слова произносятся быстро и имѣютъ характеръ несомнѣнныхъ импровизаций, представляя собою явленіе настоящей *paraphrasiae paranoicae*. Иногда двое, большею частью женщины, обращаются другъ къ другу и произносятъ бессмысленныя слова, какъ бы ведутъ между собой разговоръ, сопровождая его при этомъ жестами. Это производитъ большое впечатлѣніе на окружающихъ. Авторы подобныхъ разговоровъ видимо интересуются производимымъ впечатлѣніемъ и ведутъ себя величественно какъ пророчицы. Малеванцы объясняютъ это явленіе тѣмъ, что будто св. Духъ сходитъ на человѣка и сообщаетъ ему *даръ языковъ*, т. е. возможность

говорить на неизвѣстныхъ человѣку языкахъ, подобно тому, какъ это было съ Апостолами по сошествіи на нихъ св. Духа. Если субъекту съ описанной парафазіей предложить вопросъ, на какомъ языкѣ онъ говоритъ и понимаетъ ли самъ, что сказалъ; то обыкновенно получается отвѣтъ, что самъ онъ не понимаетъ сказаннаго, повторить то, что сейчасъ сказалъ, также не можетъ, но что, вѣроятно—де на землѣ существуетъ такой языкъ и есть люди, которые эту рѣчь могли бы понять. Обыкновенно описываемая парафазія длится не болѣе $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ минуты и сразу обрывается. Одна изъ женщинъ,—неграмотная написала *подъ наитіемъ того же дара языковъ* нѣсколько штриховъ, отъ правой руки къ лѣвой не имѣющихъ никакого сходства съ буквами. По мнѣнію Малеванцевъ это написано на одномъ изъ діалектовъ земнаго шара, и пишущей рукой управлялъ св. Духъ.

Во время повальныхъ судорогъ эти судороги, равно какъ и другія истерическія проявленія носятъ у однихъ лицъ несомнѣнный характеръ самостоятельности, у другихъ они являются путемъ внушенія и подражанія какъ въ гипнозѣ и, наконецъ, у нѣкоторыхъ они просто симулированы въ цѣляхъ полученія ореола избранника, на котораго сошелъ св. Духъ.

Въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ наклонность къ судорогамъ выражена менѣе сильно и гдѣ картины, наблюдаемая въ собраніяхъ Малеванцевъ, не столь бурны и развиваются, такъ сказать, медленно,—замѣчается слѣдующій ходъ явленій. Обыкновенно дѣло начинается пѣніемъ—что и составляетъ самое употребительное религіозное упражненіе Малеванцевъ, точно такъ же какъ у штундистовъ и хлыстовъ. Пѣніе ведется женщинами и мужчинами совместно; часто первыя руководятъ пѣніемъ. Многіе изъ присутствующихъ подпѣваютъ или только слушаютъ. Вскорѣ

начинаются вздохи, всхлипыванья, слезы то у того то у другого изъ присутствующихъ; затѣмъ начинаютъ плакать многіе. Во всѣхъ собраніяхъ мужчины, какъ было нами упомянуто, начинаютъ плакать раньше женщинъ и плачутъ обильно, горькими слезами, нисколько себя не сдерживая. Это поражаетъ наблюдателя своей необычностью. Большею частью случается, что когда уже всѣ мужчины плачутъ, изъ женщинъ лишь немногія въ равной степени волнуются. Всѣ волненія и слезы отличаются однако же крайней поверхностностью; здѣсь вовсе нѣтъ глубокаго, эмоціональнаго состоянія. Волненіе исчезаетъ вдругъ и безслѣдно, смѣняясь какимъ либо другимъ волненіемъ; такъ, случается, что слезы вдругъ смѣняются приливомъ сентиментальной нѣжности, съ которою кто либо обращается къ другому, чтобы подать помощь, утѣшить, часто просто вытереть слезы, высморкать носъ, поправить волосы и т. п.

Нерѣдко слезы или другое душевное волненіе переходятъ въ одинъ изъ обычныхъ истерическихъ припадковъ: среди общихъ слезъ кто либо падаетъ совершенно неожиданно, или, наконецъ, у того или другого изъ молящихся наступаетъ судорога и является крикъ, это передается и другимъ, собраніе становится шумнымъ и безпорядочнымъ, пѣніе прерывается и вмѣсто условленнаго порядка начинается полный безпорядокъ, вслѣдствіе всеобщаго крика, плача, судорогъ и истерическихъ припадковъ.

Не лишено интереса, что насколько истерическіе припадки въ собраніяхъ Малеванцевъ дѣйствуютъ заразительно на взрослыхъ, особенно на мужчинъ, настолько они мало отражаются на дѣтяхъ. Изъ собранныхъ, путемъ распросовъ, и др. образомъ данныхъ, выяснилось, что Малеванцы наблюдали дѣйствіе Духа (т. е. судороги) даже

у грудныхъ дѣтей довольно часто; такъ же часто ими наблюдались судороги у дѣтей послѣ 8—10 лѣтъ, и весьма мало въ промежуточномъ возрастѣ отъ 3—8 лѣтъ. Такую зависимость припадковъ отъ возраста Малеванцы объясняютъ тѣмъ, что младенцы, какъ совершенно невинныя существа, и взрослые, какъ обладающіе полнымъ разумѣніемъ, легко воспринимаютъ Духа, дѣти же 3—8 лѣтъ по неразумію не способны принять и усвоить Духа. Очевидно, что здѣсь идетъ дѣло о двухъ болѣзняхъ—объ эпилептическихъ судорогахъ ранняго возраста и объ истерическихъ судорогахъ, которыя являются и становятся болѣе частыми лишь съ извѣстнаго возраста.

Независимо отъ судорогъ и перемѣны въ настроеніи духа, у Малеванцевъ замѣчается расстройство общаго питанія. Наблюдатели даже не врачи поражены значительнымъ количествомъ, среди Малеванцевъ, субъектовъ болѣзненныхъ, малокровныхъ, исхудалыхъ, такъ что уже по внѣшнему виду двѣ отдѣльно стоящія группы—Малеванцевъ и православныхъ отличаются между собою. Упадокъ питанія объясняется отчасти безсонницей, которою Малеванцы страдаютъ, ихъ извращеннымъ вкусомъ и неправильной діетой, отчасти же, вѣроятно, имѣетъ другія причины, которыя будутъ указаны ниже при разсмотрѣніи причинъ Малеванщины. Рядомъ съ упадкомъ питанія у Малеванцевъ замѣчаются рѣзко выраженныя сосудистыя расстройства, а именно: легко наступающее покраснѣніе лица и приливы крови къ головѣ. Рѣзкая краснота лица, необыкновенное налитіе и пульсація черепныхъ артерій появляются весьма легко: едва только Малеванцы начинаютъ свои собранія, у большинства присутствующихъ замѣчается рѣзкое покраснѣніе лица съ крупными каплями пота на немъ. Эти симптомы наступаютъ раньше появленія судорогъ и другихъ истерическихъ припадковъ.

Нельзя не сопоставить описанныхъ проявленій Малеванщины съ тѣми патологическими и нравственными отклоненіями, которыя замѣчаются у другихъ русскихъ сектантовъ, особенно у хлыстовъ, скопцовъ и духоборцевъ.

Читая описанія радѣній и прорицаній у хлыстовъ, нельзя не видѣть несомнѣннаго сходства, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и тождества этихъ радѣній съ проявленіями большой истеріи у Малеванцевъ. Изложеніе фактовъ, касающихся хлыстовщины, какое находимъ у Добротворскаго ¹⁾, вполне подтверждаетъ это. Таково описаніе радѣній на стр. 19, судорогъ на стр. 43-й, радѣльныхъ плясокъ на стр. 46—49-й, и прорицаній на стр. 57—58 и т. п.—вездѣ мы видимъ, что въ хлыстовскихъ радѣніяхъ, пляскахъ и прорицаніяхъ содержатся тѣ же проявленія большой истеріи, какія мы наблюдаемъ у Малеванцевъ. Тоже подтверждается данными, содержащимися въ книгѣ Андреева ²⁾. Такъ на стр. 274-й находимъ указанія на лобызанія у хлыстовъ и на факты полового возбужденія; на стр. 271—272 описаны радѣнія и пророчества, вполне сходныя съ тѣми, какія наблюдаются у Малеванцевъ. Столь же существенное подтвержденіе сказанному находимъ въ описаніи радѣній у скопцовъ, во время жизни и дѣятельности извѣстнаго скопческаго лжеискупителя Селиванова. Подробности этой, крайне поучительной для врача и психіатра жизни Селиванова находимъ въ новой книгѣ Кутепова ³⁾ и въ книгѣ Кельсіева ⁴⁾. Въ книгѣ Кутепова

¹⁾ Добротворскій. Люди Божьи. Казань 1869 г.

²⁾ Андреевъ. Расколъ и его значеніе въ народной русской исторіи. Петербургъ 1870 года.

³⁾ Кутеповъ. Секта хлыстовъ и скопцовъ. Казань 1882 г.

⁴⁾ Кельсіевъ. Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о расколѣ. Лондонъ 1862 г. томы 3—4.

находимъ интересныя подробности касательно судорожныхъ и синкопальныхъ (обморочныхъ) припадковъ, а также радѣній, круженій, прорицаній у скопцовъ (стр. 490—570). Описанія показываютъ, что эти явленія тождественны съ тѣми, что видимъ у Малеванцевъ.

Такое же тождество мы находимъ и въ коренномъ вѣрованіи хлыстовъ и Малеванцевъ въ фактъ непосредственнаго общенія чловѣка съ Божествомъ въ формѣ вхожденія Духа въ чловѣка. Этого входящаго Духа чувствуютъ одинаково и хлысты и Малеванцы; по мнѣнію тѣхъ и другихъ Духъ, входя въ чловѣка, управляетъ его дѣйствіями, а самое вхожденіе Духа обозначается судорогами и трепетаніемъ. Весьма интересно, что даже возгласы, употребляемые въ экстазѣ Малеванцами: *ой Духъ, ой Духъ*—тождественны съ Хлыстовскими (см. у Кутепова стр. 495). Наконецъ весьма вѣроятно, что при хлыстовскихъ радѣніяхъ у радѣющихъ хлыстовъ бываютъ анальгезіи (утрата боли) подобно тому, какъ это мы видимъ у Малеванцевъ, по крайней мѣрѣ существованіемъ анальгезіи объяснялись бы хлыстовскія бичеванія себя до крови. Такимъ образомъ не остается сомнѣнія, что у Малеванцевъ и у хлыстовъ радѣнія и религіозныя упражненія стоятъ въ тѣсномъ соотношеніи съ одной и той же болѣзью—истеріей. Припадки этой болѣзни именно галлюцинаціи, судороги и обморочные приступы приводятъ тѣхъ и другихъ сектантовъ къ одному общему вѣрованію въ Духа и въ фактъ его вхожденія въ чловѣка. И Малеванцы, и хлысты, и скопцы прибѣгаютъ къ радѣніямъ, какъ къ средству искусственно вызывать припадки большой истеріи т. е. по ихъ мнѣнію войти въ общеніе съ Духомъ.

Возможность, какую мы имѣли, видѣть воочию и наблюдать радѣнія Малеванцевъ, мы считаемъ за особенно счастливою случайность; такъ какъ, если не ошибаемся,

подобныя, релігійно-патологіческія движенія не были наблюдаемы и описаны врачами. Весьма серьезныя и въ своемъ родѣ высоко стоящія изслѣдованія о хлыстахъ и скопцахъ, существующія въ нашей литературѣ, написаны не врачами и при томъ, кажется, никто изъ авторовъ не былъ непосредственнымъ наблюдателемъ радѣній. Описанія радѣній, прорицаній и другихъ молитвенныхъ упражненій сектантовъ составлены отчасти на основаніи записки извѣстнаго скопца, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Елянскаго, частью изъ разсказовъ и записокъ бывшихъ хлыстовъ—Андреянова и Преображенцева, наконецъ, отчасти, изъ наблюденій священника Сергѣева, который временно вошелъ въ общеніе съ хлыстами для ознакомленія съ ихъ ученіемъ. Врачи же не наблюдали сектантскихъ радѣній. Целиканъ, равнымъ образомъ, не былъ непосредственнымъ наблюдателемъ радѣній. Въ виду такого положенія дѣла, факты, которые удалось наблюдать на Малеванцахъ, получаютъ тѣмъ большее значеніе и интересъ: они освѣщаютъ русское сектантство съ новой точки зрѣнія—врачебной.

Для разъясненія многихъ сторонъ Малеванщины равно и другихъ болѣзненно—релігійныхъ движеній имѣетъ существенное значеніе вопросъ о самочувствіи, связанномъ съ релігійными упражненіями и релігійной практикой сектантовъ. Въ отношеніи Малеванцевъ необходимо отличать два отдѣльныя состоянія, а именно: *во первыхъ*—состояніе возбужденія, характеризующееся истерическими припадками т. е. періодъ *пароксизматическій* и *во вторыхъ*—обычное ихъ состояніе періодъ *внѣпароксизматическій*. Тѣ чувства, которыми бывають охвачены Малеванцы во время молитвенныхъ пароксизмовъ, распознаются по мимикѣ, жестамъ, возгласамъ и словамъ, т. е. по *attitudes passionelles*. Чувства этого періода весьма разнообразны,

какъ уже указано было выше, однако же преобладаютъ чувства радости, блаженства, слезы счастья, сладостное чувство умиленія, мольба и т. д.; гораздо рѣже—страхъ, злость, гнѣвъ, отчаяніе, угроза.

Такимъ образомъ даже въ періодѣ пароксизматическомъ, когда человѣкъ большею частью галлюцинируетъ и бредитъ или по крайней мѣрѣ лишенъ яснаго сознанія, онъ все-таки обнаруживаетъ въ наибольшей степени характеръ пріятнаго самочувствія и болѣе или менѣе сладостныя галлюцинаціи и бредъ. Въ такихъ же случаяхъ, когда сознаніе не утрачено, самочувствіе и въ пароксизматическомъ періодѣ и внѣ его остается все время болѣе или менѣе весьма пріятнымъ, сладостнымъ. Отсюда происходитъ та нѣжность и услужливость, та экзальтированная, сантиментальная привязанность, которую обнаруживаютъ Малеванцы, и которая также наблюдается у хлыстовъ и духоборцевъ. Малеванцы, подобно хлыстамъ, любятъ свои радѣнія, домогаются, какъ величайшаго счастья—*порадѣть*. Отсюда должно быть произошло и самое названіе—*радѣніе* (радость). Крайне любопытные факты приведены у Кутепова¹⁾ относительно хлыстовъ, гдѣ указано, какъ они, подъ всевозможными предлогами, стараются устраивать свои (воспращенныя) молитвенныя сходки, чтобы предаться радѣніямъ столь сладостнымъ для нихъ, и они готовы для этого сдѣлать десятки верстъ, не спать ночи, только бы достигнуть радѣній. Совершенно то же у Малеванцевъ: возможность сборищъ и общихъ пѣній возбуждаетъ ихъ, доставляя имъ необыкновенную радость. Появленіе, у кого нибудь изъ собравшихся, судорогъ и истерическихъ припадковъ вызываетъ чувства неописанной радости и счастья у зрителей. Вообще со-

¹⁾ I. с. 498.

бранія Малеванцевъ характеризуются изъявленіемъ всякаго рода восторговъ. *Ликованіе и радость*—вотъ главныя черты ихъ общихъ собраній. Слезы, обильно проливаемые Малеванцами на собраніяхъ, это большей частью слезы радости и счастья. Даже въ томъ случаѣ, когда Малеванецъ плачетъ о своихъ грѣхахъ,—его наполняетъ не мрачное чувство сознанія грѣховности, но чувство, всегда соединенное со сладостной надеждой на прощеніе, на милость Божью. Вообще можно сказать, что даже угнетенное состояніе духа не является у Малеванцевъ въ чистой формѣ, но всегда въ соединеніи съ чувствами пріятнаго характера. Когда у кого либо изъ присутствующихъ въ собраніи являются судороги или иного рода пароксизмы, раздается общій взрывъ радости, слезъ и возгласовъ счастья. Всѣ кричатъ: «Святой Духъ пришелъ, ой Богъ пришелъ, ой радость и т. п.». Религіозныя собранія и страсть къ нимъ очевидно мотивированы перспективной ожидаемаго экстаза радости. Кутеповъ¹⁾ очень справедливо считаетъ этотъ мотивъ главнымъ побужденіемъ къ собранію хлыстовъ на ихъ радѣнія. Мы не станемъ разбирать, происходитъ ли ихъ радостный экстазъ отъ *опьяненія движеніемъ*, какъ думаетъ Пеликанъ²⁾ или же самое движеніе есть первобытный общечеловѣческой пріемъ для вызванія экстаза, какъ это убѣдительно доказываетъ Тэйлоръ³⁾—мы устанавливаемъ лишь фактъ несомнѣннаго существованія экстатической радости, восторга и восхищенія, связаннаго съ извѣстными истерическими пароксизмами и другими фізіологическими состояніями, до которыхъ доводятъ себя Малеванцы, хлысты и скопцы путемъ разнообразныхъ пріемовъ.

¹⁾ I. с. стр. 495—498.

²⁾ Пеликанъ. Суд. мед. изслѣд. Скопч. стр. 102—103.

³⁾ Тэйлоръ «Первобыт. культ.» т. II стр. 454 и д. Изд. перв.

Существенной чертой описываемыхъ экстатическихъ состояній является *чувствованіе себя совершенно инымъ человекомъ, чѣмъ какимъ себя знаетъ субъектъ въ обыкновенныхъ условіяхъ*. Эта субъективная переменѣна послужила у хлыстовъ и независимо отъ нихъ у Малеванцевъ основаніемъ для мысли о томъ, что радостное состояніе, въ которое погружается человѣкъ, зависитъ отъ вхожденія въ него божественнаго существа, Божественнаго Духа; этому сверхъ того содѣйствовали и соотвѣтственныя галлюцинаціи. Такимъ образомъ возникла идея о постоянномъ общеніи человѣка съ Богомъ, о близости Высшаго Существа и о возможности, при помощи извѣстныхъ пріемовъ (радѣній, молитвъ), войти, въ любую минуту, въ непосредственное общеніе съ Высшимъ Существомъ, какъ это выражено простодушно въ одномъ хлыстовскомъ распѣвѣ: *пришелъ братецъ poradъль, Христомъ Богомъ завладѣль*. Намъ кажется, что на этихъ именно физиологическихъ основахъ измѣненнаго самочувствія, на этомъ переживаніи двухъ весьма различныхъ состояній зиждется мистицизмъ Малеванцевъ, хлыстовъ и скопцовъ, вмѣстѣ съ непоколебимой вѣрой ихъ въ возможность постоянного непосредственнаго общенія съ Богомъ. Отсюда же вытекаетъ у этихъ сектантовъ вѣра въ то, что Христосъ многократно воплощался и можетъ еще много разъ воплотиться въ любомъ изъ живущихъ людей. Отсюда вѣра Малеванцевъ въ появленіе Христа въ лицѣ мѣшанина Кондратія Малёванаго. Каждая изъ названныхъ сектъ легко приходитъ къ обоготворенію людей, основываясь на младенческихъ понятіяхъ о непосредственной и—если можно такъ выразиться—фамильярной близости Божества къ человѣку. Понятно также и упорство хлыстовъ и Малеванцевъ въ ихъ вѣрованіяхъ: эти вѣрованія имѣютъ реальную, физиологическую и вѣрнѣе патологическую

основу, и въ силу этого и хлысть и Малеванецъ вѣрять въ свои откровенія и убѣжденія столь же непоколебимо, какъ помѣщенный въ свои галлюцинаціи. Ихъ вѣра въ Духа не есть умозаключеніе или вѣрованіе, но результатъ непосредственнаго самочувствія, вытекающаго изъ патологической или по крайней мѣрѣ измѣненной дѣятельности органа мысли.

Не лишнюю психологическаго интереса аналогію съ Малеванцами, хлыстами и духоборцами представляютъ спириты. Вѣра спиритовъ въ духовъ, въ возможное общеніе съ ними и въ существованіе способовъ узнавать, чрезъ посредство духовъ, прошедшее, будущее и недоступное настоящее—вся эта спиритическая догматика чрезвычайно сходна съ догматикой скопцовъ, хлыстовъ и Малеванцевъ. Вѣра спиритовъ въ духовъ основывается, какъ и у сектантовъ, на фактѣ экстаическихъ состояній, въ которыхъ медиумы могутъ писать, произносить слова или дѣлать что либо недоступное имъ въ обыкновенныхъ состояніяхъ, и это недоступное спириты приписываютъ манипуляціямъ посторонняго духа, дѣйствующаго чрезъ организмъ медиума или инымъ путемъ. Подобно тому, какъ хлысть или Малеванецъ, прорицая, произнося извѣстныя слова и дѣлая тѣлодвиженія, не сознаетъ ихъ, или по крайней мѣрѣ не признаетъ какъ собственныя, а напротивъ признаетъ ихъ чуждыми себѣ, совершающимися волею вошедшаго извнѣ духа, такъ же точно и пищущій или вертящій столонъ спиритъ не признаетъ этихъ дѣйствій за свои, а относитъ ихъ къ дѣйствию посторонняго духа, который управляетъ имъ, какъ простымъ орудіемъ.

По превосходному выраженію Бине—спиритическія и истерическія состоянія содержатъ въ себѣ условія для

*умственной расчлененія*¹⁾, при которомъ отдѣльныя части выступаютъ порознь и независимо и такимъ образомъ ведутъ къ раздѣленію сознанія на части и слѣдовательно къ удвоенію личности.

Но помимо такого истерическаго удвоенія личности у Малеванцевъ чаще выступаетъ на сцену иное удвоеніе, которому можно дать наименованіе *параноическаго*, при которомъ два состоянія сознанія или два смежныхъ періода его относятся между собою такъ, какъ относится состояніе здороваго сознанія къ состоянію сознанія въ помѣшательствѣ. Это какъ бы временныя или переходящія состоянія помѣшательства.

Относя къ одной общей категоріи Малеванцевъ хлыстовъ и спиритовъ, мы не можемъ не закончить этого сравненія сопоставленіемъ скопческихъ и хлыстовскихъ *прорицаній* съ *откровеньями* спиритовъ. Если первыя, большею частью, лишены смысла или по крайней мѣрѣ не возвышаются надъ уровнемъ зауряднаго человѣческаго разума, то и все то, что успѣли сообщить спиритамъ ихъ духи — совершенно посредственно или ничтожно и, по справедливому замѣчанію англійскаго мыслителя, «не можетъ быть поставлено выше самой пошлой болтовни» (Карпентеръ).

Приведенныя выше характеристическія черты Малеванцевъ, а именно: судороги, галлюцинаціи и страстныя состоянія, склонность къ нарядамъ, къ пикантной пищѣ, сантиментальность, крайняя душевная подвижность, съ неожиданнымъ и быстрымъ переходомъ отъ однихъ чувствъ и настроеній къ другимъ, въ особенности отъ печали къ радости, и наконецъ, склонность къ подражанію — все это черты свойственныя истеріи. Но у Малеванцевъ замѣчаются сверхъ того и особенности иного рода. Въ ряду

¹⁾ Binet. Les. alterations de la personnalité. Paris 1892—pag. 295.

послѣднихъ рѣзко выступаетъ своеобразное состояніе духа, которое можно было бы назвать глубокимъ исканіемъ покоя, наступившимъ какъ бы послѣ утомленія, когда человѣкъ отказывается отъ всѣхъ рѣшеній и ищетъ мира, отдыха, успокоенія. Это состояніе, какъ оно наблюдается у Малеванцевъ, отличается значительной психологической глубиной, далеко несвойственной истеріи. Оно не имѣетъ ничего общаго съ истеріей и скорѣе всего напоминаетъ собою черты того крупнаго религіозно-историческаго движенія, которое извѣстно подъ именемъ *квіэтизма* ¹⁾.

Квіэтизмъ, какъ онъ неоднократно проявлялся въ исторіи, представляетъ собою одностороннее (частичное) возрѣніе на жизнь, которое высшей цѣлью личности выставляетъ свободу отъ всякакъ *мотивовъ* и подчиненіе себя однимъ *квіэтивамъ* т. е. освобожденіе отъ представлений, побуждающихъ къ дѣйствию, и подчиненіе себя однимъ только представленіямъ, побуждающимъ волю къ подавленію стремленій, чувствъ и страстей. Религіозные писатели и моралисты различаютъ два вида *квіэтизма*— *квіэтизмъ религіозный или философскій* и *квіэтизмъ обыденный жизни*. Квіэтизмъ перваго рода представляетъ собою состояніе, когда человѣкъ старается приостановить и привести въ безмолвіе всякое хотѣніе и желаніе и тѣмъ освободиться отъ безпокойствъ и тревогъ воли и отъ всего, чѣмъ нарушается тихое благодушное настроеніе. Въ такомъ состояніи человѣкъ ничего не хочетъ, ничего не желаетъ измѣнять, ничего не предпринимаетъ и остается въ ожиданіи того, что случится, или что Богъ дастъ.

Такой религіозно-философскій *квіэтизмъ*, по спра-

---

¹⁾ Franck. Dictionnaire des sciences philosophiques. Paris 1875 pag. 1445—1447.

ведливому замѣчанію епископа Мартенсена ¹⁾ останется навсегда ошибкой, богатой назиданіями и постоянно вновь появляющейся подъ различными формами. Отъ такого религіозно-философскаго квіэтизма, періодически появляющагося въ исторіи, отличается другой, никогда не прекращающійся, квіэтизмъ обыденной жизни, состоящій въ томъ, что человекъ отказывается отъ всякаго стремленія къ идеаламъ и избѣгаетъ всякаго напряженія, клонящагося къ усовершенствованію нравственной жизни. Такого рода квіэтизмъ есть тупое безразличіе, которое обыкновенно формулируется въ слѣдующихъ житейскихъ афоризмахъ: «не слѣдуетъ смущаться своими недостатками, ибо на землѣ нѣтъ совершенства; не стоитъ искать въ мірѣ совершенства, а нужно брать міръ, какъ онъ есть, ибо мы живемъ въ немъ и другого не знаемъ; мы не въ силахъ измѣнить существующій въ мірѣ порядокъ, а потому необходимо идти за общимъ теченіемъ; надо искать успокоенія въ забвеніи или наслажденіяхъ и полагаться на все изглаживающее время». Таковъ квіэтизмъ обыденной жизни.

У Малеванцевъ замѣчается квіэтизмъ перваго рода. У нѣкоторыхъ изъ послѣдователей секты это направленіе мысли проявляется въ самыхъ выразительныхъ чертахъ. Представители этого рода квіэтистовъ въ высокой степени миролюбивы, великодушны и отличаются возвышеннымъ характеромъ и самопожертвованіемъ. Они отказываются отъ имущества, дарятъ его желающимъ, незлобивы и заботятся о другихъ. Они съ полнѣйшимъ спокойствіемъ и религіозной преданностью ожидаютъ грядущихъ событій. Ихъ настроеніе духа характеризуется твердостью, постоянствомъ,

¹⁾ Мартенсенъ. Христ. ученіе о нравственности перев. Лопухина. С. П. Б. 1890. Т. I. стр. 342—343.

устойчивостью; они не подвержены ни судорогамъ ни другимъ истерическимъ припадкамъ и представляютъ рѣзко очерченную и выдѣляющуюся психологическую группу.

Кромѣ *истеричныхъ субъектовъ* и *квѣзтистовъ*, среди Малеванцевъ есть третья, правда немногочисленная, категория субъектовъ—это помѣшенные и, большей частью, *параноики*.

Параноія Малеванцевъ проявляется въ двухъ весьма типическихъ формахъ. У однихъ основаніемъ болѣзни является постоянная экзальтація, выражающаяся говорливостью, слезами, частой и легкой смѣной противоположныхъ настроеній т. е. радости и слезъ. У другихъ отличительной чертой являются самыя рѣзкія формы парадоксальной логики, которая, въ связи съ возвышеннымъ самочувствіемъ этихъ больныхъ, придаетъ отпечатокъ крайняго упорства и фанатизма ихъ идеямъ и дѣйствіямъ. Приводимыя исторіи болѣзни поясняютъ сказанное.

I. Крестьянинъ села Антоновки, Васильковскаго уѣзда Сос—кій, 39 лѣтъ, помѣщенъ въ отдѣленіе душевно-больныхъ Кирилловской больницы 18 августа 1892 г. Больной малаго роста, слабаго тѣлосложенія, съ малой головой и убѣгающимъ назадъ лбомъ, съ напряженными и извилистыми височными артеріями, страдаетъ приливами крови къ головѣ при малѣйшемъ психическомъ возбужденіи и даже при обыкновенномъ разговорѣ. Больной рассказываетъ о себѣ, что онъ имѣлъ отъ природы твердое и даже злое сердце, но 5 лѣтъ тому назадъ «его сердце стало мягкимъ» и въ настоящее время онъ легко плачетъ при самыхъ незначительныхъ обстоятельствахъ: если съ нимъ кто заговорить, то сердце у него тотчасъ радуется, и онъ готовъ плакать. Онъ сталъ такъ чувствителенъ, что *его сердце трепещетъ*, какъ только онъ услышитъ, что гдѣ либо зарѣзали курицу. Если онъ при покупкѣ слы-

шитъ клятвы или увѣренія продавца, что товаръ стоитъ дороже, то онъ готовъ приплатить дороже, только бы не слышать клятвъ и увѣреній, отъ которыхъ онъ чрезвычайно волнуется. Часто его душа неожиданно и безъ внешней причины начинаетъ сильно радоваться, и тогда онъ не можетъ удержаться отъ молитвы и слезъ. Соответственно такому настроенію духа, больной обнаруживаетъ наклонность говорить неудержимо и постоянно увлекаясь; при этомъ онъ усиленно жестикулируетъ, подымаетъ руки къ небу, то прикладываетъ ихъ къ сердцу, то издаетъ восторженные возгласы, то вдругъ среди бесѣды, для вящаго удостовѣренія собесѣдника, становится на колѣни, плачетъ, молится и говоритъ: *вотъ, видите! душа моя вострепетала и взиралась, какъ голубица, она раскрываетъ мои руки и говоритъ во мнѣ такъ, что я даже стоять не могу на ногахъ.*

Болѣзненные явленія развились у Сос—каго въ слѣдующемъ порядкѣ. Съ 1887 и 1888 года его настроеніе духа измѣнилось въ томъ смыслѣ, что его сердце стало, какъ онъ выражается, *мякимъ и чувствительнымъ*, и онъ сталъ интересоваться религіозными вопросами и прислушиваться къ пропагандѣ штундистовъ. Съ 1890 года онъ сталъ страдать безсонницей и живыми сновидѣніями. Въ этомъ же году онъ однажды въ полѣ имѣлъ зрительныя галлюцинаціи. Онъ встрѣтилъ ясною человѣка, тѣло котораго, было, какъ солнце, а глаза какъ звѣзды. Сос—скій упалъ предъ видѣніемъ и услышалъ отъ него слѣдующее повелѣніе: *иди и проповѣдуй всѣмъ начальникамъ и всѣмъ вельможамъ и темному народу, чтобы всѣ клялись во грѣхахъ; если же ты не пойдешь проповѣдывать, то грѣхи твои доведутъ тебя до ада.*

Съ этого времени, рассказываетъ больной, все стало мнѣ открываться въ моемъ сердцѣ, и я сталъ проповѣдо-

вать, хотя я человекъ неграмотный. Вскорѣ послѣ этого видѣнія больной видѣлъ сонъ, будто онъ держитъ двухъ агнцевъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ: «я святой духъ», и вдругъ изъ ангца сдѣлался младенецъ, а изъ младенца голубь. Больной проснулся въ большой радости и долго молился. Съ этого времени онъ выступилъ на проповѣдь. Больной рассказываетъ, что онъ не могъ удержать въ себѣ слова. *Я мучился, говоритъ онъ, когда молчалъ, оставаясь дома, но радовался и плакалъ отъ радости, когда шелъ въ народъ и проповѣдывалъ. Меня связывали, а я еще больше начиналъ кричать и проповѣдывать.* Больной посѣщалъ сборища и проповѣдовалъ, посѣщалъ еврейскую синагогу и тамъ проповѣдовалъ (въ Бѣлой-Церкви). Онъ проповѣдовалъ такимъ образомъ съ сентября 1891 года по мартъ 1892 года. Съ марта же, вслѣдствіе воспрещенія сходовъ, больной не могъ предаваться проповѣди въ прежнихъ размѣрахъ и сталъ спокойнѣе, а 18-го августа былъ помѣщенъ въ психіатрическую больницу.

Состояніе больного въ первые мѣсяцы его пребыванія въ больницѣ оставалось безъ существенной перемѣны: при всякомъ поводѣ онъ говорилъ восторженно, проповѣдуя, излагая свои вѣрованія, умоляя, угрожая, впадая въ тонъ экстаза, умиленія и покорности судьбѣ, то снова рѣзко переходя въ иныя настроенія.

Черезъ три мѣсяца у больного обнаружилось замѣтное успокоеніе; онъ еще остается при своихъ идеяхъ, но его эмоціональныя реакціи значительно слабѣе. Питаніе улучшается, сонъ покоенъ.

II. Кобы—нскій крестьянинъ 48-ми лѣтъ, католическаго вѣроисповѣданія, женатъ, имѣетъ дѣтей, постоянно жилъ въ деревнѣ Снѣгуровкѣ, Васильковскаго уѣзда. Больной обнаруживаетъ рѣшительность, самоувѣренность,

говорить спокойно, но нерѣдко впадаетъ въ тонъ озлобленія и раздраженія, иногда доходя до дерзости; вообще же онъ высокоумренъ и фанатиченъ и обнаруживаетъ попытки властвовать, распоряжаться, повелѣвать. Къ своимъ бывшимъ единовѣрцамъ и къ православнымъ относится презрительно. Два года назадъ больной перешелъ изъ католичества въ штундизмъ, а въ концѣ 1891 года сдѣлался Малеванцемъ. Первые галлюцинаціи онъ имѣлъ 22 ноября 1891 года, именно: онъ видѣлъ наяву Бога Отца. Весною 1892 года больной снова имѣлъ зрительныя галлюцинаціи: онъ видѣлъ, что изъ середины небеснаго свода спускались на землю широкія ленты—красныя, розовыя, голубыя, лиловыя, желтыя и бѣлыя, но *это не была радуга*, говоритъ больной, *это было видѣніе, котораго раньше никто никогда не видѣлъ*. Вскорѣ послѣ этого больной однажды днемъ увидѣлъ великую раму, которая не была заполнена иконой, и на ней были разные цвѣта. Во время этихъ видѣній больной ощущалъ *необыкновенно пріятный ароматическій запахъ*, хотя это было ранней весной и въ поляхъ еще не было никакой растительности. Во время молитвъ, которымъ онъ въ ту пору предавался, онъ *множественно поднимался на воздухъ на высоту до полутора аршина*. Это поднятіе совершалось силою св. Духа, который въ него входилъ. Во время вхожденія въ него св. Духа, онъ чувствовалъ необыкновенную радость. Онъ видѣлъ также, какъ другіе братья среди молитвы отдѣлялись отъ земли и подобно птицамъ переносились съ мѣста на мѣсто. Послѣ схождения на него св. Духа, больной получилъ „откровеніе на счетъ грамоты“ т. е. получилъ возможность понимать и истолковывать Евангеліе, Библию и всѣ книжныя писанія, которыхъ онъ прежде не понималъ. Теперь онъ просвѣщенъ и все можетъ понимать и объяснять. Все, что онъ говоритъ те-

перь, исходитъ отъ Бога и внушается ему св. Духомъ. Въ церковь ходить ему не нужно, потому что онъ искупленъ отъ всѣхъ грѣховъ, онъ избранникъ божій; пусть въ церковь ходятъ тѣ, кто не очистился, а кто стоитъ въ вѣрѣ, въ томъ нѣтъ зла. Больной высказываетъ многія идеи, носящія характеръ идей величія и преслѣдованія. Гдѣ бы я ни шелъ, говоритъ онъ, хотя бы по широкому полю—все равно, что я иду по узкому пути, всюду есть гонители, нашу вѣру хотятъ разорить и разогнать насъ по всей землѣ; но скоро все перевернется, скоро Господь сокрушитъ кедры ливанскіе, т. е. по мнѣнію больного, сокрушитъ высокоумныхъ и невѣрующихъ людей. *Теперь насъ судитъ начальство*, говоритъ больной, *но Господь ждетъ конца этого суда, и если судъ окажется невѣрнымъ, накажетъ судей юродствомъ. Скоро все перевернется, скоро всѣ благородные и все начальство будутъ прыгать какъ козлы, потому что на нихъ сойдетъ св. Духъ и всѣ, за исключеніемъ нераскаянныхъ, примутъ нашу вѣру. Все это случится раньше, чѣмъ дѣти успѣютъ вырасти. Всѣ эти предсказанія, по словамъ больного, совершенно вѣрны, потому что онъ изрекаетъ все по наитію св. Духа.* Присутствіе св. Духа онъ испытываетъ весьма часто, и это всегда сопровождается *великою радостью* въ душѣ, которая нерѣдко заставляетъ его прыгать, трястись. Дѣятельность больного направлена болѣе всего на чтеніе Библии и на проповѣдь. *Я избранъ Отцомъ и Сыномъ на проповѣдь и долженъ проповѣдовать*, говоритъ онъ. Въ перспективѣ будущаго больному представляется моменты религіозной пропаганды съ насиліемъ: *скоро наша вѣра восторжествуетъ и всѣхъ тогда посадятъ*, говоритъ онъ. Основаніемъ болѣзненныхъ идей описываемаго больного служитъ болѣе всего его парадоксальная логика, въ силу которой онъ произвольнымъ и нелѣпымъ образомъ истолковываетъ тек-

сты св. Писанія, относя ихъ къ своей личности и къ переживаемымъ событіямъ.

Большое сходство съ двумя приведенными сейчасъ случаями болѣзни представляютъ и нижеслѣдующіе случаи.

III. Горо—ць, 49-ти лѣтъ, крестьянинъ Кіевской губ. Васильковскаго уѣзда дер. Насташки, поступилъ въ Кирилловскую больницу 25-го октября 1892 года. Больной отличается несимметричнымъ черепомъ и крайне несимметричной мимикой. Около пяти лѣтъ назадъ у больного появились душевныя волненія и тягостныя ожиданія. Въ этомъ періодѣ предвѣстниковъ болѣзни, Горо—ць, подобно многимъ другимъ, совершилъ паломничество въ Тарашу къ Кондратию Малёваному, и здѣсь, по его словамъ, произошли слѣдующія знаменательныя событія. Онъ палъ къ ногамъ Малёванаго и не могъ подняться, но одно прикосновеніе къ нему Малёванаго возвратило ему силы, и онъ всталъ.

Послѣ своего паломничества къ Малёваному, онъ еще долгое время испытывалъ сомнѣнія ему казалось, что онъ Иуда предатель, такъ какъ, во время визита къ Малёваному, у него было въ карманѣ 30 рублей, и онъ, слѣдовательно, какъ Иуда, приходилъ къ Спасителю съ тридцатью серебряниками. Другимъ основаніемъ, которое побудило Горо—ца считать себя Иудой было то обстоятельство, что онъ, назвавъ Малёванаго Спасителемъ, подвергся побоямъ со стороны лицъ, враждебно относившихся къ Малёваному; тогда какъ другой крестьянинъ, по имени Петръ, бывшій вмѣстѣ съ нимъ, и назвавшій Малёванаго братомъ, не подвергся побоямъ. На основаніи болѣзненной парадоксальной логики, Горо—ць рассуждалъ, что если крестьянина Петра, отрекшагося отъ Малёванаго (такъ какъ онъ назвалъ его не *Спасителемъ*,

а *братомъ*) не подвергли побоямъ, а его—Горо—ца избивали, то онъ, должно быть, совершилъ нѣчто худшее, чѣмъ Петръ, и если послѣдній только отрекся отъ Спасителя, то онъ, должно быть, предалъ Спасителя, т. е. онъ Иуда предатель.

Около двухъ лѣтъ Горо—цъ находился въ состояніи душевныхъ волненій, послѣ чего въ 1889 году у него появились галлюцинаціи. Онъ видѣлъ на небѣ два круга. Время отъ времени галлюцинаціи повторялись. Въ 1891 году онъ участился. Однажды онъ увидѣлъ разноцвѣтный столбъ, спускавшійся отъ неба къ землѣ; въ немъ были открытыя двери и сквозь послѣднія виднѣлись вдали двѣ радуги (дѣло было зимою) яркихъ цвѣтовъ, расположенныя одна надъ другой, по верхней радугѣ, какъ по полотну дороги, мчался желѣзнодорожный поѣздъ, и съ поѣзда слышался голосъ: *всѣ присянутъ ему*. Больной понялъ это такимъ образомъ, что всѣ дадутъ присягу Кандратію Малёваному, т. е. признаютъ его Христомъ. Это видѣніе случилось на разсвѣтѣ, и больной, уже мучившійся раньше религіозными сомнѣніями, пришелъ въ большое волненіе, сталъ плакать, молиться и тутъ же далъ обѣтъ принять Малёванскую вѣру, какъ только онъ получитъ отъ Бога еще одно новое свидѣтельство. Это свидѣтельство, по его желанію, должно было состоять въ слѣдующемъ: онъ отправится въ свое гумно, возьметъ на удачу съ закрытыми глазами три колоска ржи и если въ каждомъ найдетъ только по три зерна, не болѣе и не менѣе, то это значитъ, что Кандратій Малёваный есть Христось Спаситель. Горо—цъ въ большемъ волненіи, въ слезахъ и страхѣ вышелъ на гумно, и его ожиданія въ точности исполнились.

Послѣ этого онъ сталъ испытывать необыкновенную радость, которая часто приходила въ его сердце съ *«вне-*

запностью молнии». Настроение духа его переменялось, сомнѣнія исчезли, и онъ сталъ повсюду проповѣдывать, посѣщалъ для этого церкви, еврейскія школы и собранія народныя. Въ такомъ состояннн онъ помѣщенъ въ больницу.

IV. Моисей Тодос—ко, Кіевской губ., Васильковскаго уѣзда, с. Яхны 27-ми лѣтъ отъ роду, женатъ. У больного замѣчаются слѣдующіе физическіе знаки вырожденія: сѣдлообразное нѣбо, многочисленныя, разсѣянныя пигментныя пятна кожи. Ростъ больного 173,7, продольный діаметръ головы 193 миллиметра, наибольшій поперечный 162, наибольшая горизонтальная окружность головы 580 миллиметровъ. Къ дѣйствию спиртныхъ напитковъ Тодос—ко былъ всегда чувствителенъ; въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ страдалъ головными болями и безсонницей, къ чему вскорѣ присоединились душевныя волненія мрачнаго характера отчасти съ ипохондрическимъ оттѣнкомъ. Это заставляло Тодос—ко обращаться неоднократно къ врачебной помощи, требовать кровопусканій и проч. Въ 1890 году у него появились галлюцинаціи. Ночью, въ октябрѣ 1890 г. находясь въ полѣ, онъ увидѣлъ необыкновенное сіяніе; въ началѣ 1891 года, находясь въ пути, ночью, онъ снова увидѣлъ подобное же сіяніе, послѣ чего въ центрѣ сіянія отверзлись небеса, и тамъ онъ увидѣлъ предъ Престоломъ Божіимъ колѣнопреклоненнаго Тихона Задонскаго и услышалъ: *кайтесь, люди*. Послѣ этого небеса закрылись. Нерѣдко во время молитвы онъ слышалъ *необыкновенно пріятный запахъ*, который ни съ чѣмъ не сравнимъ.

Съ конца 1891 года въ психическомъ состояннн его происходитъ существенная перемена. Дотолѣ колеблющійся, сомнѣвающійся, грустный, онъ, безъ всякихъ основаній становится самоувѣреннымъ, рѣшительнымъ. ра-

достнымъ и просвѣтленнымъ, и у него формируются идеи бреда. Онъ перестаетъ себя считать обыкновеннымъ чело-
 вѣкомъ и воображаетъ себя Моисеемъ Пророкомъ, выступаетъ на проповѣдь, собираетъ вокругъ себя послѣ-
 дователей, властно распоряжается ими и требуетъ себѣ
 безприкословнаго повиновенія. Даже въ внѣшнемъ видѣ
 больного съ этого времени замѣчается перемѣна: онъ ще-
 гольски одѣвается, носитъ изящный носовой платокъ,
 франтоватую шляпу, ходитъ съ тросточкой и носитъ зон-
 тикъ. Идеи бреда основаны у него главнымъ образомъ на
 парадоксальной логикѣ, съ которою онъ объясняетъ види-
 мое слышимое и читаемое. Такъ, рассматривая крестообраз-
 ную складку у себя на рукѣ, онъ видитъ въ ней доказа-
 тельство своего высшаго назначенія; шумъ и звукъ *ш*, по
 его мнѣнiю, обозначаютъ что надо дѣлать *шагъ* впередъ;
 звукъ *в* обозначаетъ, что Господь насъ *ведетъ*, и мы дол-
 жны идти за нимъ; звукъ *д* обозначаетъ, что они, Ма-
 леванцы, дѣлаютъ добро, а православные добра не дѣ-
 лаютъ, звукъ *щ* обозначаетъ, что прошло время *щавить*
 (сдавить, сжать) все дурное. Подобнымъ же образомъ
 онъ произвольно и своеобразно толкуетъ всѣ соверша-
 ющіяся событiя; такъ наприимѣръ, въ присутствiи комис-
 сiи Тодос—ко, указывая на членовъ комиссiи, вблизи
 которыхъ онъ стоялъ, затѣмъ указавъ на группу стояв-
 шихъ поодаль крестьянъ и затѣмъ показавъ на себя,
 произнесъ: *мы, встъ, я*—значитъ Месс—сі—я, т. е. онъ,
 Тодос—ко, есть Мессiя. Съ подобными же приѣмами па-
 радоксальнаго мышленiя Тодос—ко итолковываетъ са-
 мья трудныя мѣста св. Писанiя. Онъ разрѣшаетъ всѣ
 проблемы пустой игрой словъ, основанной на созвучiи
 или внѣшнемъ сходствѣ, и услаждается сознаниемъ, что
 ему ниспосланъ Богомъ даръ быть рѣшителемъ и истол-
 кователемъ всѣхъ вопросовъ религи и жизни. Такъ,

онъ берется истолковать движеніе и значеніе звѣздъ, опредѣлить происхожденіе и число языковъ и народовъ, указать смыслъ существованія всякаго звѣря, всякаго дерева, злака и т. п. и предсказать будущее.

Въ первое время, по поступленіи въ больницу, Годос—ко занимался религіозной проповѣдью, но въ послѣдствіи успокоился и сталъ трудолюбивымъ работникомъ. Въ августѣ 1892 года началось постепенное улучшение, и въ октябрѣ наступило уже выздоровленіе.

V. Ефимъ Кор—пій, 37-ми лѣтъ, крестьянинъ с. Дѣдовщина, Сквирск. уѣзда. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ онъ испытывалъ волненія и колебанія по вопросу о переходѣ въ новую вѣру (штундизмъ) или, какъ больной говоритъ, онъ страдалъ, раздумывая о пути истинномъ. Въ февралѣ и мартѣ 1892 года онъ страдалъ, сочленовнымъ ревматизмомъ. Въ маѣ у него появились зрительныя галлюцинаціи: онъ видѣлъ на небѣ синюю книгу съ бѣлыми буквами по ней, видѣлъ также, какъ звѣзды сблизились и сгруппировались въ одну корону. Около половины апрѣля 1892 года Кор—пій перешелъ въ Малеванство. Съ этого времени его постоянно тревожили сны. Онъ часто видѣлъ во снѣ Спасителя (т. е. Малеванаго). Часто сонъ былъ такъ неглубокъ, что онъ почти не отличался отъ состоянія бодрствованія. Однажды, во время такого сна, онъ услышалъ голосъ: *пойди, зажги свою избу и цумно, и тогда всѣ увѣрять, что эта вѣра* (т. е. Малеванщина) *есть вѣра истинная*. Это повелѣніе стало такъ *тревожить сердце* его, что онъ отправился и среди дня учинилъ поджогъ, отъ котораго и сгорѣла его усадьба вмѣстѣ съ избой сосѣда. По объясненію свидѣтелей, Кор—пій неоднократно говорилъ о чудѣ, которое должно подтвердить новую вѣру и, съ цѣлью исторгнуть у Бога проявленіе чуда, поджогъ свою избу и оwinъ

и легъ недвижимо вблизи огня въ увѣренности, что его, какъ избранника, огонь не коснется и такимъ образомъ Богъ, медлящій проявить чудеса, проявить ихъ на немъ въ видѣ неуязвимости его къ дѣйствию огня. Фанатикъ былъ спасенъ отъ опасности посторонними. Повидимому аналогичный случай описанъ въ «Саратовскомъ Листкѣ»: поселянинъ с. Голого Карамыша, Ротъ, изъ секты анабаптистовъ, пріѣхалъ въ Латрыгъ и тамъ въ одномъ семействѣ на хуторѣ, у мельницы, при собравшихся жителяхъ этого хутора, сталъ говорить проповѣдь, склоняя къ вступленію въ секту. Постепенно вдохновляясь, онъ, къ концу своей рѣчи, пришелъ въ такой азартъ, что сталъ увѣрять слушателей, что «Богъ одарилъ его такою силою св. Духа, что онъ можетъ воскрешать мертвыхъ». И вотъ, чтобы доказать это, онъ подбѣжалъ къ кровати спавшей 7-ми лѣтней дочери хозяина (дѣло было ночью) и ментально задушилъ ее. Мать ребенка даже не успѣла подбѣжать и оторвать фанатика отъ его жертвы. Всѣ слушатели онѣмѣли, пораженные ужасомъ. Фанатикъ же обратился къ мертвой дѣвчкѣ со словами: «дѣвочка, именемъ Бога, говорю тебѣ, встань!» Дѣвочка не встала... Фанатикъ сталъ вдвухъ ей въ ротъ и носъ воздухъ, приговаривая, въ подраженіе апостоламъ, слова, чтобы жертва его встала, но дѣвочка осталась мертвой. Плачъ и рыданіе несчастной матери были финаломъ дѣянія лже-чудотворца, котораго сельскія власти отправили въ тюрьму.

У всѣхъ описанныхъ больныхъ болѣзнь развивалась и протекала весьма типично, какъ обыкновенно протекаетъ тотъ видъ первичнаго помѣшательства, который извѣстенъ подъ именемъ *paranoia religiosa*. Послѣ продолжительнаго періода предвѣстниковъ, характеризовавшагося измѣненнымъ состояніемъ духа, волненіями, сомнѣніями и колебаніями, появлялись въ небольшомъ количествѣ зрительныя

и другія галлюцинаціи, которыя еще больше усиливали душевныя волненія и тревоги; затѣмъ наступало развитіе полной картины болѣзни, выражавшейся возбужденнымъ состояніемъ, радостью, просвѣтлѣніемъ, отсутствіемъ сомнѣній и появленіемъ парадоксальной логики, съ которою эти больные легко и неудержимо брались за рѣшеніе всѣхъ религіозныхъ и міровыхъ вопросовъ. Съ той же маниакальной самоувѣренностью, эти больные приступали къ дѣятельности, основанной на болѣзненныхъ идеяхъ.

Въ высокой степени интересно, что рядомъ съ этими вполне развитыми случаями первичнаго помѣшательства (*паранойи*), среди Малеванцевъ замѣчалось нѣкоторое число субъектовъ, у которыхъ существовали лишь предвѣстники психической болѣзни, состоящіе изъ необычныхъ душевныхъ воленій, или наоборотъ, замѣчалось крайне фанатическое состояніе, съ которымъ этого рода индивидуумы воспринимали и воплощали въ себѣ окружающее ихъ религіозное броженіе. Этихъ послѣднихъ съ перваго раза легко принять за простыхъ фанатиковъ, но болѣе подробное изслѣдованіе показало намъ, что у этихъ субъектовъ, рядомъ съ фанатизмомъ, замѣчались, нарушенный сонъ или бессонница, упадокъ питанія, возбужденное психическое состояніе, постоянный усиленный блескъ глазъ, увеличенное отдѣленіе слюны (заставляющее этихъ субъектовъ отплевываться), живыя, безпокойныя движенія, необычно громкій голосъ, размѣръ котораго, видимо, не контролируется человѣкомъ и наконецъ—иронія, злость и раздражительность характера, не свойственная имъ раньше. Всѣ эти особенности показываютъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ простымъ фанатизмомъ, но съ недоразвитыми, *амбулаторными* формами помѣшательства. Такое заключеніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ томъ, что эти прозелиты новой вѣры часто лишены всякихъ

слѣдовъ религіознаго духа; въ ихъ сердцахъ нѣтъ доброты, нѣтъ и признаковъ нравственнаго обновленія, даваемого новой религіей, не заключается терпимости и снисходительности; напротивъ, они проникнуты духомъ крайняго кощунства и враждебности къ своей прежней (православной) религіи, которую они готовы были бы попить и разрушить путемъ насилія, если бы тому не мѣшали внѣшнія условія.

Близко къ указанному типу стоитъ категорія субъектовъ, которые до вступленія въ Малеванскую секту отличались пьянствомъ, беспорядочной жизнью или грубостью, умственной ограниченностію и тупостью и которые, примкнувъ къ сектѣ, въ сущности мало измѣнили свой нравъ, но своей дѣятельностію лишь внесли въ секту элементъ грубости, упорства, фанатизма. По своему преступному характеру и наклонностямъ, эти лица оказывали крайне пагубное вліяніе на окружающее населеніе, склонное къ подражательности, благодаря истеріи и возбужденію, въ которомъ оно находилось. Столь же губительно субъекты этого рода дѣйствуютъ на дѣтей. Случалось, что подобные фанатики кощунственно и цинически относились къ священнымъ предметамъ или вѣрованьямъ и преданіямъ, напримѣръ, посылали дѣтей своихъ съ порціями мясной или вообще скоромной пищи на улицу въ страстную пятницу, чтобы скандализировать и оскорблять благочестивое воздержаніе православныхъ. Въ пріемахъ и дѣйствіяхъ этого рода людей замѣчается безцѣльный цинизмъ, ожесточеніе и демагогическая разнузданность, которую они проявляютъ въ дѣлѣ разрушенія унаслѣдованной религіи. Ближайшее ознакомленіе съ этими субъектами не оставляетъ сомнѣнія относительно свойствъ ихъ,—это не реформаторы въ области религіи и жизни,

а обыкновенные преступные люди, попавшіе въ струю религиознаго движенія.

Сводя во едино главнѣйшіе признаки сложнаго психопатическаго броженія, названнаго Малеванщиной, мы видимъ въ немъ слѣдующія составныя части: 1) *Эпидемическую истерію*, 2) *Параноическое помѣшательство*, 3) *Квізтизмъ*, 4) *Упадокъ питанія*. На долю истеріи приходится между Малеванцами наибольшее число субъектовъ, и уже одно это обстоятельство объясняетъ причину чрезвычайной склонности населенія къ подражанію и легкость, съ которою начавшееся броженіе воспринималось, усваивалось и развивалось. При такихъ условіяхъ вліяніе даже небольшого числа помѣшанныхъ могло оказывать неотразимое воздѣйствіе ¹⁾. Эти же условія дѣлаютъ понятнымъ тотъ, съ перваго взгляда, непонятный фактъ, что родоначальникомъ Малеванщины и ея распространителями явились помѣшанные, и что населеніе, охваченное истеріей, усвоило себѣ парадоксальное *параноическое* мышленіе и логику помѣшанныхъ, и въ силу этой болѣзненной логики стало разрѣшать основные вопросы жизни и религіи при помощи сравненій и пустой игры словъ. Бредъ и болѣзненная логика помѣшанныхъ явились образцомъ мудрости и подражанія для населенія, которое раньше обнаруживало здравую логику и здоровое мышленіе. Это объединеніе здоровыхъ съ помѣшанными на почвѣ болѣзненной логики является въ исторіи человѣческой мысли фактомъ глубоко-интереснымъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—загадочнымъ. То, что случилось на нашихъ глазахъ, случилось и раньше и, чтобы не приводить многихъ примѣровъ, сошлемся на фактъ, что нѣкоторыя дѣйствія Па-

¹⁾ Ср. *Dupain: Delire religieux*. Paris 1888 pag. 247.

рижской Коммуны 1871 года были плодомъ распоряженія помѣшанныхъ, которымъ толпа повиновалась слѣпо (L'aborde).

Сложность психологическаго броженія, составляющаго Малеванщину, предполагаетъ и сложность вызвавшихъ его причинъ.

Вѣроятно, что эти причины весьма разнообразны. Мы укажемъ нѣкоторыя изъ причинъ, представляющихся наиболѣе вѣроятными. Однѣ изъ нихъ относятся къ категоріи нравственныхъ, другія—физическихъ воздѣйствій.

А). Причины нравственныя.

1) Между нравственными причинами на первомъ планѣ должно быть поставлено возникновеніе и развитіе штундизма въ Юго-Западномъ краѣ и Южныхъ губерніяхъ. Появленіе штундистскихъ сектантовъ и ихъ проповѣдь вызвала во всемъ населеніи тяжелыя религіозныя сомнѣнія и нравственную борьбу, которая усиливалась неопредѣленнымъ и нерѣдко двусмысленнымъ положеніемъ властей въ отношеніи новой секты. Простой народъ, большей частью лишенный образованія, не признавалъ и не понималъ вѣротерпимости въ отношеніи штундистовъ. Повсюду, гдѣ намъ удалось наблюдать настроеніе массъ или собрать о немъ свѣдѣнія, обнаружилось, что развитіе штундизма и вѣротерпимость по отношенію къ нему представлялась народнымъ массамъ, какъ бѣдствіе, равносильное ниспроверженію вѣковой религіи. Нравственная борьба и религіозныя сомнѣнія наиболѣе отразились на самой чувствительной и самой нѣжной, въ психическомъ отношеніи, части населенія и болѣе всего содѣйствовали развитію *квіэтизма*, въ которомъ потрясенное религіозное сознаніе массъ находило себѣ нѣкоторое успокоеніе.

2) Второй нравственной причиной, вызвавшей Малеванщину, было, несомнѣнно, крайне одностороннее направление грамотности, состоящее въ томъ, что народная школа и народная литература сообщаетъ простому народу мало свѣдѣній, касающихся сельскаго хозяйства, внѣшней природы и тому подобныхъ близкихъ сельскому жителю предметовъ. Въ самомъ дѣлѣ простой народъ, не смотря на нѣкоторое распространѣніе въ средѣ его грамотности, лишень и въ настоящее время всякихъ полезныхъ, практическихъ свѣдѣній, относящихся до его быта и занятій. Вслѣдствіе этого возбужденное успѣхами времени вниманіе и любознательность народныхъ массъ сосредоточилось исключительно на трудныхъ религіозныхъ вопросахъ, и вся пытливость народнаго ума сконцентрировалась на религіи—послѣдствіемъ чего явилась односторонность, всегда опасная для человѣческаго духа.

3) Третьей нравственной причиной, оказавшей свое вліяніе на народное броженіе, является отсутствіе руководства народной жизнью со стороны культурныхъ классовъ общества, выразившееся въ отсутствіи народной литературы, въ слабомъ развитіи такихъ учреждений, которыми объединяется народная жизнь, и поддерживаются ея лучшія стороны, каковы, на примѣръ, общества трезвости, приходскія благотворительныя общества, приходскія попечительства и т. д.

При этомъ мы не касаемся обсужденія тѣхъ нравственныхъ мѣръ, которыя входятъ въ область религіозную или находятся въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода.

4) Четвертой причиной развитія Малеванщины было присутствіе и дѣятельность среди народныхъ массъ субъектовъ, страдающихъ помѣшательствомъ, особенно *параноиковъ* съ религіозной маніей. Вліяніе этого рода больныхъ на возникновеніе и усиленіе религіознаго броженія

намъ удалось наблюдать съ совершенной очевидностью. Смѣлость, самоувѣренность и маниакальный фанатизмъ этихъ больныхъ производили рѣшительное вліяніе на массы. Мы убѣдились въ этомъ, наблюдая вліяніе на крестьянскія массы такихъ больныхъ какъ Тод—ко и Коб—скій (исторіи болѣзней которыхъ приведены выше). Особенно сильно было вліяніе самого Малеванаго. Интересно въ этомъ отношеніи отмѣтить, что когда Малеванный, содержавшійся въ домѣ умалишенныхъ (въ Кіевѣ), былъ одно время отданъ роднымъ на попеченіе—броженіе массъ сразу усилилось¹⁾.

Б. Причины физическія.

Независимо отъ указанныхъ выше нравственныхъ причинъ, развитію Малеванщины, а также и другихъ видовъ религіознаго броженія, содѣйствовали причины физическаго порядка. Двѣ изъ нихъ наиболѣе очевидны: это во-первыхъ *Крымская война 1853—1856 года* и во вторыхъ усиливающееся *злоупотребленіе спиртными напитками*.

Войны, сами по себѣ и благодаря вызываемому ими вздорожанію жизненныхъ продуктовъ, отражаются неблагоприятнымъ образомъ на плодovitости населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ приводятъ къ рожденію болѣе слабосильнаго поколѣнія въ физическомъ и нервномъ отношеніи, что обнаруживается обыкновенно увеличеніемъ числа забракованныхъ по болѣзнямъ и недостаточному развитію при призывѣ на военную службу. Описываемое (1892 г.) поколѣніе, т. е. люди, имѣющіе возрастъ отъ 30 до 40 лѣтъ, являются именно субъектами, родившимися въ пер-

¹⁾ О вліяніи помѣшанныхъ на здоровыхъ см. подробнѣе I-ю книжку настоящаго Сборника стр. 252—254.

вое десятилѣтіе послѣ Крымской войны, а потому носятъ на себѣ нѣкоторый отпечатокъ неполнаго здоровья. Среди такого населенія психическая эпидемія могла найти для себя лучшую почву.

Злоупотребленію спиртными напитками необходимо приписать весьма существенную роль въ развитіи Малеванщины. Это подтверждается болѣе всего тѣмъ, что у Малеванцевъ всѣхъ возрастовъ и даже у дѣтей наблюдаются легко наступающіе и достигающіе значительныхъ размѣровъ приливы крови къ головѣ, едва только Малеванцы начинаютъ свои собранія. На этотъ фактъ было указано нами выше. Подобное разстройство кровообращенія не можетъ быть приписано ни *квіэтизму*, ни *истеріи*, и, по всей вѣроятности, составляетъ послѣдствіе употребленія спиртныхъ напитковъ нынѣ живущимъ поколѣніемъ и ближайшими его предшественниками. Весьма вѣроятно, что сама истерія, столь широко распространенная у Малеванцевъ, есть, въ значительной степени, послѣдствіе алкоголизма наслѣдственнаго и пріобрѣтеннаго. Вліяніе алкоголизма, какъ причины истеріи можно считать въ настоящее время научно-доказаннымъ фактомъ ¹⁾. Алкоголизмъ необходимо считать такимъ-же этиологическимъ моментомъ для развитія болѣе тяжелыхъ формъ истеріи, какимъ онъ является въ отношеніи развитія другихъ болѣзней и развитія преступленій.

Алкоголизмъ, по всей справедливости, долженъ быть признанъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ общественныхъ золъ, долженъ быть признанъ бѣдствіемъ, превосходя-

¹⁾ Ср. Guinon: Agents provocateurs de l'Hysterie. Paris 1889. pag. 163 176. Сравни также *Lanceraeux*: Alcoolisme et l'absinthisme hereditaires (См. въ *Neurolog. Coentralblatt* 1891. стр 476).

щимъ голодъ, эпидеміи, преступность. «Это непрекращающаяся эндемія», какъ справедливо замѣчаетъ Беръ¹⁾).

Гибельное дѣйствіе алкоголизма на физическое и нервно-психическое здоровье населенія въ настоящее время достаточно разъяснено въ наукѣ. Одинъ изъ самыхъ выдающихся специалистовъ по изученію алкоголизма — Беръ даетъ слѣдующую скалу ближайшихъ физическихъ послѣдствій алкоголизма: *усиленіе заболѣваемости въ населеніи, возрастаніе смертности, увеличеніе числа внезапныхъ смертей и самоубійствъ, сокращеніе средней продолжительности жизни.*

Официальные документы, именно отчеты Деп. Неокл. Сбор., содержатъ много данныхъ, указывающихъ на то, что алкоголизмъ принялъ въ трехъ губерніяхъ Юго-западнаго края размѣры, опасные для народнаго здоровья. Мы остановимся на главнѣйшихъ фактахъ, а именно: а) *количество употребляемыхъ спиртныхъ напитковъ*, б) *ихъ качество*, в) *ихъ доступности*, г) *періодъ ихъ наибольшаго употребленія.*

а) Изъ отчета д—та неок. сбор. усматриваемъ, что три губерніи Юго-Западнаго края принадлежатъ къ числу наименѣ трезвыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ занимаютъ первое послѣ Столичныхъ губерній мѣсто въ Россіи по количеству употребляемыхъ спиртныхъ напитковъ. Приводимая за 10 лѣтъ (1881—1891) цифра душевого потребленія спиртныхъ напитковъ показываетъ эту разницу:

¹⁾ Baer. Alcoholismus. Berlin 1878, стр. 316.

Районы:	Среднее за 10 лѣтъ:	
Губерніи столичныя . . .	. 0,74	} ведерь безводнаго спирта на одну душу въ годъ.
» юго-западныя . . .	. 0,37	
» южныя	. 0,33	
» малороссійскія	. 0,27	
» среднія промышленныя . .	. 0,28	
» черноземныя	. 0,25	
» сѣверо-западныя	. 0,25	
» прибалтійскія	. 0,25	
» Царства Польскаго	. 0,22	
» сѣверныя	. 0,20	
» восточныя	. 0,19	

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что смежныя съ Юго-западнымъ краемъ три малороссійскія губерніи (Полтавская, Черниговская, Харьковская), сходныя по этнографическому составу своего населенія съ губерніями Юго-западнаго края, тѣмъ не менѣе употребляютъ на 27% менѣе спиртныхъ напитковъ, нежели эти послѣднія. Отчеты Деп. Неокл. Сбор. по этому предмету содержатъ рядъ указаній на грустно-поучительныя факты. Такъ въ отчетѣ за 1884 годъ (стр. 68) содержится буквально слѣдующее: «даже оставляя въ сторонѣ губерніи столичныя, оказывается, что потребленіе вина въ губерніяхъ Юго-Западныхъ почти вдвое превышаетъ средній размѣръ потребленія въ губерніяхъ Царства Польскаго, Восточныхъ и Сѣверныхъ». Въ отчетѣ за 1887 годъ стр. 124 читаемъ: «даже оставляя въ сторонѣ губерніи столичныя, оказывается, что потребленіе вина въ губерніяхъ Юго-Западныхъ вдвое превышаетъ средній размѣръ потребленія въ губерніяхъ Восточныхъ».

Вредное вліяніе алкоголизма могло-бы въ извѣстной степени уравниваться улучшеннымъ питаніемъ насе-

ленія. Но, къ сожалѣнію это не имѣетъ мѣста, такъ какъ употребленіе спиртныхъ напитковъ возрастаетъ въ годы удовлетворительныхъ урожаевъ, какъ видно изъ Отч. Деп. Неокл. Сбор. ¹⁾).

До послѣдняго времени часто можно было слышать и читать успокоительныя увѣренія, будто употребленіе спиртныхъ напитковъ въ Россіи гораздо менѣе, нежели въ другихъ странахъ. Такого рода увѣренія несогласны съ фактами. Въ самомъ дѣлѣ, если исчислить душевое потребленіе спиртныхъ напитковъ въ видѣ вина и пива въ градусахъ безводнаго спирта, то получимъ для разныхъ странъ слѣдующее отношеніе, выраженное въ литрахъ:

Россія	4,7.
Соедин. Штаты	4,8.
Англія	7,2.
Франція	9,9.
Германія	11,4.

Это отношеніе, представляющееся съ перваго взгляда выгоднымъ для нашего отечества, сильно измѣняется, если принять во вниманіе, что, за границую, наибольшее количество спиртныхъ напитковъ употребляется въ видѣ *слабыхъ* растворовъ, именно въ видѣ вина и пива, содержащихъ относительно небольшое количество безводнаго спирта; въ Россіи же спиртъ употребляется въ видѣ *крѣпкихъ* растворовъ, т. е. въ видѣ водки. Между тѣмъ извѣстно, что явленія алкоголизма стоятъ въ прямомъ соотношеніи съ крѣпостью потребляемыхъ напитковъ, такъ что съ замѣной винъ и пива водками, вредъ увеличивается, хотя бы при этомъ потребляемое количество спирта

¹⁾ Ср. стр. 13 Отч. Деп. Неокл. Сбор. за 1887 г. и др.

оставалось тоже ¹⁾. Если, поэтому, мы составимъ таблицу, изображающую потребленіе спирта въ видѣ крѣпкихъ напитковъ, то получимъ слѣдующее соотношеніе:

Германія	7,14	} литровъ безводнаго спирта на одну душу въ годъ.
Россія (три губерніи Юго-Запад. края) .	4,6	
Соедин. Штаты	3,6	
Англія	2,4	
Франція	1,6	

Такимъ образомъ Россія занимаетъ второе мѣсто ²⁾ послѣ Германіи и первое мѣсто въ свѣтѣ* по исключительному употребленію однихъ крѣпкихъ напитковъ, именно водокъ. Въ видѣ пива въ Россіи потребляется спирта всего лишь около 0,1 литра на душу въ годъ.

б) Наиболѣе неблагопріятную сторону алкоголизма составляетъ употребленіе спиртныхъ напитковъ, содержащихъ вредныя примѣси, такъ называемыхъ, тяжелыхъ алко-голей (сивушнаго масла). Между тѣмъ, изъ отчета Деп. Неоклад. Сбор., видимъ, что водки вредныхъ качествъ изъ картофеля, и особенно изъ патоки, начинаютъ все болѣе и болѣе входить въ продажу: въ губерніяхъ Юго-Западнаго края количество спирта, получаемого изъ патоки, въ два раза больше, чѣмъ въ губерніяхъ малоросійскихъ и болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Россіи вмѣстѣ взятыхъ. Производство водокъ изъ патоки стало прибыльнымъ дѣломъ, и въ трехъ губерніяхъ Юго-Западнаго края производство водокъ изъ сахарныхъ остатковъ нанесло серьезный подрывъ и даже отчасти убило выра-

¹⁾ Ваг. Die Trunksucht Wien u. Leipzig 1890, pag. 65.

²⁾ Приведенные расчеты составлены на основаніи данныхъ, по-черпнутыхъ изъ отч. Деп. Неокл. Сбор. (для Россіи), и изъ книги Бера: *Baer, Der alcoholismus*. Berlin 1878, и изъ другой книги того же автора: *Die Trunksucht und ihre Abwehr*. Wien u. Leipzig 1890.

ботку спирта изъ зерновыхъ хлѣбовъ ¹⁾). Правда, спиртъ изъ сахарныхъ остатковъ предназначается главнымъ образомъ для вывоза за границу. Но, къ сожалѣнію, вывозъ за границу составляетъ лишь 13⁰/₀ производства, для Юго-Западнаго края около 19⁰/₀, остальное же количество напитковъ идетъ на внутреннее потребленіе. Такимъ образомъ, значительная часть весьма вредныхъ водокъ потребляется населеніемъ, и притомъ, главнымъ образомъ, населеніемъ сельскимъ, такъ какъ болѣе очищенные сорта водокъ идутъ въ продажу въ городахъ; въ деревняхъ же потребляется главнымъ образомъ неочищенная водка ²⁾).

Подробнѣйшее научное изслѣдованіе продажныхъ водокъ, произведенное въ гигиенической лабораторіи Университета св. Владиміра подъ руководствомъ проф. В. А. Субботина г-номъ Р. Румой ³⁾, показало, что только третья часть (38⁰/₀) водокъ годны къ употребленію, а двѣ трети (62⁰/₀) негодны, вслѣдствіе значительной примѣси въ нихъ ядовитыхъ спиртовъ. Большая часть продажныхъ водокъ неочищены и ядовиты. Наконецъ въ продажѣ есть и такія водки, которыя содержатъ въ себѣ болѣе ядовитыхъ примѣсей, чѣмъ совершенно неочищенная водка. Таковую сверхъестественную концентрацію примѣсей можно объяснить отгонкой части этиловаго спирта и поступленіемъ остатка въ продажу. Нѣтъ надобности что-либо прибавить къ сказанному! Образцы водокъ для изслѣдованія взяты Румой изъ разныхъ мѣстъ Россіи.

Употребленіе ядовитыхъ водокъ вызываетъ у насъ безпримѣрную смертность отъ пьянства. По официальной

¹⁾ Отъ Департ. Неокл. Сбор. за 1886 г. стр. 88.

²⁾ Прилож. къ Отъ Д-та Неокл. Сбор. за 1888 г. стр. 134.

³⁾ Рума. Опытъ гиг. изслѣд. продажи водокъ. Вѣст. Общ.

нымъ отчетамъ ¹⁾ за 1886 и 1887 годы пришлось на каждые 100 случаевъ внезапныхъ смертей—25 смертей отъ пьянства, въ Пруссіи же на 100 внезапныхъ смертей—5 отъ пьянства, въ Саксоніи на 100—6 отъ пьянства ²⁾).

в) Къ числу равнымъ образомъ неблагоприятныхъ условій должно быть отнесено обиліе числа мѣстъ раздробительной продажи вина. Въ губерніяхъ Юго-западнаго края такихъ мѣстъ на 25% болѣе, нежели въ губерніяхъ малороссійскихъ, при равномъ почти населеніи этихъ губерній. Если принять во вниманіе, что въ прежнее, по крайней мѣрѣ, время, почти вся раздробительная продажа находилась въ рукахъ евреевъ, станетъ вполне понятнымъ гибельное значеніе изобилія кабаковъ. Безъ сомнѣнія это изобиліе кабаковъ и вытекающее изъ него увеличеніе соблазна послужило исходной точкой усиленія пьянства въ губерніяхъ Юго-Западнаго края.

г) Къ условіямъ, крайне неблагоприятно дѣйствующимъ, должно быть отнесено обычное у насъ употребленіе спиртныхъ напитковъ въ праздничные дни по преимуществу. Въ физическомъ отношеніи это неблагоприятно потому, что день отдыха отъ физическаго труда совершенно теряетъ свое значеніе, такъ какъ организму приходится выдерживать борьбу съ ядомъ, оставляющимъ крупныя перемѣны въ организмѣ въ теченіе отъ 24 до 72 часовъ.

д) Наконецъ Отч. Департ. Неоклад. Сбор. содержатъ указанія относительно потребленія спиртныхъ напитковъ по временамъ года. Наибольшее потребленіе напитковъ въ Юго-Западныхъ и нѣкоторыхъ другихъ губер-

¹⁾ Сборникъ свѣд. по Россіи. 1890 г. стр. 15-я (изд. Центр. Стат. Ком.).

²⁾ Ваer Alcoholism стр. 247.

ніяхъ Россіи падаетъ на время, слѣдующее за окончаніемъ полевыхъ работъ, и затѣмъ на время Рождественскихъ праздниковъ; такъ что съ октября по январь потребленіе напитковъ значительно возрастаетъ. Между тѣмъ, изъ статистики рожденій видно ¹⁾, что на эти же мѣсяцы приходится наибольшее число зачатій и, слѣдовательно, наибольшая вѣроятность наслѣдственнаго вліянія алкоголя. Такимъ образомъ, *рожденіе дѣтей въ трехъ губерніяхъ Юго-Западнаго края поставлено въ худшія условія, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи въ виду указанной выше нетрезвости этихъ губерній.*

Со введеніемъ въ Юго-Западномъ краѣ казенной продажи вина въ 1897 г., вредныя условія указанна въ пунктахъ *б* и *в* устранены, но остальные условія продолжаютъ существовать. Во всякомъ случаѣ всѣ условія указанна въ пунктахъ—*а, б, в, г, д* оказали свое вліяніе на событія которыя мы описываемъ и которыя имѣли мѣсто въ 1892 году. Въ соединеніи съ недородомъ, бывшимъ около этого времени, возникли условія для валоваго упадка народнаго питанія и народнаго здоровья. Разстройствомъ здоровья вызвана эпидемическая истерія, со всѣми описанными выше послѣдствіями.

Значеніе условій, изложенныхъ въ пунктахъ *г* и *д*., на сколько намъ извѣстно, не было достаточно оцѣнено изслѣдователями, писавшими объ алкоголизмѣ. Между тѣмъ въ примѣненіи къ Россіи эти условія имѣютъ особенную силу. Кажется, мы не впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что алкоголизмъ въ Россіи несомнѣнно оказываетъ болѣе гибельное вліяніе на потомство, чѣмъ во всѣхъ другихъ странахъ Европы. Въ самомъ дѣлѣ,

¹⁾ Статистич. Временникъ Россійск. Имп. Сер. III вып. 8 стр. 64 65.

употребленіе спиртныхъ напитковъ у насъ не распредѣляется между всѣми членами семьи какъ на западѣ, а сосредоточено почти исключительно на мужчинахъ средняго возраста, т. е. въ періодъ дѣторожденія. При такихъ условіяхъ вредное вліяніе алкоголизма является крайне сконцентрированнымъ и потому имѣетъ всѣ шансы сдѣлаться зломъ наслѣдственнымъ, производящимъ вырожденіе. Несомнѣнно, что извѣстная доля громадной смертности дѣтей въ Россіи должна быть приписана вліянію алкоголя и его наслѣдственному дѣйствию. Подобное вліяніе алкоголя доказано для большей части странъ Европы. Данныя приведеоныя выше ¹⁾ наглядно подтверждаютъ тоже и для нашего отечества.

Объединяя всѣ приведенныя данныя, касательно потребленія спиртныхъ напитковъ, необходимо прійти къ заключенію, что алкоголизмъ несомнѣнно угрожаетъ населенію Юго-Западнаго края. Алкоголизму слѣдуетъ приписать безспорно дѣятельную роль въ подготовленіи и возбужденіи того броженія, которое дало Малеванщину. Въ условіяхъ, сходныхъ съ Юго-Западнымъ краемъ, находятся, по даннымъ Деп. Неоклад. Сбор., и южныя губерніи (Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, Ставропольская и Бессарабская). Быть можетъ, этимъ объясняются отчасти общія судьбы этихъ мѣстностей въ отношеніи народненія сектанства и появленія нервно-психической эпидеміи.

Весьма замѣчательно отношеніе населенія къ алкоголизму. Это отношеніе представляетъ нѣкоторыя особенности, которыя не должны быть пройдены мимо. Повсюду, гдѣ мы наблюдали лично сельское населеніе или получили о немъ свѣдѣнія, оказывается, что употребленіе

¹⁾ IV-я книга настоящаго „Сборника“ стр. 209 -- 215.

спиртныхъ напитковъ практикуется не въ формѣ умѣреннаго приѣма ихъ, распредѣленнаго равномерно по днямъ, но въ видѣ неумѣреннаго употребленія водки, въ особенности въ праздничные дни и слѣдующіе за ними. Самый частый видъ употребленія напитковъ—это *пьянство*, которое является со всѣми качествами порока и сопровождается ссорами, драками и безчинствомъ. При тѣснотѣ крестьянскаго жилья, гдѣ большею частью, въ одной избѣ помѣщается вся семья, картина опьяненія одного изъ взрослыхъ членовъ семьи протекаетъ на глазахъ всѣхъ, въ томъ числѣ дѣтей, которыя становятся невольными свидѣтелями всѣхъ проявленій фізіологическаго и нравственнаго безобразія. Эта непокрытая картина пьянства, внесенная въ самую глубь семейной жизни, производитъ глубоко-развращающее вліяніе на дѣтей.

Пьянство, являясь порокомъ, который влечетъ за собою бѣдность и безнравственность, возбуждаетъ противъ себя въ населеніи смутную, но глубокую реакцію. Стремленіе освободиться отъ вина замѣчается повсюду; и этому стремленію Южно-Русское сектантство въ значительной степени своими обязано успѣхами. Штундизмъ и Малеванщина сумѣли освободиться отъ язвы пьянства, и во многихъ случаяхъ этимъ они болѣе всего снискиваютъ себѣ прозелитовъ. Мы знаемъ примѣры, гдѣ жены являлись для своихъ мужей горячими проповѣдниками сектанства, руководясь при этомъ не идеей новой вѣры, но практическимъ сознаніемъ необходимости избавить своихъ мужей отъ пьянства. Но въ особенности характеренъ замѣченный нами повсюду фактъ, что сектанты не отдѣляютъ народныхъ пороковъ, особенно пьянства, отъ принадлежности къ Православной Церкви и вслѣдствіе того ставятъ въ вину Церкви ея воображаемую неспособность бороться съ пьянствомъ. Такимъ образомъ,

негодование, направленное собственно противъ пьянства, переносится на дѣлѣ и на православную Церковь. Поистинѣ, это самое печальное *aberratio delicti*, какое можетъ дать жизнь! Намъ случалось также слышать выраженіе глубоко-трагическаго колебанія и нравственной безпомощности у новыхъ сектантовъ: имъ казалось, что никто не могъ избавить ихъ отъ пьянства—ни Царь, ни духовенство—и что имъ не оставалось иного исхода, какъ перемѣнить вѣру. Требовалось полное раздѣленіе, полный окончательный разрывъ съ пьющими людьми. Такой тяжелой цѣной народъ ищетъ завоевать себѣ свободу отъ вина! Наконецъ крайне знаменательны и тѣ формулы, въ которыхъ сектанты выражаютъ свою защиту: мы не дѣлаемъ ничего дурного—*не пьемъ водки, не бьемъ своихъ женъ и т. д.* Въ послѣднихъ словахъ содержится сознательное указаніе на семейный разладъ, вызываемый пьянствомъ. Вообще можно сказать, что въ народѣ замѣчается рѣшительное теченіе, направленное къ искорененію пьянства. Не остается сомнѣнія въ томъ, что народное сознаніе начинаетъ понимать размѣры того неисчислимаго зла, какое наносится алкоголизмомъ здоровью и нравственности.

Въ заключеніе изложеннаго очерка мы не можемъ не указать на одну психологическую особенность въ настроеніи народныхъ массъ—особенность, которую можно охарактеризовать—какъ живое сознаніе нравственныхъ золь и чаяніе избавленія отъ нихъ. Народныя массы ждуть и жаждутъ духовнаго обновленія. Онѣ ищутъ Спасителя и ....находятъ его въ помѣшанномъ Кондратіѣ Малѣваномъ!

Нельзя не сказать, что Малеванщина есть вопль заболѣвшаго населенія и мольба объ освобожденіи отъ вина, мольба объ улучшеніи его образованія и санитарныхъ условій!

Значеніе опыта въ рѣшеніи учебнаго женскаго вопроса.¹⁾

Вопросъ объ улучшеніи положенія женщины, возникшій у насъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, принялъ съ самаго появленія своего чисто практическое направленіе. При этомъ, преимущественное вниманіе было обращено на педагогическую сторону вопроса,—на реформы въ женскомъ образованіи и въ устройствѣ нашихъ женскихъ школъ. Въмѣсто институтовъ, отличавшихся нѣскольکو одностороннимъ лингвистическихъ курсомъ, основаны были для женщинъ настоящія среднія учебныя заведенія съ полнымъ кругомъ общеобразовательныхъ предметовъ, на подобіе мужскихъ гимназій. Вѣдомство Императрицы Маріи и министерство народнаго Просвѣщенія, въ теченіе короткаго времени, сдѣлали очень много для женскаго образованія въ Россіи и вызвали справедливое удивленіе въ делегатахъ, присланныхъ французскимъ министромъ народнаго просвѣщенія, если не ошибаемся, въ 1874 году для ознакомленія съ состояніемъ у насъ женскихъ школъ. Но именно этого успѣха школы могли достигнуть у насъ только благодаря правительственной поддержкѣ.

¹⁾ Статья была напечатана въ газетѣ „Врачебныя Вѣдомости“ въ 1878 году № 211.

Правильно устроенныя женскія среднія школы дали уже немалый контингентъ женщинъ, получившихъ подготовку и серьезное стремленіе къ дальнѣйшему ученію, къ приобрѣтенію спеціальныхъ знаній и породили въ нашемъ обществѣ иввѣстное по своей неутомимости исканіе женщинами высшаго образованія. Это исканіе было естественнымъ послѣдствіемъ правильнаго устройства и успѣшной дѣятельности женскихъ гимназій, столь удивившихъ иностранцевъ.

Но, когда вопросъ о высшихъ женскихъ школахъ сталъ обсуждаться администраціей и печатью, онъ вызвалъ противъ себя консервативную оппозицію, которая проявилась въ нашемъ обществѣ въ той-же формѣ, какъ и у опередившихъ насъ народовъ Запада. Противъ допущенія женщинъ къ высшему образованію выставлялись главнѣйшимъ образомъ, слѣдующіе мотивы. Думали, что высшая школа и дѣятельность женщины въ области спеціальнаго умственнаго труда разстроитъ семейную жизнь, отрывая женщину отъ домашняго очага, а занятіе медициной можетъ, будто-бы, повліять отрицательнымъ образомъ и на нравственность женщины. Гораздо серьезнѣе были возраженія другаго рода. Утверждали, что женщина, по устройству своего тѣла и, въ частности, по устройству своего мозга, стоитъ ниже мужчины и неспособна къ высшему умственному труду; для подтвержденія этого ссылались на тотъ общеизвѣстный фактъ, что всѣ научныя открытія и новыя изобрѣтенія сдѣланы были, по преимуществу, мужчинами. Въ этихъ возраженіяхъ неоспоримъ только послѣдній выводъ. Но этотъ выводъ столь широкъ и общъ, что можетъ представлять только высокій теоретическій интересъ и смыслъ для біологіи, но лишенъ всякаго значенія для реальной жизни и дѣйствительности, и потому не могъ остановить у насъ

естественнаго развитія женскаго учебнаго вопроса, разъ для него заложена была глубокая основа въ правильной и широкой организаціи средняго образованія. Почти одновременно основаны были высшіе женскіе курсы—правительствомъ по наукамъ медицинскимъ въ С.-Петербургѣ, и—профессоромъ Герье въ Москвѣ, по наукамъ гуманитарнымъ и естествознанію.

Въ 1872 году, въ видѣ опыта, открыты были для женщинъ высшіе медицинскіе курсы при Императорской Медико-хирургической Академіи, подъ именемъ курса для образованія ученыхъ акушерокъ, которымъ предполагалось дать права лѣченія, по преимуществу, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней и сифилиса у женщинъ и дѣтей. Курсы были открыты на скромныя средства 50.000 руб., пожертвованныя на это благое начинаніе женщиною. Предположено было первоначально ограничить пріемъ 70-ю слушательницами; но такъ какъ число желающихъ поступить на курсы оказалось большее, и всѣми кандидатками было обнаружено серьезное умственное развитіе и вполне удовлетворительная подготовка, то высшая медицинская администрація рѣшила ходатайствовать о пріемѣ всѣхъ достойныхъ. Такимъ образомъ, на первый курсъ было принято 90 слушательницъ. Всѣ онѣ были дѣйствительно достойны серьезнаго начала, потому что большинство изъ нихъ, выйдя три, четыре, пять лѣтъ тому назадъ изъ гимназій, продолжали начатое тамъ образованіе и явились теперь на курсы не гимназистками, а болѣе зрѣлыми людьми, потрудившимися безъ школы и учителя на поприщѣ самообразованія. Это—фактъ весьма важный и его не должно упускать изъ виду при рѣшеніи судьбы женщинъ, посвятившихъ себя изученію медицины!

На первый курсъ вновь открытой высшей женской школы явились женщины со всѣхъ концовъ Россіи— женщины, большею частью, давно посвятившія себя умственному труду, давно ждавшія учрежденія у насъ высшей школы и тотчасъ обратившіяся къ медицинѣ, какъ только чрезъ нее открытъ былъ женщинѣ первый и единственный доступъ къ пріобрѣтенію специальныхъ научныхъ знаній, непосредственно приложимыхъ къ жизни.

Было-бы ошибочно думать, что всѣ эти женщины готовились издавна къ медицинѣ, въ чемъ нѣкоторые хотѣли видѣть своего рода недостатокъ и односторонность женщины. Вовсе нѣтъ: многія изъ женщинъ и по складу своего характера, и по своимъ умственнымъ наклонностямъ и, наконецъ, по роду своихъ предшествовавшихъ занятій были болѣе расположены изучать другія отрасли знаній. Много, напримѣръ, было между ними представительницъ педагогій, но всѣ онѣ теперь взялись за медицину, потому что другого выбора не было. Ихъ труды по медицинѣ оказались не въ ущербъ этой наукѣ, а прямо, какъ показываютъ результаты, на пользу ей; но, разумѣется, нельзя отрицать, что при такой не совсѣмъ нормальной постановкѣ дѣла много молодыхъ и полезныхъ умственныхъ силъ направилось, *volens-nolens*, не по тому пути, который, можетъ быть, болѣе соотвѣтствовалъ ихъ призванію.

Новое дѣло началось! Оно пошло сразу успѣшно, какъ старое, безъ толчковъ, безъ колебаній, безъ недоразумѣній; пошло, какъ дѣло, которое хорошо было обдуманно и явилось своевременно. Почва была достаточно подготовлена, и новое дѣло явилось истиннымъ знаменіемъ времени. Это не было такъ замѣтно для насъ, русскихъ, и не такъ поражало насъ, какъ поражало иностранцевъ. Большое вниманіе обратили на себя вновь

открытые женскіе курсы со стороны англичанъ, которыя прибыли въ Петербургъ въ 1874 году въ свитѣ герцога Эдинбургскаго. Въ особенности люди, принадлежавшіе къ этой свитѣ, были очень заинтересованы курсами, посѣщали лекціи и вникали во всѣ подробности новаго учебнаго дѣла, и въ то-же время знакомились съ типомъ русской женщины, въ которой англичанъ и англичанокъ поражали простота, естественность и скромность, рядомъ со всестороннимъ умственнымъ развитіемъ и научнымъ направлениемъ. Эти любознательные посѣтители были истинно удивлены тою практичностью и здравымъ смысломъ, съ которыми устроено новое, и для Европы, дѣло высшаго медицинскаго образованія женщинъ. Каждый шагъ ознакомленія иностранцевъ съ этимъ дѣломъ сопровождался неожиданностью и удивленіемъ. Когда въ столовой Великой Княгини Елены Павловны, гдѣ обыкновенно обѣдали слушательницы курсовъ, англичане нашли не мало лицъ, съ которыми могли подѣлиться своими впечатлѣніями на французскомъ и англійскомъ языкахъ,—то называли русскихъ женщинъ счастливыми, потому что онѣ имѣютъ уже такую высшую школу, о которой женщина въ западной Европѣ только еще мечтаетъ. Надо было видѣть этихъ молчаливыхъ и вовсе не экспансивныхъ обитательницъ и обитателей угрюмаго острова, чтобы судить о томъ впечатлѣніи, какое производило на нихъ ознакомленіе съ интеллигентной семьей, состоящей изъ слушательницъ и ихъ начальницъ,—этою русскою семьей, которая съ истинно-національною скромностью, среди большого города вполне изолировалась отъ внѣшняго міра и въ скромномъ уголкѣ одного изъ зданій Академіи начала свое медицинское образованіе и, въ то-же время, полагала первые камни въ основу традицій и практики первой женской медицинской школы въ нашемъ отече-

ствѣ. Практическій смыслъ англичанъ уже въ ту пору могъ оцѣнить важность и серьезность начинавшагося дѣла.

Въ открытіи женскихъ учебныхъ курсовъ едва-ли не самымъ важнымъ и плодотворнымъ нужно считать именно самый фактъ предоставленія женщинамъ доступа къ высшему образованію, какъ первый *опытъ*, сдѣланный у насъ въ этомъ направленіи. И во время открытія курсовъ, и даже спустя нѣкоторое время, по вопросу о высшемъ образованіи женщинъ существовали два противоположныя мнѣнія: одни видѣли въ этомъ пользу, другіе — вредъ. Но какъ приверженцы, такъ и противники женскаго образованія въ своихъ сужденіяхъ о немъ и о его послѣдствіяхъ исходили изъ чисто *теоретическихъ положеній*. Первый *опытъ*, предпринятый съ истинною мудростію и предусмотрительностію нашимъ правительствомъ обусловливался жизненною необходимостью, а не прихотью, не иллюзіями, не интересами отдѣльныхъ властью имущихъ лицъ. Въ продолженіе пятилѣтняго существованія женской медицинской школы, *опытъ* далъ не мало полезныхъ указаній для будущей практики женскаго учебнаго вопроса.

Многимъ казалось, что предоставленіе женщинѣ доступа въ сферу высшей науки, въ особенности медицинской, можетъ поколебать бракъ, семью, воспитаніе дѣтей, нравственность, основы домашняго очага и много другихъ основъ. *Опытъ* убѣдилъ, что открытіе женщинѣ доступа къ медицинѣ *было чисто учебнымъ вопросомъ, не больше*. Не смотря даже на неудобное для женщинъ помѣщеніе курсовъ въ мужской медицинской школѣ, трехлѣтняя практика показала, что разграниченіе необходимо исключительно только въ интересахъ улучшенія и расширенія учебныхъ средствъ. Нельзя найти аргумента въ пользу женщинъ и ихъ правъ на образованіе и обще-

ственную дѣятельность, который былъ-бы доказательнѣе этого краснорѣчиваго факта. Въ 1876 году основана была отдѣльная женская медицинская школа при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, съ расширеніемъ прежняго курса ученыхъ акушеровъ и преобразованіемъ его въ врачебные женскіе курсы. Указанія опыта, въ особенности-же, обнаруженные женщинами успѣхи въ изученіи медицины сдѣлали такое преобразованіе полезнымъ и необходимымъ.

Уже съ самаго начала существованія женскихъ врачебныхъ курсовъ обратило на себя вниманіе всѣхъ, въ томъ числѣ и преподавателей курсовъ, то обстоятельство, что женщины проявили въ изученіи медицины способности, вообще превышавшія тотъ средній уровень, котораго ждали отъ нихъ. Успѣхи женщинъ въ изученіи медицины превзошли ожиданія не только противниковъ, но даже приверженцевъ высшаго женскаго образованія. Отсюда, само собою, вытекала одна особенность, которой нельзя не придать важнаго значенія. Преподаватели курсовъ стали относиться съ гораздо большею строгостью и требовательностію къ знаніямъ женщинъ, чѣмъ это предполагалось возможнымъ на основаніи апріористическихъ понятій и установившихся воззрѣній на умственные способности женщинъ. Такимъ образомъ, сама собою—силою вещей, возникла, въ дѣлѣ веденія курсовъ, та педагогическая дисциплина, которая выгоднымъ образомъ отличаетъ женскіе врачебные курсы отъ мужскихъ. Постоянныя практическія упражненія, частыя репетиціи, демонстративныя занятія по отдѣламъ читаемыхъ лекцій составили существенное дополненіе профессорскихъ чтеній и выгодно отличили женскіе курсы отъ параллельныхъ мужскихъ, гдѣ эта вторая, по нашему мнѣнію, очень важная часть преподаванія получила не столь обширное,

строгое и систематическое развитіе. Благодаря этому обстоятельству, занятія женщинъ отличаются своевременностью и разносторонностію въ приобрѣтеніи знаній, что отзывается самымъ плодотворнымъ образомъ при переходѣ изъ одного курса въ другой и въ особенности при переходѣ отъ теоретическихъ предметовъ къ изученію клинической медицины.

Нельзя не задать вопроса, чѣмъ обусловлены успѣхи, обнаруженные женщинами въ изученіи медицины. Помимо указанной выше искусной педагогической организаціи дѣла преподаванія, немаловажную роль играла, вѣроятно, и строгость вступительныхъ испытаній, дававшая возможность допускать къ слушанію лекцій только дѣйствительно хорошо подготовленныхъ. Начальство курсовъ, въ виду постепеннаго возрастанія числа поступающихъ, значительно превышающаго предположенную въ началѣ норму, усиливало изъ года въ годъ строгость экзаменовъ и, наконецъ, ввело конкурсные экзамены (названные экзаменами соревнованія). Это не уменьшило числа желающихъ поступить, но повліяло на возвышеніе уровня ихъ знаній. На экзаменахъ соревнованія почти всѣми кандидатами были обнаружены точныя и обстоятельныя свѣдѣнія и хорошее умственное развитіе, и потому число получающихъ право поступленія на курсы необходимо было увеличивать изъ года въ годъ—въ силу естественной справедливости. Нельзя при этомъ не замѣтить, что число лицъ, неудовлетворявшихъ требованіямъ экзамена, весьма незначительно, въ сравненіи съ общимъ числомъ экзаменуемыхъ, и отношеніе это весьма выгодно отличается женщинъ. Многие, въ свое время, выражали мысль, что первыми пріемами на курсы будутъ исчерпаны всѣ болѣе или менѣе даровитыя женщины въ Россіи, давно готовившіяся къ высшему образованію, и что дальнѣйшіе

пріемы дадутъ уже обыкновенныхъ женщинъ, въ которыхъ скажется умственная несостоятельность въ дѣлѣ подготовки къ высшему образованію. На дѣлѣ вышло иначе. Изъ года въ годъ повышаемый уровень требуемыхъ на вступительномъ экзаменѣ знаній находитъ все большее и большее число женщинъ, подготовленныхъ до требуемой умственной высоты, необходимой для успешнаго изученія медицины.

Уже первые два—три года существованія женскихъ врачебныхъ курсовъ показали, что въ дѣлѣ *изученія медицины* женщины не отличаются отъ мужчинъ въ сторону невыгодную. Даже, напротивъ, выяснились нѣкоторыя особенности женскаго ума и характера, имѣющія немаловажное практическое значеніе. Съ первыхъ дней своихъ занятій, женщины проявили особый тактъ и приспособляемость въ дѣлѣ изученія естествознанія, обративъ большое вниманіе на практическое изученіе предметовъ и на постоянныя упражненія. Лабораторіи, препаровочныя, кабинеты были съ ранняго утра до поздней ночи буквально наполнены слушательницами, что тогда же обратило на себя вниманіе всѣхъ и о чемъ съ справедливымъ участіемъ заявлено было печатью въ замѣткахъ, касавшихся занятій слушательницъ. Это продолжалось и въ высшихъ курсахъ, при чемъ за свои усиленные занятія въ клиникахъ слушательницы, по свѣдѣніямъ, которыя намъ удалось собрать, заплатили большимъ, по сравненію со студентами, процентомъ заболѣванія инфекціонными болѣзнями, хотя, какъ извѣстно, женщина, не болѣе мужчины предрасположена къ этимъ болѣзнямъ. Наклонность къ практическому изученію медицины свидѣтельствуетъ о томъ, что тактъ и инстинктивная чуткость, свойственные женщинамъ, перенесены ею и въ школу и оказались очень выгодными качествами. Въ одномъ изъ номеровъ газеты

«Недѣля», въ концѣ 1876 года, авторомъ статьи о женскихъ курсахъ замѣчено было, что женщины-слушательницы рабски слѣдуютъ за своими преподавателями и въ своихъ постоянныхъ практическихъ занятіяхъ ищутъ подтвержденія слышанныхъ ими теоретическихъ чтеній. Въ такомъ направленіи занятій авторъ видитъ недостатки женщинъ и доказательство ихъ умственной ограниченности; сравнивая ихъ со студентами, онъ находитъ, что онѣ стоятъ ниже послѣднихъ по недостатку критицизма въ отношеніи къ профессорскимъ чтеніямъ. Но, безъ сомнѣнія, этотъ мнимый недостатокъ составляетъ истинное достоинство учащихъ женщинъ. Онѣ, дѣйствительно, не занимались критикой слушаемыхъ лекцій, а, напротивъ, старались ловить каждое слово профессора и ассистента, которое служило имъ руководящей нитью въ практическихъ занятіяхъ по лабораторіямъ и клиникамъ въ подавляющемъ трудѣ ознакомленія съ сырымъ научнымъ матеріаломъ. Неумоимость женщинъ и постоянное пребываніе ихъ среди учебнаго матеріала хорошо извѣстно преподавателямъ и ассистентамъ женскихъ курсовъ. Бойкость и дѣльность, какую женщины проявили въ занятіяхъ кликой, въ особенности же—въ распознаваніи болѣзней, спокойствіе, увѣренность, и ловкость въ хирургической техникѣ, —по истинѣ неожиданны.

Любопытны выяснившіяся въ дѣятельности учащихъ женщинъ и другія черты. Руководимыя тонкимъ женскимъ тактомъ, онѣ явились въ клиникахъ съ перваго же дня дѣятельными гуманистками: каждая изъ нихъ сдѣлалась для курируемаго больного фельдшерницей, сидѣлкой, сестрой милосердія словомъ, взяла на себя весь трудъ ухода за больнымъ. Въ особенности рѣзокъ былъ контрастъ между студентами и слушательницами при одновременныхъ параллельныхъ занятіяхъ въ клиникахъ Вил-

ліе въ 1875 году. Хирургическіе больныя, какъ женщины такъ и мужчины, рѣшительно предпочитали врачебный уходъ за ними слушательницъ, прославляя тщательность и добросовѣстность послѣднихъ. При такомъ отношеніи женщинъ къ живому научному матеріалу клиникъ, дѣло изученія клинической медицины пошло у нихъ успѣшно, и насъ не удивляетъ то обстоятельство, что женщины, въ изученіи практической медицины, достигли замѣчательной высоты и обнаружили, уже на школьной скамьѣ талантъ хорошихъ практическихъ врачей. Въ особенности нельзя пройти молчаньемъ искусства, съ которымъ слушательницы уясняютъ больному рядъ правилъ и предосторожностей и вообще популяризуютъ ему медицину. Мы думаемъ, поэтому, что женщинамъ, въ качествѣ санитарныхъ и земскихъ врачей, предстоитъ почтенная роль -- распространителей здравыхъ медицинскихъ и гигиеническихъ понятій въ обществѣ.

Многолѣтній опытъ существованія женскихъ врачебныхъ курсовъ далъ, такимъ образомъ, нѣсколько драгоценныхъ указаній, достойныхъ послужить основой не только для теоретическихъ заключеній о способностяхъ женщины, но и для практики женскаго учебнаго дѣла, а равно и для рѣшенія вопроса о правахъ женщины, получившей образованіе. Этотъ опытъ убѣдилъ насъ, что 500 женщинъ, большею частію молодыхъ и недостаточныхъ, собравшихся со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества въ Петербургъ для изученія медицины, борясь съ нуждой и лишеніями, показали, что особенность душевной организаціи женщины, особый складъ ея ума и характера представляютъ весьма выгодныя, и даже незамѣнимыя, качества для врачебнаго дѣятеля и, наконецъ, убѣдили во-очію, что въ рѣшеніи женскаго учебнаго вопроса и въ рѣшеніи вопроса о правахъ женщины на общественную дѣятель-

ность дѣло идетъ только лишь о допущеніи на арену человѣческаго труда лишнихъ работниковъ,—скромныхъ, но обладающихъ такими особенными, выгодными качествами, которыхъ, помимо ихъ, нигдѣ не найти.

Пожелаемъ, чтобы русской женщинѣ дано было право приложить эти особенныя, драгоцѣнныя качества къ облегченію страданій больного чловѣка на всѣхъ путяхъ врачебной дѣятельности.

Простѣйшіе акты познанія и вниманія.¹⁾

(Психофизическое и клиническое изслѣдованіе).

Подъ именемъ простѣйшихъ актовъ познанія и вниманія мы будемъ разумѣть *процессы поступленія внѣшнихъ раздраженій въ глубь нервныхъ центровъ и ближайшую ихъ судьбу тамъ*. Наше изслѣдованіе будетъ касаться преимущественно внѣшней, физической стороны явленій; притомъ главное вниманіе будетъ обращено на центральные аппараты, назначенные для воспріятія воздѣйствій внѣшняго міра, и на самый способъ воспріятія и переработки воспріятого. Всю сумму аппаратовъ, воспринимающихъ и перерабатывающихъ впечатлѣнія,—будемъ называть для краткости *познавательными приборами*, а ихъ соединенія и связи *познавательными путями*, или *путями познанія*.

Пути познанія и познавательные приборы устроены неодинаково. Въ разнообразіи ихъ строенія сказались не только практическія надобности, но и самый историческій ходъ развитія животной жизни. Съ постепеннымъ развитіемъ жизни, съ расширеніемъ приспособленія организмовъ къ окружающимъ условіямъ возникали и обособлялись новые нервные центры, но старые не уничтожались, а лишь видоизмѣнялись. Такимъ образомъ получилась

¹⁾ Изъ журнала „Вопросы Нервно-Психич. Медицины“ томъ II, 1897 г.

сложная и весьма запутанная въ архитектурномъ смыслѣ постройка.

Въ виду сложности и большой трудности вопроса о физиологическомъ устройствѣ *путей познанія*, для, сколь возможно, удовлетворительнаго рѣшенія его необходимо пользоваться данными, добытыми различными способами. Способы эти, большею частью, установленные другими наблюдателями, отчасти примѣненные къ дѣлу впервые въ предлагаемомъ трудѣ, могутъ быть подведены подъ слѣдующія шесть категорій.

1) Способъ *эмбриологическій*, открытый и широко разработанный Флехсигомъ, примѣненъ этимъ авторомъ въ послѣднее время къ изслѣдованію и психическихъ путей.

2) Способъ *физиологическій или экспериментальный* примѣнимъ къ изслѣдованіямъ на животныхъ, у человѣка же онъ вполнѣ замѣняется:

3) *Способомъ клиническимъ*. Этотъ способъ въ послѣднее время примѣненъ Флехсигомъ съ блестящимъ успѣхомъ къ разясненію основныхъ психологическихъ и психіатрическихъ фактовъ. Способу этому предстоитъ несомнѣнно великая будущность.

4) Способъ *фотографическаго и художественнаго изслѣдованія*. Способомъ этимъ авторъ настоящей работы широко пользовался и пришелъ къ убѣжденію, что приѣмъ этотъ имѣетъ безспорныя достоинства въ дѣлѣ психологическаго изслѣдованія. Фотографіи, особенно мгновенныя, а также рядъ послѣдовательныхъ снимковъ даютъ прежде всего богатый и разнообразный матеріалъ въ руки изслѣдователя, и въ этомъ отношеніи онѣ имѣютъ такое же значеніе, какъ клиническія данныя. Кромѣ того фотографія даетъ *матеріалъ остающійся*, которымъ можно воспользоваться *впослѣдствіи*; съ этой стороны онѣ равно-

значны съ анатомическими препаратами. Въ свою очередь художественныя произведенія, представляя собою плодъ тонкой наблюдательности художника, имѣютъ высокое значеніе, какъ коллекціи образцовъ или психологическихъ документовъ, которые открыты, показаны всѣмъ и разъяснены талантливымъ наблюдателемъ, геніальнымъ комментаторомъ. Несравненную цѣнность имѣютъ произведенія этихъ великихъ мастеровъ, которые, опередивъ человечество на многія столѣтія, даютъ въ руки послѣдующихъ поколѣній результаты дѣятельности своихъ необыкновенныхъ нервныхъ аппаратовъ.

5) Способъ *фармакологическій*. Онъ состоитъ въ наблюденіи явленій возбужденія и выпаденія отдѣльных психическихъ актовъ подъ вліяніемъ ядовъ. При современномъ состояніи фізіологіи и фармакологіи, токсикологическіе, клиническіе и терапевтическіе факты могутъ быть приняты за основаніе для раздѣленія и расчисленія сложныхъ нервно-психическихъ актовъ и для фізіологическаго дифференцированія ихъ, подобно тому какъ красящія вещества дифференцируютъ ткани для анатомическаго изслѣдованія. Даннымъ фармакологическаго изслѣдованія принадлежитъ, по мнѣнію автора, немаловажная будущность въ дѣлѣ изученія психологіи.

6) Способъ *экспериментальной психологіи* состоитъ въ разрѣшеніи спеціально поставленныхъ вопросовъ прямыхъ наблюденіемъ надъ живымъ человекомъ при помощи различныхъ вспомогательныхъ средствъ и приѣмовъ.

По сложности психологическихъ задачъ разрѣшеніе ихъ достигается удобнѣе при помощи нѣсколькихъ способовъ. Такою попытку представляетъ настоящая работа въ примѣненіи къ вопросу о путяхъ познанія и о протекающихъ по нимъ простѣйшихъ актахъ *воспріятія и вниманія*.

Познавательные процессы могут быть раздѣлены на два крупные отдѣла: 1) познаніе *предсознательное*, протоплазматическое, *органическое* и 2) познаніе *сознательное*¹⁾. Обыкновенно только послѣднее было предметомъ психологій, а первое относилось къ физиологій или чаще оставалось внѣ той и другой области; но въ послѣднее время психологи (Вундтъ, Гефдингъ, Рибо) начали придавать психологическое значеніе и предсознательному отдѣлу познанія. Вопроса о соотношеніи того и другаго вида познанія мы еще коснемся впоследствии.

Сознательные процессы познанія то могутъ оставаться *безсознательными* (и таковыми они бываютъ по большей части, нѣкоторые всегда), то могутъ становиться сознательными; о первыхъ говорятъ въ психологій, что они стоятъ ниже порога сознанія, о вторыхъ—что они выше порога.

Психическіе акты, лежащіе выше порога сознанія, могутъ быть воспринимаемы съ особою ясностью и отчетливостью. Такой видъ воспріятія называютъ *вниманіемъ*, а всякій отдѣльный актъ вниманія носить наименованіе *атперцепціи* (Вундтъ) въ отличіе отъ обыкновеннаго воспріятія или *перцепціи* (несопровождаемой вниманіемъ). Мы будемъ разсматривать процессы познанія въ самомъ широкомъ смыслѣ и считаемъ удобнымъ, по сложности и по біологическому времени возникновенія, всѣ познавательные приборы раздѣлить на три отдѣла, а именно:

- I. Первобытные и простѣйшіе приборы (предсознательнаго познанія).
- II. Усовершенствованные—спеціальные приборы (сознательнаго познанія).
- III. Высшіе—совершеннѣйшіе приборы познанія.

¹⁾ Термины эти мы заимствуемъ у Ribot. La psychologie des sentiments. Paris, 1896. pag. 3.

Рис. 1-й таблицы изображает мозг миноги.

Рис. 2-й изображает схему прогрессивнаго развитія мозга въ восходящемъ ряду животнаго царства. Какъ показываетъ рисунокъ, развитіе и усовершенствованіе мозга происходитъ на счетъ прибавленія массы *большого мозга*, при относительномъ сохраненіи величины другихъ частей мозга, въ особенности т. наз. мозговыхъ узловъ (б, в, г, д) на рис. 2-мъ. Если сравнимъ рис. 1-й и 2-й, то станетъ ясною идея, какая проходитъ красной нитью въ строеніи мозга различныхъ животныхъ. На рис. 1-мъ изображенъ мозгъ миноги. У миноги еще нѣтъ большого мозга, есть только мозговые узлы, и этимъ все ограничивается. Если мы теперь, исходя отъ миноги, рассмотримъ другихъ рыбъ, а потомъ амфибій, птицъ и т. д. до человѣка, то увидимъ, что большой мозгъ у человѣка уже столь значителенъ, что прикрываетъ собою сполна всѣ мозговые узлы, какъ нагруженная копна сѣна прикрываетъ телѣгу. Если теперь, исходя отъ той же миноги, мы направимся въ обратную сторону и рассмотримъ нервныя системы въ нисходящемъ ряду животныхъ, то окажется, что большіе узлы постепенно отпадаютъ, начиная отъ переднихъ т. е. исчезаютъ а, б, в, г, и наконецъ мы дойдемъ до такихъ животныхъ, у которыхъ нѣтъ другихъ частей мозга кромѣ тѣхъ, которыя на нашемъ рисункѣ заштрихованы въ черный цвѣтъ (д). Это и есть то, что мы назвали *первобытнымъ мозгомъ*. Если мы пойдемъ еще дальше въ нисходящемъ порядкѣ животнаго царства, то встрѣтимъ животныхъ, у которыхъ нервная система уже не собрана въ узлы, или центры, а разбросана по всему тѣлу животнаго (черви). Еще ниже—животныя уже вовсе не имѣютъ нервной системы (инфузоріи и т. д.).

Рис. 3-й представляетъ большой мозгъ человѣка съ показаніемъ на немъ главнѣйшихъ центровъ. Снизу виденъ густо заштрихованный первобытный мозгъ, книзу отъ него—спинной мозгъ,верху—мозговой стволъ и большіе узлы, не видны, такъ какъ прикрыты массой большого мозга), а еще выше—грандіозное зданіе большого мозга. Тѣ части большого мозга, которыя окрашены въ красный цвѣтъ, назначены для воспріятія внѣшняго міра. Это—*центры чувствованія* или *усовершенствованнаго познанія*; части-же, окрашенныя въ коричневый цвѣтъ, предназначены для *высшаго познанія* (мыслительные центры). Подраздѣленія тѣхъ и другихъ видны изъ надписей на рисункѣ.

Рис. 1.

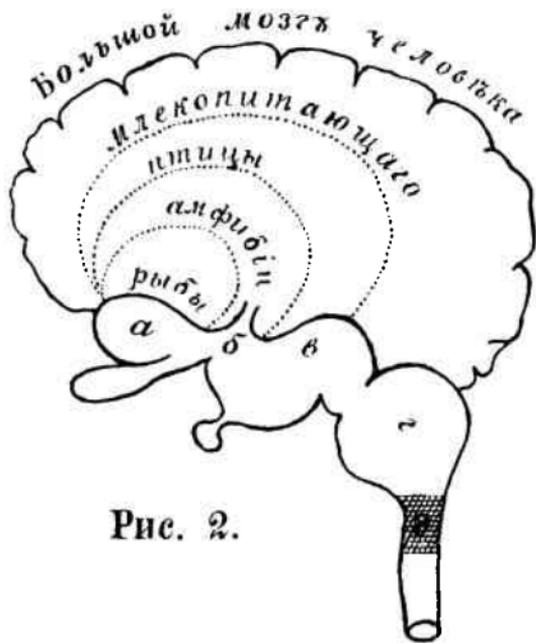
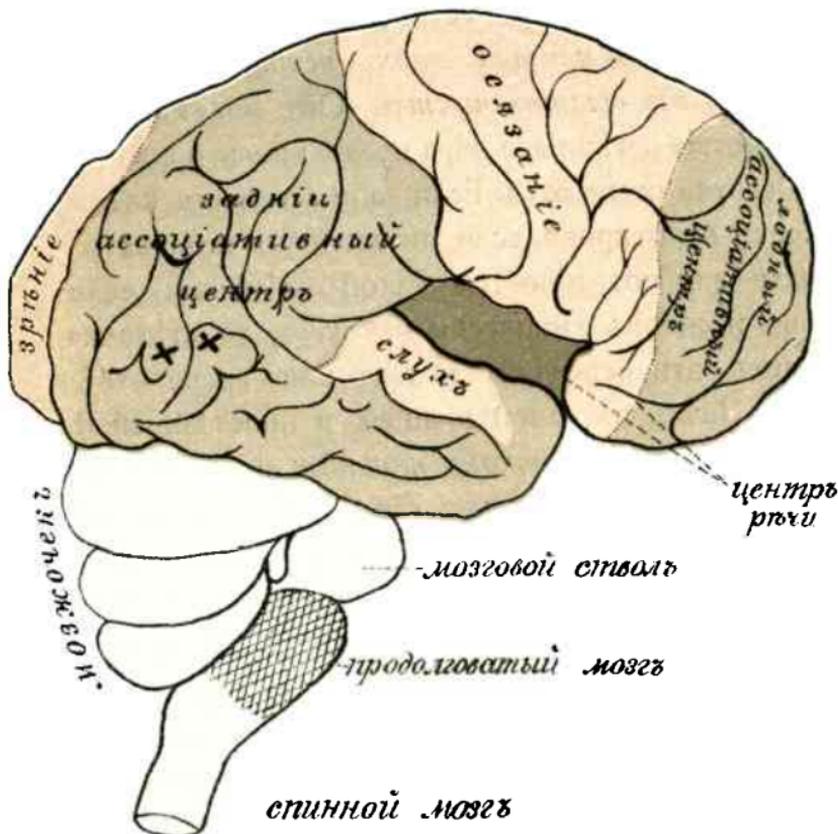

Рис. 2.

Рис. 3.

I. Первобытные аппараты познания.

Если изслѣдовать нервныя системы въ восходящемъ ряду животнаго царства, начиная съ низшихъ животныхъ формъ, то можно встрѣтить такіе образцы, гдѣ нервная система еще не сгруппирована въ узлы и центры и не внесена внутрь тѣла, а находится на поверхности или въ видѣ разсѣянныхъ клѣтокъ, внутри тѣла животнаго. Нервная система такого типа еще мало расчленена на центральную и периферическую, въ ней еще невозможно различить центры органовъ чувствъ. Нервныя клѣточки въ такой нервной системѣ воспринимаютъ воздѣйствіе внѣшняго міра всею своею поверхностью. Въ организмѣ высшихъ животныхъ и человѣка сохранились участки нервной системы, которые устроены по этому простѣйшему типу. Нервныя *клетки этихъ центровъ не соединены ни съ однимъ изъ органовъ чувствъ*. Онѣ могутъ воспринимать воздѣйствія внѣшняго міра чрезъ кровь и соки, которыми эти клѣтки омываются. Если напр. къ этимъ клѣткамъ притекаетъ мало крови, если питательныя жидкости недостаточны для потребностей такой клѣточки, если составъ крови и соковъ химически *измѣненъ*, то клѣточка воспринимаетъ эти перемѣны и такъ или иначе отвѣчаетъ на нихъ. Здѣсь въ самой низшей и простѣйшей формѣ мы встрѣчаемся съ *зачатками познания*: нервная клѣточка познаетъ *химическій составъ соковъ*. Если соки вредны для жизни клѣточки, она приходитъ въ сильное возбужденіе. Подобнымъ же образомъ дѣйствуетъ на клѣточку *недостатокъ* питательныхъ соковъ. Участки нервной системы описаннаго типа находятся въ продолговатомъ мозгу. Этотъ фактъ былъ извѣстенъ давно, но въ послѣднее время Флехсигу удалось точно опредѣлить анатомическое

мѣсто и границы этого первобытнаго, но весьма важнаго для жизни участка ¹⁾).

По изслѣдованіямъ Флехсига главную составную часть этого простѣйшаго познавательнаго аппарата составляютъ *большія клетки стѣвиднаго образованія въ продолговатомъ мозгу* (Formatio reticularris med. oblongatae). Осевцилиндрическіе отростки этихъ клѣтокъ переходятъ въ *основныя пучки переднихъ столбовъ* спинного мозга и составляютъ ихъ *центробѣжный путь* (т. е. исполнительный органъ у этихъ клѣточекъ).

Въ описанномъ участкѣ мозга расположены самыя важныя для жизни нервныя приборы и между ними на первомъ планѣ дыхательный центръ.

По изслѣдованіямъ Флехсига этотъ участокъ мозга развивается раньше всѣхъ другихъ участковъ нервной системы и способенъ къ дѣйствию уже въ то время, когда не только головной мозгъ, но даже и задніе корешки спинного мозга еще не развиты (не обложены мѣлиномъ) и слѣдовательно не способны къ отправленіямъ. Такое раннее развитіе указываетъ также на біологическую давность и первобытность устройства разсматриваемой части мозга. Разрушеніе продолговатаго мозга, а вмѣстѣ и описаннаго участка, безусловно смертельно, между тѣмъ разрушеніе головного и спинного мозга не вызываетъ смерти неминуемо.

Опыты, соотвѣтствующіе этой общей формулѣ, выясняютъ значеніе первобытныхъ органовъ нервной системы. Классическіе опыты такого рода были произведены, получившимъ въ этомъ отношеніи извѣстность, профессоромъ Гольцемъ. Гольцъ производилъ многочисленныя

---

¹⁾ Flehsig. Localisation der geistigen Vorgänge. Leipzig. 1896. pag. 45.

опыты удаленія полушарій большого мозга у собакъ, и такія *безмозглыя* собаки были неоднократно показываемы на медицинскихъ сѣздахъ. Самой знаменитой въ этомъ отношеніи была собака, которой Гольцъ 27 Іюня и 13 Ноября 1889 года вырѣзалъ все лѣвое полушаріе, а 17 Іюня 1890 года удалилъ правое полушаріе, послѣ чего собака оправилась, жила, была подробно наблюдаема со стороны нервно-психическихъ явленій, и затѣмъ была убита 31 Декабря 1891 года, проживши полтора года безъ обоихъ полушарій головного мозга. Вскрытіе мозга показало, что на правомъ полушаріи оставалась весьма незначительная часть височной дольки, именно такъ наз. клюва (*uncus*); всѣ же остальные части большихъ полушарій отсутствовали. Большіе мозговые узлы (*Corp. striat.* и *thal. opt.*) были значительно атрофированы и размягчены; переднее четверохолміе и заднее четверохолміе слѣва также атрофированы и уменьшены въ объемѣ.

Въ послѣднее время Гольцъ совмѣстно съ Эвальдомъ (*Ewald*) произвелъ опытъ съ другого конца: онъ укорачивалъ спинной мозгъ, именно вырѣзалъ отдѣльные участки его или удалялъ сплошь весь мозгъ до четвертаго шейнаго позвонка, т. е. до той части, гдѣ начинаются дыхательные аппараты, и удаленіе которыхъ вызываетъ смерть.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію явленій, наблюдавшихся на животныхъ, которымъ былъ удаленъ большой мозгъ, мы остановимся еще на нѣкоторыхъ чертахъ, характеризующихъ первобытную часть мозга. Изъ фармакологическихъ наблюденій выяснилось, что, въ отношеніи дѣйствія ядовъ, продолговатый мозгъ занимаетъ особое положеніе. Хорошо извѣстная многочисленная группа средствъ, такъ называемыхъ нервно-мышечныхъ ядовъ (*Schmiedeberg*), оказывающихъ болѣе или менѣе сильное

дѣйствию на головной мозгъ, на спинной мозгъ, даже на нервныя окончанія,—весьма мало дѣйствуютъ на продолговатый мозгъ (спирты, алкалоиды). Въ этомъ отношеніи продолговатый мозгъ рѣзко выдѣляется изъ всей нервной системы. Какъ на обычный примѣръ такой разницы между центрами можно указать на дѣйствию хлороформа: въ то время, когда дѣятельность сначала головного, а затѣмъ и спинного мозга вполнѣ парализована хлороформомъ—продолговатый мозгъ еще продолжаетъ работать правильно, лишь дальнѣйшія дозы яда могутъ, наконецъ, вызывать параличъ и продолговатаго мозга.

Особенности нервныхъ клѣточекъ продолговатаго мозга обнаруживаются, между прочимъ, въ томъ фактѣ, что на нихъ оказываютъ дѣйствию такъ называемые *протоплазматическіе яды* (средства пиридиноваго ряда, ароматическаго ряда и токсины), т. е. тѣ средства, которыя оказываютъ губительное дѣйствию на самые основные элементы жизни, въ томъ числѣ на низшіе организмы и на безцвѣтные кровяные шарики. Присутствіе этихъ ядовъ, особенно токсиновъ, въ крови обыкновенно возбуждаетъ рвотныя центры и служитъ нерѣдко самымъ раннимъ діагностическимъ признакомъ начинающейся тяжелой болѣзни инфекціоннаго характера (острые сыпи). Фактъ этотъ указываетъ на тонкую познавательную способность первобытнаго участка мозга.

Повторимъ вкратцѣ все сказанное о первобытномъ участкѣ мозга. *Нейроны этого участка отличаются* отъ всѣхъ частей нервной системы своимъ особымъ отношеніемъ къ токсинамъ и другимъ ядовитымъ средствамъ, убивающимъ основные элементы жизни. Вторая особенность ихъ состоитъ въ необыкновенно раннемъ развитіи. Третья особенность состоитъ въ томъ, что они не соединены съ органами чувствъ и возбуждаются къ дѣй-

ствію автоматически, а не рефлекторно ¹⁾. Наконецъ послѣдняя ихъ особенность состоитъ въ томъ, что они безусловно необходимы для жизни, и съ умираніемъ ихъ прекращается жизнь всего организма. Охарактеризованную такимъ образомъ группу клѣтокъ можно съ полнымъ правомъ назвать первобытнымъ центромъ жизни.

Мы остановились съ такой подробностью на описаніи первобытнаго участка мозга не столько въ виду его важности для жизни, но болѣе всего въ виду того высокаго значенія, какое онъ имѣетъ, являясь *однимъ изъ основныхъ корней, на которыхъ выростаетъ психическая жизнь, и въ которыхъ начинается познаніе внѣшняго міра.*

Первобытный участокъ мозга можетъ быть съ полнымъ правомъ названъ *органомъ химическаго и механическаго познанія внѣшняго міра.* Онъ опредѣляетъ количество и качество составныхъ частей крови и соковъ, которыми омываются его нейроны.

Двигательныя реакціи первобытнаго участка мозга могутъ имѣть двойкій характеръ, а именно: онѣ то 1) передаются на опредѣленные участки и вызываютъ болѣе и менѣе стройныя движенія, то 2) разливаются беспорядочно по многимъ путямъ. Перваго рода реакція даетъ цѣлесообразныя движенія, вторая нецѣлесообразныя движенія или менѣе цѣлесообразныя. Послѣднее составляетъ

---

¹⁾ Ко многимъ клѣткамъ этой части мозга въ послѣдствіи подходятъ периферическіе приводы изъ различныхъ участковъ тѣла, и тогда эти клѣтки получаютъ возможность приходить въ возбужденіе двойкимъ образомъ: непосредственно составомъ окружающихъ соковъ и чрезъ периферическіе приборы; примѣромъ можетъ служить рвотный центръ—его клѣтки возбуждаются измѣненнымъ составомъ крови, но приходятъ также въ возбужденіе при раздраженіи периферическихъ нервовъ (желудка, брюшины и пр.).

зачаточную форму *чувства и аффекта*. У низшихъ животныхъ подобнаго раздѣленія двигательныхъ реакцій не замѣчается. Всякое раздраженіе вызываетъ простое перемѣщеніе животнаго въ омывающей его средѣ,—чѣмъ обезпечивается за разъ и возможность удаленія отъ неблагопріятныхъ условій и средства найти болѣе питательную и болѣе благопріятную среду.

Такова общая картина строенія и дѣятельности первобытнаго участка мозга даже у высшихъ животныхъ. Въ своей простѣйшей формѣ нервная система этого типа существуетъ у низшихъ животныхъ, но самостоятельность ея обнаруживается особенно ясно въ томъ фактѣ, что, какъ показали изслѣдованія Флехсига, *первобытный участокъ мозга выступаетъ вполне обособленнымъ* у человѣческаго зародыша въ извѣстный періодъ утробной жизни. Затѣмъ при дальнѣйшемъ развитіи этотъ участокъ нервной системы усложняется *присоединеніемъ къ нему центростремительныхъ приводовъ изъ различныхъ областей тѣла*. Измѣненный и устроенный такимъ образомъ нервный приборъ приходитъ въ дѣятельность двоякимъ путемъ: однѣ изъ клѣтокъ его *возбуждаются центрально и работаютъ автоматически*, напр. дыхательный центръ, другія—*получаютъ возбужденіе съ периферіи и работаютъ рефлекторно*; наконецъ, нѣкоторыя изъ клѣтокъ способны придти въ возбужденіе и тѣмъ и другимъ путемъ (Флехсигъ ¹⁾) Примѣромъ послѣднихъ можетъ служить рвотный центръ (сравни выше стр. 126). Описанный участокъ мозга можетъ быть разсматриваемъ, какъ центральный узелъ, какъ средоточіе жизни; вся же остальная нервная система является прибавкой или надстройкой. Такой взглядъ

¹⁾ Flehsig. Localisation der geist. Vorgänge. Leipzig, 1896, pag. 45.

оправдывается какъ исторіей развитія нервной системы у зародыша такъ равно и эволюціей нервныхъ системъ въ восходящемъ ряду животнаго царства. Наблюдая развитіе нервныхъ системъ въ восходящемъ ряду животнаго царства, мы можемъ убѣдиться, что стволовая часть головного мозга является первой надстройкой къ первобытному участку мозга. Съ появленіемъ мозгового ствола нервная система получаетъ въ самыхъ простѣйшихъ и существенныхъ чертахъ свои дальнѣйшіе познавательные приборы. Въ стволовую ткань мозга приносятся раздраженія отъ высшихъ органовъ чувствъ (глаза, уха, обонянія и т. п.) и находятъ здѣсь свою первую центральную станцію. Нервные приборы стволовой части мозга объединяются посредствомъ межцентральныхъ связей съ первобытнымъ участкомъ нервной системы въ одно цѣлое. Какъ дѣйствуетъ это цѣлое? Отвѣтомъ на это служатъ замѣчательныя, полторагодовыя наблюденія Гольца надъ жизнью собаки, у которой былъ удаленъ большой мозгъ, и осталась стволовая часть мозга и то не сполна¹⁾.

Мы укажемъ на существенные факты, добытые опытами Гольца²⁾. У знаменитой собаки *первобытныя и простѣйшіе нервные приборы* оставались безъ существеннаго ущерба и обнаруживали дѣятельность, въ существенныхъ чертахъ не отличавшуюся отъ дѣятельности нормальной. Животное *познавало голодъ и жажду*, т. е. опредѣляло недостатокъ плотныхъ и жидкихъ частей крови; оно чув-

¹⁾ Наблюденія Гольца недостаточно оцѣнены въ литературѣ, а равно и на медицинскихъ сѣздахъ, гдѣ была показана знаменитая собака. Вниманіе критиковъ было обращено главнымъ образомъ на неразрѣшимый вопросъ о пограничной или переходной чертѣ между нервными и психическими явленіями. Истинную научную оцѣнку Гольца находимъ впервые въ послѣднихъ работахъ Флихсига.

²⁾ Golz. Der Hund ohne Grosshirn. Pflüg. Arch. 51. Bd.

ствовало также *насыщеніе*,—притомъ насыщеніе чувствовалось не послѣ вступленія въ кровь пищи изъ желудка, а немедленно вслѣдъ за ѣдой,—что указываетъ на правильную дѣятельность не только центрального участка, но и периферическихъ приводовъ, связывающихъ органы пищеваренія съ первобытнымъ участкомъ мозга. Собака принимала пищу, жевала, глотала, переваривала, вообще у ней все пищеваримое происходило нормальнымъ порядкомъ. Несомнѣнно, что и аппараты, расположенные въ стволовой части мозга, работали довольно удовлетворительно, судя по тому, что собака стояла, ходила, вставала, могла даже держаться на трехъ ногахъ, воспринимала болевья раздраженія съ кожи туловища и головы. Если ей случалось попадать и проваливаться лапой въ специально для того придуманную западню на столѣ, то собака не проваливалась окончательно, но удерживалась и обратнымъ движеніемъ вытаскивала попавшую въ западню лапу, не теряя равновѣсія. Собака сохранила способность издавать различные звуки—рычать, выть, визжать, лаять и пр. Она реагировала также на сильныя звуковыя впечатлѣнія (отворачиваніемъ головы), на яркій свѣтъ (смыканіемъ вѣкъ, отворачиваніемъ головы), на обонятельныя раздраженія и на разнообразныя раздраженія дыхательнаго аппарата (вредными для дыханія газами).

Замѣчательную особенность животнаго составляли сложныя двигательныя проявленія, слѣдовавшія за сильными или неожиданными раздраженіями. Эти проявленія по своему *внѣшнему виду и составу* не отличаются отъ проявленій *чувства и аффектовъ*. Собака звуками голоса выражала неудовольствіе, ворчала; когда ее подымали на воздухъ, она впадала въ *бѣшенство*; когда была голодна, обнаруживала общее возбужденіе, выражавшееся быстрыми движеніями, вставаньемъ на заднія лапы, воемъ и т. д.

Однакоже у собаки не замѣчалось ничего похожего на пріятные аффекты или чувства.

Болѣе подробный разборъ различныхъ двигательныхъ проявленій у безмозгой собаки даетъ возможность, вывести нѣкоторыя существенныя обобщенія изъ фактовъ, *протокольно* записанныхъ Гольцемъ.

Собака Гольца много спала. Разбудить ее можно было всякимъ сильнымъ раздраженіемъ, направленнымъ на любой изъ органовъ чувствъ, а равно и раздраженіемъ, направленнымъ чрезъ посредство крови на *первобытный участокъ мозга*. Наилучшимъ средствомъ было лишеніе животнаго ѣды, — что вызывало голодъ. *Голодъ* будилъ собаку, она быстро ходила, при сильномъ голодѣ вздымалась на заднія лапы, при дальнѣйшемъ голоданіи — ритмически высовывала и вытягивала языкъ, дѣлала жевательныя движенія челюстями ¹⁾). Последовательность, съ которою наступали эти движенія, *соотвѣтствуетъ послѣдовательности расположенія соотвѣтствующихъ нервныхъ центровъ* (intumescencia lumbalis, cervicalis, ядра hypoglossi, двигательное ядро *trigemini* ¹⁾). Въ обратномъ порядкѣ шли явленія при сильномъ раздраженіи слуха: при рѣзкихъ звукахъ собака хлопала ушами, затѣмъ вертѣла головой и наконецъ вставала на ноги. Съ вѣроятностью можно предположить, что порядокъ распространенія движенія и въ этомъ случаѣ соотвѣтствовалъ топографическому расположенію нервныхъ центровъ, быть можетъ, также и относительной возбудимости отдѣльныхъ приборовъ. Подобнымъ образомъ, подъ вліяніемъ естественныхъ потребностей собака вставала, приходила въ возбужденіе и начинала быстро ходить. Но всего вѣрнѣе собаку будили раздраженія на

¹⁾ Goltz. Der Hund ohne Grosshirn I. cit. pag. 579.

кожу¹⁾. Эти же раздраженія всего легче вызывали ярость и бѣшенство, но собака тотчасъ успокоивалась, какъ только ее переставали трогать.

Такимъ образомъ изъ наблюдений Гольца ясно, что животное, лишенное большого мозга, можетъ обнаруживать сложныя цѣлесообразныя дѣйствія; оно также способно проявлять рядъ сложныхъ движеній и дѣйствій, вполне сходныхъ съ аффектами по своему внѣшнему виду. Эти факты находятъ себѣ полное подтвержденіе въ изслѣдованіяхъ Флехсига, который доказалъ, что человѣческіе уроды, лишенные большихъ полушарій мозга, а также 8 мѣсячные недоноски, у которыхъ еще вовсе не развились проводящіе пути большого мозга, равнымъ образомъ имѣютъ способность обнаруживать чувства неудовольствія,—они отъ голода кричатъ, дѣлаютъ безпокойныя движенія и т. п., что въ этотъ періодъ развитія возможно только при посредствѣ аппаратовъ, заложенныхъ въ мозговомъ стволѣ²⁾.

Изъ приведенныхъ фактовъ съ положительностью можно заключить, что, даже при отсутствіи большого мозга, *возможно простѣйшее познаніе и простѣйшія двигательныя и эмоціональныя реакціи*. Таково, между прочимъ, мнѣніе Гольца, съ которымъ согласенъ Флехсигъ³⁾. Высказывая это положеніе касательно свойствъ и локализации первобытнаго познанія и первобытнаго чувства, мы рискуемъ встрѣтить обычное возраженіе, состоящее въ томъ, что *познаніе* есть нѣчто безконечно высшее, чѣмъ простая фізіологическая реакція нервной клѣтки на внѣшнія раздраженія, и что чувство есть также нѣчто

¹⁾ Goltz. l. cit. pag. 572.

²⁾ Flehsig l. c. pag. 11.

³⁾ Ibidem pag. 11—12.

гораздо высшее, чѣмъ простое расплывчатое раздраженіе, охватившее массу нейроновъ. На это мы можемъ отвѣтить словами Рибо, что чувство при своемъ постепенномъ развитіи проходитъ нѣсколько ступеней: *начинаясь простѣйшей, лишенной всякаго сознанія, чувствительностію, оно переходитъ затѣмъ въ первичныя волненія, которыя при дальнѣйшемъ преобразованіи и развитіи становятся, наконецъ, сложными чувствами и страстями*¹⁾. То же примѣнимо и къ познанію: начинаясь простой жизненной раздражительностью нервной клѣтки, оно постепенно развивается, превращаясь въ познаніе; начинаясь простой органической памятью, оно постепенно развивается до степени *памяти* въ истинномъ значеніи этого слова. Подобную же точку зрѣнія мы находимъ у Герберта Спенсера. Но быть можетъ яснѣе всѣхъ выражаетъ эту мысль Клодъ Бернаръ. *Философы, говоритъ онъ, знаютъ и допускаютъ только одну сознательную чувствительность, ту о которой они имѣютъ понятіе изъ самосознанія; для нихъ — чувствительность, удовольствіе, боль суть ничто иное, какъ психическіе акты, вызванные внѣшними впечатлѣніями. Но физиологи по необходимости должны стать на друіую точку зрѣнія: они изучаютъ явленіе объективно во всѣхъ безъ исключенія формахъ его. Наблюдая человека, физиологи видятъ, что впечатлѣнія вызываютъ въ немъ не только чувство удовольствія или неудовольствія, не просто дѣйствуютъ на его душу, они дѣйствуютъ и на тѣло, вызывая кромѣ психическихъ и рядъ друіихъ реакцій, и эти реакціи не являются чѣмъ-либо случайнымъ, но входятъ, какъ существенная часть, въ составъ цѣлаго акта. Понимая нашу задачу въ этомъ смыслѣ, мы вездѣ будемъ пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи словами познаніе и чувство въ*

³⁾ Ribot. La psychologie des sentiments. Paris, 1896 г. pag. 3.

указанномъ Клодъ Бернарромъ широкомъ смыслѣ и будемъ разумѣть подъ ними не только чисто психологическія явленія, но и неразрывныя съ ними фізіологическія; кромѣ того будемъ изслѣдовать не только тѣ явленія, въ которыхъ вполнѣ замѣтно психическое начало, но и тѣ, гдѣ оно не ясно или, повидимому, отсутствуетъ. Для указанія этой послѣдней разницы мы будемъ пояснять ее словами: *простѣйшій, сложный, высшій актъ* познанія и т. д. Для самыхъ простѣйшихъ актовъ, происходящихъ при посредствѣ нервной системы, Рибо употребляетъ слово *протоплазматическая чувствительность*. А еще раньше Гербертъ Спенсеръ употреблялъ терминъ *раздражительность протоплазмы* для обозначенія тѣхъ актовъ, въ которыхъ нельзя указать разницы познанія и чувства, гдѣ эти акты еще вовсе не выдѣлены и не расчленены, и гдѣ еще невозможно отличить «психологическое отъ фізіологическаго».

Переходя отъ этихъ общихъ разсужденій къ вопросу, занимающему насъ специально, мы постараемся вкратцѣ опредѣлить черты, которыми отличается стволовая часть мозга, какъ центръ простѣйшаго познанія и чувства.

Химическое познаніе имѣетъ почти всѣ черты точно развитаго акта, и у безмозгой собаки Гольца процессы химическаго познанія происходили такъ же, какъ и у не поврежденнаго животнаго. То-же почти можно сказать о физическомъ познаніи: животное познаетъ прикосновеніе къ нему, познаетъ отсутствіе подъ нимъ твердой почвы, познаетъ условія равновѣсія. Всѣ аппараты такого познанія работали съ достаточной точностью. Можно сказать вообще, что механическія раздраженія воспринимаются и превращаются въ двигательные акты удовлетворительно, именно: раздраженія, исходящія изъ кожи, мышцъ, внутреннихъ органовъ и изъ полукружныхъ ка-

наловъ превращаются въ цѣлесообразные двигательные акты. Въ свою очередь раздраженія, исходящія изъ крови (химическія раздраженія), дѣйствующія непосредственно на нервныя клѣтки первобытнаго участка мозга, также правильно поступали въ мозжечокъ и въ столовыя ганглии, перерабатывались въ двигательные акты и передавались на центробѣжные пути.

Но что касается другихъ аппаратовъ познанія, въ особенности зрѣнія и слуха, то ихъ дѣятельность была сильно нарушена. Существенный фактъ, наблюдавшійся при этомъ состоялъ въ томъ, что глаза животнаго оставались почти неподвижными при свѣтовыхъ впечатлѣніяхъ, равнымъ образомъ голова оставалась почти неподвижной при звуковыхъ впечатлѣніяхъ. Только при очень сильныхъ звуковыхъ и свѣтовыхъ впечатлѣніяхъ животное отворачивало голову, смыкало вѣки. Но за исключеніемъ этого крайняго случая, обыкновенныя (средней силы) раздраженія вызывали у животнаго только зрачковую реакцію и ничего больше, звуковыя раздраженія ничего не вызывали. Дутье въ глаза, въ уши вызывало смыканіе вѣкъ и встряхиваніе ушами, но въ этомъ случаѣ, конечно, дѣло идетъ о реакціи на осязательное раздраженіе, а не на слуховое или зрительное. Наблюденія Прейера надъ новорожденными дѣтьми показали, что въ первые часы или дни по рожденіи ребенокъ лишенъ возможности поворачивать глаза къ свѣту, сводить глазныя оси въ одну точку и т. под., между тѣмъ можетъ сосать, кричать и совершать сильныя движенія подъ вліяніемъ голода. Всѣ эти явленія существенно сходны съ тѣмъ, что наблюдалъ Гольцъ на своей собакѣ.

Другой крайне интересный фактъ, наблюдавшійся у безмозгой собаки Гольца, это появленіе у нея чувства неудовольствія, а также ярости и бѣшенства. Не-

удовольствие яснѣе всего обнаруживалось при голоданіи, чувства же ярости и бѣшенства наступали при схватываніи животнаго за кожу спины и поднятіи на воздухъ. Повидимому, въ этихъ случаяхъ кожныя раздраженія, а также раздраженія, возникавшія въ периферическихъ органахъ равновѣсія, за невозможностью перейти въ соотвѣтственныя цѣлесообразныя движенія стоянія или ходьбы, должны были направиться по другимъ путямъ и центрамъ и тѣмъ вызвать сложныя двигательныя проявленія аффекта. Съ этой точки зрѣнія аффектъ или чувство представляетъ собою *шаблонный воловой разрядъ нервной энергии*, замѣняющій собою *дробную, точно координированную цѣлесообразную работу*. Такое замѣстительное (викарное) отношеніе составляетъ общее явленіе въ нервной системѣ и повидимому зависитъ отъ различія проводящихъ путей, по которымъ раздраженіе можетъ направиться. Однакоже, ни одинъ изъ путей не можетъ быть исключительнымъ: раздраженіе идетъ по нѣсколькимъ дорогамъ, лишь не съ одинаковой силой. Соотвѣтственно этому никогда не бываетъ полной замѣны одного ряда явленій другимъ, но они всегда совмѣстны и обыкновенно одно преобладаетъ надъ другимъ. Въ особенности очевиднымъ представляется, что раздраженіе, движущееся по системѣ нейроновъ, можетъ перейти на другіе *побочные* пути, находя препятствія въ прямыхъ путяхъ. Этимъ актомъ объясняютъ въ настоящее время различіе между *аффектомъ* и *чистымъ познаніемъ* (Sergi).

II. Усовершенствованные аппараты познанія.

(Аппараты сознательнаго познанія).

Сюда относятся тѣ аппараты *познанія*, которые носятъ названіе *зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса и осязанія*.

Пути этого познанія, начинаясь особыми сложными приспособленіями въ органахъ чувствъ, идутъ далѣе черезъ стволую часть мозга, гдѣ они прерываются многочисленными промежуточными аппаратами, и оканчиваются въ мозговой корѣ. Отличительной чертой этихъ сложныхъ познавательныхъ путей является присутствіе въ нихъ большого числа тонкихъ саморегулирующихся приспособленій, имѣющихъ цѣлью тщательнѣйшую установку органа чувствъ для точнаго и подробнаго воспріятія внѣшнихъ воздѣйствій. Значительная часть саморегулирующихся приспособленій расположена въ стволовой части мозга, и въ учебникахъ анатоміи мозга ихъ обыкновенно называютъ рефлекторными аппаратами. Однакожъ относительно рефлекторнаго дѣйствія этихъ аппаратовъ нужно сдѣлать существенное разъясненіе. Аппараты эти отличаются весьма неодинаковой сложностью: одни изъ нихъ, какъ напр., реакція зрачка на свѣтъ, представляются актомъ весьма простаго состава, напоминающимъ собою спинно-мозговые рефлексы; другія-же движенія, напримѣръ, аккомодация глаза, направленіе зрительныхъ осей при одиночномъ видѣніи, уже представляются актами гораздо болѣе сложными и требуютъ участія мозговой коры и дѣятельности сознанія. Хотя несомнѣнно, что значительная часть этихъ движеній совершается при помощи ядеръ стволовой части мозга; но ядра эти, очевидно, играютъ роль исполнительныхъ органовъ для иннервации, исходящей изъ мозговой коры. Сложныя движенія этого типа могутъ быть названы рефлекторными, но лишь въ смыслѣ рефлексовъ мозговой коры, какъ ихъ опредѣляетъ Флексигъ ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ рефлексы эти исчезаютъ, какъ только приостанавливается дѣятельность мозговой коры, напримѣръ,

¹⁾ Flehsig I. c. pag. 45—46.

въ обморокъ, въ состоянїи болѣзненной спячки и проч. Такимъ образомъ несомнѣнно, что аппараты *усовершенствованнаго познанія* представляютъ сложный, обособленный механизмъ, простирающійся отъ органовъ чувствъ до мозговой коры включительно. Такая локализация ихъ подтверждается наблюденіями надъ новорожденными, у которыхъ аппараты эти еще не дѣйствуютъ, несмотря на то, что стволовая часть мозга ко времени рожденія уже готова анатомически. То-же подтверждаютъ и опыты Гольца надъ собакой, лишенной большихъ полушарій мозга: собака эта, какъ мы видѣли, лишена была способности направлять взоръ, прислушиваться и проч.

Сложная дѣятельность аппаратовъ *усовершенствованнаго познанія* устанавливается у новорожденного частью въ теченіе первыхъ дней, частью же въ теченіе только первыхъ мѣсяцевъ по рожденіи, какъ, наприм., видѣніе (Прейеръ). И въ соотвѣтствіи съ этимъ стоятъ анатомическія наблюденія Флехсига, который доказалъ, что *центры чувствованія* въ мозговой корѣ (Sinnessphären) развиваются окончательно въ первыя недѣли по рожденіи.

Субъективный анализъ *усовершенствованнаго или сознательнаго познанія* показываетъ, что воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній всегда сопровождается *чувствомъ*, которое въ сознаніи предшествуетъ самому *воспріятію* и является, такъ сказать, первымъ членомъ этого сложнаго акта. Этотъ основной фактъ твердо установленъ въ психологїи. Съ фізіологической точки зрѣнія онъ можетъ быть объясненъ тѣмъ, что возбужденія, идущія отъ органовъ чувствъ по системѣ нервовъ къ мозговой корѣ, *передаются по коллатераламъ въ попутные центры первобытной и стволовой части моза, вызывая здѣсь рядъ центральныхъ разрядовъ прежде, чѣмъ достигнутъ своей конечной станціи въ корѣ.* Въ силу этого и въ сознаніи эти

акты располагаются въ порядкѣ ихъ физиологическаго послѣдованія.

Проявленіе чувства составляетъ такимъ образомъ непремѣнную часть цѣльнаго акта воспріятія. Въ каждомъ конкретномъ случаѣ часть эта неодинакова, но она всегда примѣтна и находится въ обратномъ отношеніи къ остальнымъ составнымъ частямъ, т. е. чѣмъ сильнѣе *чувство*, вызванное раздраженіемъ, исходящимъ изъ какого-либо изъ органовъ чувствъ, тѣмъ слабѣе будетъ *познаніе* этого раздраженія и все, что связано съ этимъ. И наоборотъ: чѣмъ менѣе возникаетъ чувства при подобныхъ условіяхъ, тѣмъ полнѣе будетъ дѣятельность спеціальнаго познанія. Переводя эти факты на анатомическій языкъ, можно сказать предположительно, что, если раздраженіе, идущее по системѣ нервовъ, попадетъ по коллатераламъ въ боковые пути, то въ такомъ случаѣ только незначительная часть его направится по главному руслу, т. е. въ мозговую кору ¹⁾. Мы имѣемъ здѣсь соотношеніе, подобное тому, на которое уже было указано выше (см. стр 126—127). Въ какой пропорціи происходитъ распредѣленіе нервной работы по двумъ указаннымъ путямъ,—это можно распознать при помощи наблюденія, принявъ за основаніе, что *чувство выражается мимикою и жестами, а чистое познаніе характеризуется живой, тонкой и дѣятельной установкой органовъ, воспринимающихъ впечатлѣніе*. Такимъ образомъ *мимика* съ одной стороны и *установка органовъ чувствъ*—съ другой являются важнѣйшими показателями качествъ и направленія психическихъ процессовъ. Этотъ

²⁾ Эта физиологическая схема была предложена въ работѣ *Sergi: Dolore e piacere, Milano 1894*, а въ популярной и общедоступной формѣ—д-ромъ *Hans Lachr'*омъ въ его брошюрѣ: *Die Angst* (Heft 58 der Berliner Klinik) и еще раньше—въ работахъ Мейнерта.

фактъ послужилъ основаніемъ, побудившимъ насъ придать особое значеніе *наблюденію и описанію внѣшнихъ явленій, выступающихъ на видъ въ моментъ познавательной работы*. До настоящаго времени психологи придавали мало значенія такимъ наблюденіямъ, останавливая свое вниманіе главнымъ образомъ на анализъ субъективныхъ состояній въ актѣ познания. Но безъ сомнѣнія въ изслѣдованіяхъ, основанныхъ на физиологической психологіи, необходимо, согласно взгляду Клодъ Бернара, изучать явленія объективно во всѣхъ формахъ, какія они принимаютъ,—на что справедливо указываетъ Рибо въ своемъ послѣднемъ трудѣ¹⁾. Наблюденіе познавательныхъ процессовъ по указанному плану выяснило намъ нѣкоторыя весьма важныя стороны дѣла.

Если слѣдить за мимикой и такъ назыв. произвольными движеніями, напр., при разговорѣ и разказѣ, то съ перваго взгляда кажется, что между мимикой и словомъ не существуетъ точнаго соотношенія. Дисгармонія двухъ явленій представляется настолько рѣзкой, что съ перваго взгляда кажется, будто появляющаяся, по временамъ, на лицѣ разказчика—какъ бы не кстати—грусть или улыбка или иное чувство отвѣчаютъ не текущей нити разказа, а какому-либо случайному душевному движенію, или вызваны какимъ-либо неожиданнымъ воспоминаніемъ, которое вдругъ врывается въ сознаніе и, такъ сказать, вноситъ нѣкоторую пертурбацію въ текущіе акты его. Но при болѣе внимательномъ наблюденіи можно съ положительностью убѣдиться, что между *чувствомъ и познаніемъ*, между *мимикой и словомъ*, между *эмоціональными и умственными проявленіями* существуетъ строгое соотношеніе, въ томъ смыслѣ, что содержаніе сознательныхъ актовъ

¹⁾ Ribot. Psychologie des sentiments ect. Paris, 1896, pag. 3.

передается мимикой приблизительно за 2—4 секунды раньше, нежели словами. Такимъ образомъ словесный языкъ предваряется мимическимъ языкомъ, и на дѣлѣ можно наблюдать, что появленіе, напр., грустнаго выраженія на лицѣ среди совершенно веселой рѣчи, обыкновенно, указываетъ на то, что рассказъ сейчасъ перейдетъ къ печальнымъ событіямъ; наоборотъ, мимика радости и надежды среди печальныхъ рѣчей, предвѣщаетъ близкое наступленіе этихъ чувствъ въ словесномъ изображеніи.

Словесная рѣчь, какъ извѣстно, локализуется въ мозговой корѣ, мимическая же или—говоря шире—эмоціональная рѣчь локализуется въ зрительномъ бугрѣ (Флехсигъ ¹⁾, Бехтеревъ ²⁾), насколько она является въ строго опредѣленныхъ формахъ, и вѣроятно также—въ другихъ подкорковыхъ центрахъ (Флехсигъ), насколько въ составъ ея входятъ другіе, менѣе опредѣленные ряды нервной энергіи (измѣненія кровообращенія, дыханія, измѣненія въ напряженіи мышцъ и т. п.). Уже эта разница въ локализациі достаточно объясняетъ и разницу во времени появленія мимическихъ и словесныхъ движеній въ сложныхъ психическихъ актахъ.

Подобнымъ-же образомъ, и въ актахъ воспріятія, эмоціональныя проявленія, какъ уже было сказано, идутъ впереди и даже предшествуютъ движеніямъ, направляющимъ органъ чувствъ на воспринимаемое впечатлѣніе. Въмѣстѣ съ тѣмъ весь сложный актъ познанія можетъ выразиться, какъ уже было упомянуто выше, въ большей степени эмоціональными, нежели другими проявленіями. Это съ особенной яркостью можно наблюдать у дѣтей и

¹⁾ Flechsig. Localisation etc. pag. 11.

²⁾ Бехтеревъ. Объ отправленіяхъ зрительныхъ бугровъ. (Вѣст. Клин. и Суд. Мед. 1885 г., вып. II. pag. 91).

у душевно-больныхъ, но его можно также наблюдать у взрослыхъ здоровыхъ людей.

Живость чувства у дѣтей—явленіе общеизвѣстное. Въ объясненіе этого явленія обыкновенно ссылаются на существующую у дѣтей возбудимость нервной системы. Объясненіе это справедливо только отчасти. Главнѣйшей причиной дѣтской возбудимости должны быть другія основанія, и на первомъ планѣ должно быть поставлено, по нашему мнѣнію, незаконченное развитіе мозговой коры въ первые мѣсяцы и годы жизни ребенка, при наступившемъ уже полномъ развитіи подкорковыхъ центровъ. Естественно, что, при такихъ анатомическихъ условіяхъ, всякое внѣшнее впечатлѣніе, падающее на одинъ изъ органовъ чувствъ, вступая вглубь центровъ по системѣ познавательныхъ нервовъ, будетъ встрѣчать препятствія въ неготовыхъ корковыхъ путяхъ и должно, по необходимости, направляться въ подкорковые центры. Въ первый мѣсяць по рожденіи еще весьма многіе изъ корковыхъ путей не обладаютъ проводимостью ¹⁾; всѣ возбужденія, падающія на органы чувствъ, не могутъ передаваться дальше подкорковыхъ центровъ. Затѣмъ съ развитіемъ проводящихъ путей и центровъ большого мозга, раздраженія изъ органовъ чувствъ будутъ поступать какъ въ подкорковые центры (главной своей массой), такъ отчасти и въ корковые пути. Сообразно этому возбудимость чувства у дѣтей (гнѣвъ, слезы, страхъ) будетъ постепенно ослабѣвать, замѣняясь мыслительной работой. Сверхъ того, относительно корковыхъ чувственныхъ центровъ, изслѣдованіями Флехсига установлено, что отводящіе (двигательные) пути развиваются позже соотвѣтствующихъ имъ при-

¹⁾ Flechsig. Localisation ect. pag. 34, 36, 59 и др.

водящихъ чувствительныхъ путей ¹⁾). Въ этомъ заключается еще одинъ источникъ дѣтской эмотивности, такъ какъ раздраженія, поступающія въ центры, не могутъ имѣть двигательнаго исхода. Лишь постепенно развивающіеся въ первые годы жизни корковые центры (особенно центры высшаго познанія) открываютъ настоящее вмѣстилище для воспринятія внѣшнихъ возбужденій, и сообразно этому раздраженія, идущія отъ органовъ чувствъ, все большей и большей массой поступаютъ въ корковые пути, минуя подкорковые центры, или вступая въ нихъ только своей меньшей частью. Наблюденіе дѣтскихъ фотографій вполне подтверждаетъ сказанное: чѣмъ моложе дѣти, тѣмъ чувства рѣзче отпечатлѣны во всемъ ихъ внѣшнемъ видѣ, а вниманіе и мышленіе соотвѣтственно слабо и непостоянно. *Фигуры 1-ая и 2-ая Табл. II-й* показываютъ два послѣдовательные момента въ состояніи духа ребенка, вызванные видомъ фотографическаго аппарата. *Фигура 1-я* показываетъ страхъ, печаль и недоумѣніе, сковавшіе всѣ движенія ребенка и омрачившіе его лицо. *Фигура 2-я* показываетъ живую радость ребенка, замѣтившаго движеніе клапана моментальнаго затвора,—чего ребенокъ не замѣтилъ раньше вслѣдствіе волненія. Не менѣе убѣдительна *Фигура 3-я Таблицы II-й*: она изображаетъ двухъ мальчиковъ, изъ которыхъ старшій спокойно сидитъ, согласно требованіямъ фотографической съемки, а на лицѣ и во всей позѣ меньшаго отпечатлѣлись черты неудовольствія, печали и нѣкоторыхъ другихъ неясно разграниченныхъ эмоцій, вызванныхъ нежелательнымъ для мальчика позированіемъ.

Трудность снятія фотографій съ дѣтей, вызвавшая необходимость специальныхъ приборовъ, обусловлена болѣе

¹⁾ Flechsig. Localisation ect. pag. 45—46.

всего, какъ мы на опытѣ въ томъ убѣдились, *постоянной игрой на дѣтскомъ лицѣ различныхъ чувствъ*, взамѣнъ нѣкотораго средняго выраженія, требуемаго условіями портретной передачи.

Отношенія, напоминающія дѣтскую душу, замѣчаются часто въ состояніяхъ психическаго недоразвитія—въ идиотизмѣ, какъ это видно на *Фигурѣ 3-й Таблицъ III-й*. Фигура эта изображаетъ идиота 40 лѣтъ, улыбающагося при видѣ фотографическаго аппарата. По выраженію лица этого идиота можно заключить, что эмоціональный элементъ—*чувство радости* взяло перевѣсъ надъ мыслительной работой—*смотрѣніемъ*. Характеристической особенностью этой фізіогноміи является то обстоятельство, что чувство радости выразилось на фізіогноміи *улыбкой*, но эта улыбка расплылась ¹⁾ во весь ротъ, и вызванныя ею сокращенія лицевыхъ мышцъ носятъ характеръ необыкновенно рѣзкихъ и объемистыхъ движеній. Эта особенность, свойственная лицу идиотовъ и глупыхъ людей, показываетъ, что лицевая мускулатура находится подъ исключительнымъ дѣйствіемъ подкорковой иннерваціи и лишена сдерживающаго вліянія корковыхъ (волевыхъ) центровъ. То же видимъ на *Фигурѣ 4-й Табл. III-й*. Нѣчто подобное наблюдаемъ также у безмозгой собаки Гольца, проявлявшей только крайнія степени бѣшенства, но не слабѣйшія формы гнѣва.

¹⁾ Что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ улыбкой, т. е. со слабѣйшей формой аффекта, а не съ сильнѣйшими формами (смѣхомъ, хохотомъ и пр.)—это видно изъ того, что на этой фигурѣ равно, какъ и на фигурѣ 4-й этой-же табл. замѣчаемъ, что аффектъ охватилъ только мимическую мускулатуру, но не мускулатуру всего тѣла, что бываетъ при смѣхѣ и хохотѣ. Смѣховыя движенія туловища сдѣлали бы изображеніе костюма неяснымъ, между тѣмъ каждая часть костюма въ данномъ случаѣ вышла очень ясно.

Еще болѣе рѣзко проявляется описанная особенность у идиотовъ—дѣтей. *Фигура 3-я Таблицы IV-й* изображаетъ ребенка 5 лѣтъ, лишеннаго рѣчи и способности ходить, съ слабо развитымъ зрительнымъ мышлениемъ, узнающаго близкихъ скорѣе по звукамъ голоса, чѣмъ по внѣшнему виду. Этотъ ребенокъ остается тупымъ при *видѣ* близкихъ людей, но приходитъ въ необузданную радость, *слыша* знакомый голосъ. Фотографія изображаетъ моментъ этой радости, проявляющійся у даннаго ребенка захлебывающими звуками, сильнымъ выгибаніемъ туловища назадъ, судорожнымъ смѣхомъ и другими беспорядочными движеніями.

Въ начальныхъ періодахъ психическихъ заболѣваній, а также въ большей части случаевъ развитой болѣзни мы встрѣчаемся съ фактомъ преобладанія эмоциональныхъ проявленій надъ умственными, съ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ фізіогноміи.

Послѣ этихъ общихъ вопросовъ перейдемъ къ разбору частныхъ видовъ познанія и вниманія.

а) Зрительное познаніе и вниманіе.

Зрительный путь идетъ отъ желтаго пятна (*macula lutea*) сѣтчатки прямыми волокнами, оканчивающимися въ наружномъ колѣнчатомъ тѣлѣ (*corpus geniculatum externum*), отсюда этотъ путь продолжается къ *fissura calcarina*, (см. на стр. 121-й рис. 3-й Табл. I-й) склоны которой составляютъ корковый центръ, или послѣднюю станцію для центральнаго (макулярнаго) зрѣнія. Другая часть зрительныхъ волоконъ, именно тѣ волокна, которыя выходятъ изъ периферіи сѣтчатки, направляются къ зрительному бугру и четверохолмію. Отсюда часть ихъ

идеть далѣе къ мозговой корѣ и располагается смежно съ *fissura calcarina*. Уничтоженіе коркового центра влечетъ за собой слѣпоту; промежуточные же (подкорковые) узлы, къ которымъ на своемъ пути подходятъ волокна зрительнаго нерва, имѣютъ другое значеніе: они служатъ для рефлекторныхъ движеній глазъ и другихъ частей (головы, туловища и проч.), для связи и объединенія дѣятельности зрительнаго аппарата съ другими органами чувствъ. Эти рефлекторныя движенія, крайне сложныя и разнообразныя, происходятъ по всей вѣроятности съ участіемъ мозговой коры, какъ объ этомъ было упомянуто выше (стр. 136—137). Значительная часть этихъ движеній имѣетъ своей цѣлью *тщательнѣйшую установку зрительнаго аппарата и другихъ частей тѣла* для наилучшаго и точнѣйшаго воспріятія зрительныхъ впечатлѣній. Къ изслѣдованію и разбору этихъ движеній мы теперь и переходимъ.

Зрительное вниманіе характеризуется поворотомъ головы и туловища въ сторону разсматриваемаго предмета, устремленіемъ взора на предметъ и аккомодацией. Всѣ эти движенія вызываються съ периферіи какъ раздраженіемъ зрительнаго, такъ равно и слухового аппарата. Независимо отъ этихъ главныхъ движеній, въ зрительномъ вниманіи принимаетъ участіе вся мускулатура тѣла: она умѣренно напрягается и сообщаетъ туловищу нѣкоторую неподвижность; въ то же время оживляется (умѣренно напрягается) мимическая мускулатура. Наконецъ, въ актѣ зрѣнія принимаетъ участіе необыкновенно сложный механизмъ, въ силу дѣятельности котораго глаза удерживаютъ первоначальное покойное положеніе при всѣхъ активныхъ и пассивныхъ перемѣнахъ въ положеніи головы и туловища. За исключеніемъ этого послѣдняго *рефлекторнаго* механизма всѣ другія движенія

глазъ требуютъ участія мозговой коры и присутствія сознанія. Какъ показали наблюденія Прейера надъ новорожденными, всѣ разнообразныя движенія глазъ, необходимыя при зрительномъ вниманіи, возникаютъ не сразу, но постепенно—въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ жизни, по мѣрѣ развитія мозговой коры. Сначала ребенокъ научается поворачивать голову въ сторону свѣта, затѣмъ усваиваетъ искусство сводить глаза и устремлять ихъ на предметъ, чтобы образы предметовъ попадали на тождественныя мѣста сѣтчатокъ, т. е. *научается смотреть* и, наконецъ, на третьемъ мѣсяцѣ ребенокъ научается приспособлять глазъ, т. е. *научается видѣть* (Preyer).

Сложныя движенія (глазъ, головы и туловища), входящія въ составъ зрительнаго вниманія, происходятъ при посредствѣ особаго сочетательнаго центра, расположеннаго въ темянной долѣ, въ *gyrus subangularis* Flehsig'a; здѣсь происходитъ обширное объединеніе зрительной, слуховой и мышечно-осязательной работы, необходимой въ актѣ видѣнія¹⁾.

Непосредственное наблюденіе зрительнаго вниманія на человѣкѣ относится къ числу трудныхъ съ перваго раза задачъ, но оно послѣ нѣкотораго упражненія дается легко. Наилучшимъ подспорьемъ въ изученіи какъ зрительнаго, такъ и другихъ видовъ вниманія могутъ служить фотографіи и художественныя произведенія. Зрительное вниманіе, насколько позволяетъ судить наше знакомство съ этимъ предметомъ, принадлежитъ къ самымъ любимымъ изображеніямъ художниковъ, вѣроятно, потому, что зрительное вниманіе придаетъ болѣе живости лицу, нежели другіе виды вниманія.

При самомъ внимательномъ сосредоточиваніи взора

¹⁾ Flehsig. Die Localisation etc. pag. 49. на рис. 3 табл. Этотъ центръ обозначенъ двумя крестиками.

на предметѣ, глаза не остаются въ покоѣ, но находятся въ движеніи. Однакоже движенія эти не непрерывны, а наоборотъ, прерываются относительно продолжительными паузами, во время которыхъ взоръ застываетъ, т. е. остается совершенно неподвижнымъ. Такимъ образомъ смотрѣніе на предметъ не есть беспорядочное блужданіе глазами, но состоитъ въ послѣдовательномъ фиксированіи немногихъ точекъ предмета. Все это явленіе имѣетъ такой видъ, какъ будто бы фиксированіе отдѣльныхъ точекъ составляетъ сущность дѣла, а передвиженіе глазъ отъ одной точки къ другой есть не болѣе, какъ мертвый промежутокъ, продолжительность котораго сокращается до *минимума* быстрымъ перелетомъ глазъ. Подробности этого явленія хорошо передаются фотографіей. Если снятую фотографію не ретушировать, то на роговой оболочкѣ можно видѣть свѣтящуюся точку,—такъ называемый *свѣтовой рефлексъ*, или *бликъ*; такихъ *бликовъ* иногда можно видѣть нѣсколько. Каждый бликъ соотвѣтствуетъ моменту неподвижнаго стоянія глаза, и чѣмъ абсолютнѣе была неподвижность глазъ и тѣла, тѣмъ блики выходятъ отчетливѣе. Перемѣщеніе глазъ изъ одного положенія въ другое должно бы въ сущности дать слабый линейный бликъ, но обыкновенно фотографія этого не передаетъ, такъ какъ всѣ слабые, мимолетные свѣтовые эффекты уничтожаются реактивами при проявленіи пластинки. Благодаря этому на фотографіяхъ мы обыкновенно видимъ одинъ или нѣсколько раздѣльныхъ бликовъ, не соединенныхъ между собою. Фотографы оставляютъ на фотографіяхъ одинъ дѣйствительный или искусственно поставленный ретушеромъ бликъ, всѣ же другіе блики задѣлываютъ, чтобы лишить фотографію минутнаго выраженія и придать ей, такъ сказать, нѣкоторый средній, обыденный видъ. На нашихъ фотографіяхъ, сдѣланныхъ съ научной цѣлью,

ретушированіе не дѣлалось, и слѣды движенія глазъ остались во всей ихъ чистотѣ. Такъ какъ время экспонированія пластинки при съемкѣ лица, даже въ самыхъ быстро работающихъ аппаратахъ, длится болѣе одной секунды, а глазныя движенія происходятъ съ быстротой, непревышающей нѣсколькихъ долей секунды (менѣе $\frac{1}{5}$ сек.) ¹⁾, то при такихъ условіяхъ получается всегда одинъ или два блика, если глаза были въ движеніи. На фотографіи *Фиг. 1-я Табл. IV-й* мы видимъ отчетливое изображеніе глазъ, радужной оболочки и зрачковъ,—что свидѣтельствуесть о неподвижномъ стояніи глазъ; на зрачкѣ каждаго глаза имѣется по одному блику отъ одного рѣзкаго источника свѣта, а на радужной оболочкѣ съ лѣвой стороны по нѣскольку бликовъ отъ другаго менѣе рѣзкаго источника свѣта. Фотографія эта изображаетъ, въ общемъ *среднюю степень зрительнаго вниманія*. Изображеніе высокой степени зрительнаго вниманія находимъ въ общеизвѣстномъ портретѣ нѣкоего *Hieronym'a Holzshuber'a*, принадлежащемъ кисти одного изъ величайшихъ художниковъ—Альбрехта Дюрера (см. *Фиг. 2-я Табл. IV-й*). На портретѣ этомъ видимъ пять равной величины бликовъ, расположенныхъ въ двухъ вертикальныхъ плоскостяхъ; блики стоятъ близко и по расположенію ихъ видно, что изображенное лицо пять разъ перемѣнило точку зрѣнія при разсматриваніи небольшого предмета. Какъ

¹⁾ По изслѣдованіямъ Меркеля на произнесеніе одной буквы требуется около тринадцати терцій (Merkel. *Physiologie der menschlichen Sprache*. Leipzig, 1866). Хотя рѣчевыя движенія принадлежатъ къ числу наиболѣе быстрыхъ движеній въ тѣлѣ, но глазныя превосходятъ ихъ. Быстрота глазныхъ движеній въ изображеніяхъ поэтовъ обозначается словами: „кинуть взглядъ, бросить взглядъ“; въ отношеніи другихъ движеній тѣла подобныя выраженія такъ часто не употребляются, какъ въ отношеніи глазъ.

блики, такъ равно зрачки и радужная оболочка изображены весьма отчетливо; лице и вся поза фигуры показываютъ отчетливое и энергическое напряженіе всѣхъ мышцъ (одно изъ побочныхъ явленій зрительнаго вниманія).

Табл. 4-я Фиг. II-й представляетъ (въ лицѣ и позѣ) крайне поучительный примѣръ зрительнаго вниманія у мальчика, который, слушая—еще недостаточно усвоенную имъ—иностранную рѣчь, долженъ былъ на ряду съ слуховымъ вниманіемъ, напрягать зрительное, чтобы слѣдить за рѣчевыми и мимическими движеніями своей собесѣдницы: онъ обыкновенно хуже понималъ рѣчь, когда не слѣдилъ за ней взоромъ.

Свойство и значеніе внѣшнихъ проявленій зрительнаго вниманія разъясняется патологическими случаями, гдѣ наблюдается разстройство анатомическихъ путей зрительнаго познанія.

Въ особенности интересныя наблюденія надъ зрительнымъ вниманіемъ можно сдѣлать у идіотовъ, слабоумныхъ, и у больныхъ, страдающихъ общимъ прогрессивнымъ параличемъ (размягченіемъ мозга).

Что касается видѣнія у идіотовъ, то по занимающему насъ вопросу мы находимъ въ трудѣ д-ровъ *A. Marie* и *I. Bonnet* ¹⁾ слѣдующія замѣчанія. «*Идіоты* и *слабоумные*, читаемъ въ этой замѣткѣ, имѣютъ блуждающій, неопредѣленный взглядъ, глаза ихъ очень подвижны, какъ у маленькихъ дѣтей... Это отсутствіе *точности* взгляда должно быть приписано, по мнѣнію *Séguin*'а, часто наблюдавшаго идіотовъ, расширенію зрачковъ (*mydriasis*), чѣмъ дается слишкомъ большое поле зрѣнія».

¹⁾ La vision chez les idiots et les imbecilles. Paris, 1892, pag 54—55.

По нашимъ наблюденіямъ, движенія глазъ у идіотовъ бываютъ то быстры и живы, то медленны и вялы. *Фишра 1-я* и *Фишра 2-я* на *Табл. III-й* представляютъ идіотовъ; одинъ изъ нихъ мраченъ, другой веселъ. У обоихъ зрительное вниманіе замѣтно: оно выражено у каждаго субъекта неподвижностью туловища и головы,— что дало возможность снять очень отчетливыя фотографіи, на которыхъ каждая черта (каждый зубъ и каждый волосокъ) отчетливо переданы. Эта отчетливость показываетъ, что при съемкѣ фотографіи оба больные сидѣли неподвижно. Тѣмъ не менѣе при этихъ условіяхъ глаза вышли неясны, контуры зрачка и радужной оболочки неотчетливы, блики расплывчаты, и ими зарисовываны глаза,— все это указываетъ на безпокойное движеніе глазъ. Такимъ образомъ у идіотовъ глаза не входятъ въ систему сочетанныхъ движеній, требуемую условіями зрительнаго вниманія, другими словами—идіотъ направляетъ глаза и устремляетъ взоръ, но не смотритъ, т. е. не останавливаетъ своего взора послѣдовательно на немногихъ точкахъ, но непрерывно блуждаетъ взоромъ. При такихъ условіяхъ на сѣтчаткѣ и въ корковомъ центрѣ мозга получится не два-три рѣзкихъ образа, но масса, покрывающихъ другъ друга безъ всякаго порядка, изображеній. Совершенно то же мы видимъ у идіота 52 лѣтъ, Никиты Болотникова, находящагося въ Кирилловскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ въ Кіевѣ, фотографія котораго представлена на *Фиг. 2-й Табл. V-й*. При ясно выраженномъ зрительномъ вниманіи въ позѣ и въ положеніи головы, глаза Н. Болотникова въ безпорядкѣ блуждаютъ и нелѣно топчутся на мѣстѣ, судя по безпорядочнымъ бликамъ. При такихъ условіяхъ Никита никогда ничего не видитъ ясно и, вѣроятно, въ зависимости отъ этого пространственныя представленія и зрительное мышленіе крайне у

него неясны и неопредѣленны. Этимъ объясняется отчасти его неспособность усвоить топографію: мѣстности онъ не запоминаетъ и напр., выйдя за стѣны больницы, гдѣ живетъ слишкомъ 20 лѣтъ, онъ легко можетъ заблудиться и совершенно лишенъ способности усвоить себѣ хотя бы простыя топографическія отношенія; между тѣмъ мышечно-осязательное мышленіе развито у него гораздо удовлетворительнѣе.

То же, что наблюдаемъ у идиотовъ, можно видѣть и у слабоумныхъ, какъ показываетъ *Фиг. 3-я Табл. V-й* и *Фиг. 1-я Табл. V-й*. Изображенная на этой послѣдней фигурѣ больная страдала тяжелой формой *острой отуплости*, перешедшей затѣмъ въ слабоуміе, и въ этомъ періодѣ болѣзни снята представленная здѣсь фотографія.

Много общаго съ тѣмъ, что сейчасъ изложено, наблюдаемъ и у прогрессивныхъ паралитиковъ, какъ показываетъ *Фиг. 4-я на Табл. V-й*. При полной отчетливости всѣхъ чертъ до мельчайшихъ подробностей, при отчетливой фотографической передачѣ каждаго волоска на бородѣ и бровяхъ, контуры зрачковъ вышли неясно. Это особенно замѣтно, если сравнить эту фигуру съ *Фигурой 1-й Табл. IV-й* (тамъ изображенъ здоровый, здѣсь паралитикъ).

При изслѣдованіи зрительнаго вниманія у больныхъ, мы находимъ удобнымъ пользоваться слѣдующимъ приемомъ: предлагаемъ больному *смотреть на неподвижный предметъ* или *слѣдить глазами за движущимся предметомъ*. Въ первомъ случаѣ у идиотовъ или у прогрессивныхъ паралитиковъ можно видѣть, что больной лишенъ возможности сосредоточивать взоръ и поминутно отвлекается къ боковымъ точкамъ поля зрѣнія или расслабляетъ сведеніе зрительныхъ осей. Но въ особенности больному трудно слѣдить за движущимся предметомъ: больной непрерывно

теряетъ изъ виду предметъ. Между тѣмъ здоровый человекъ и даже ребенокъ, которому предложена подобная задача, съ удивительной плавностью слѣдитъ за движущимся предметомъ: его глаза идутъ за предметомъ съ такою точностью, какъ игрушечная металлическая рыбка за притягивающимъ ее магнитомъ. У больныхъ, въ особенности въ прогрессивномъ параличѣ, можно нерѣдко наблюдать, что больной слѣдитъ за движущимся предметомъ не столько глазами, сколько головой; такъ что становится очевиднымъ, что надлежащія движенія глазъ выпали изъ сложнаго акта зрительнаго вниманія, и при томъ выпали въ большей степени, нежели движенія головы. Часто подобная разница выступаетъ съ особенной рѣзкостью, и она тѣмъ болѣе поражаетъ, что зрачковая реакція остается удовлетворительно сохраненной.

Выше было упомянуто стр. 137—138, что въ актѣ познанія эмоціональный элементъ можетъ взять перевѣсъ надъ чисто умственнымъ, и въ такомъ случаѣ всѣ движенія, необходимыя въ актѣ зрительнаго вниманія, уступаютъ мѣсто движеніямъ эмоціональнымъ. А такъ какъ эмоціональныя состоянія или даютъ движеніямъ свободу, или сковываютъ ихъ; то, согласно этому, они могутъ оказать соотвѣтственное вліяніе на актъ вниманія. Примѣромъ, поясняющимъ сказанное, можетъ служить *Фиг. 4-я на Табл. IV-й*. Грустное настроеніе духа у этого мальчика, страдавшаго острыми нервными болями, сковало у него глазныя движенія, и мы видимъ на его застывшихъ глазахъ одинъ яркій, рѣзко очерченный бликъ, какъ свидѣтель того, что глаза остаются безъ движенія; въ противномъ случаѣ, на этихъ темныхъ глазахъ, малѣйшее перемѣщеніе бликовъ было бы отчетливо обозначено. Наоборотъ, у идиотки, изображенной на *Фигурѣ 4-й Табл. III-й*, веселая, мало мотивированная, дѣтская радость сообщила глазамъ

необыкновенную подвижность, совершенно скрывшую ихъ отъ фотографической пластинки, при отчетливомъ изображеніи другихъ чертъ (зубовъ, волосъ).

б) Слуховое познаніе и вниманіе.

Путь слухового познанія начинается въ улиткѣ, идетъ по улитковой вѣтви слухового нерва въ стволовую часть мозга (трапецевидное тѣло, боковая петля, заднее четверохолміе, внутреннее колѣнчатое тѣло), отсюда слуховой путь продолжается черезъ внутреннюю капсулу къ двумъ незначительнымъ поперечнымъ извилинамъ, лежащимъ въ первой височной бороздкѣ. Эти извилилки и составляютъ корковый слуховой центръ, т. е. послѣднюю станцію слухового пути см. табл. I рис. 3-й. Таковъ приводящій (центростремительный) слуховой путь. Отводящій (двигательный) путь начинается въ большихъ пирамидныхъ клѣткахъ слухового центра и идетъ къ большимъ мостовымъ гангліямъ по височно-мостовому проводу (*temporale Grosshirnrinden-Brückenbahn Flechsig'a*). Назначеніе этого пути—служить для передачи движенія отъ слуховой сферы къ двигательнымъ аппаратамъ, назначеннымъ для поворота головы и туловища ¹⁾). Кромѣ того отъ всѣхъ поименованныхъ ганглій (въ стволовой части мозга), черезъ которыя проходитъ и съ которыми соединенъ слуховой путь, также идутъ нисходящіе пути (рефлекторные аппараты).

Слуховой путь развивается въ своемъ центральномъ отрѣзкѣ (отъ внутренняго колѣнчатого тѣла до височныхъ извилинъ) только послѣ рожденія ребенка и вообще позже всѣхъ другихъ органовъ чувствъ ²⁾).

¹⁾ Flechsig. Gehirn u. Seele. ect. pag. 76.

²⁾ Flechsig. Localis. ect. pag. 40.

Изслѣдованіями Прейера установлено, что поворожденное дитя почти совершенно глухо, и слухъ у него развивается только въ первые дни по рожденіи.

Органъ слуха не обладаетъ такой богатой мускулатурой, какъ органъ зрѣнія; однакоже и его скромный мышечный приборъ даетъ возможность путемъ измѣненія натяженія барабанной перепонки приспособлять слуховой аппаратъ къ болѣе тонкому и точному воспріятію звуковъ. Барабанная перепонка, въ этомъ отношеніи, имѣетъ такое же значеніе для слуха, какъ радужная оболочка для глаза. Слуховое приспособленіе происходитъ рефлекторнымъ путемъ.

Но самой удивительной частью органа слуха надо признать устройство концевое аппарата его—Кортіеваго органа. Около 20,000 или 30,000 струноподобныхъ дугъ этого органа даютъ возможность воспринимать необыкновенно малыя разницы въ силѣ и характерѣ колебаній окружающей среды.

Ухо опредѣляетъ *силу, высоту и тембръ*. Тонкость, съ которою происходятъ эти опредѣленія, такова, что ее должно признать поистинѣ изумительной. Ухо, ничѣмъ не вооруженное, способно слышать и такіе слабые звуки, которые соотвѣтствуютъ перемѣщенію колеблющихся частицъ воздуха всего на $\frac{1}{25,000}$ часть миллиметра (Thorpe и Boltzmann). Амплитуда такихъ микроскопическихъ размѣровъ не была бы видима въ самый сильный микроскопъ (Hensen). Съ другой стороны опредѣленіе высоты тона можетъ достигать такой тонкости, что ухо, наприм., у музыкантовъ, различаетъ и такіе тоны, числа колебаній которыхъ разнятся между собою на $\frac{1}{500}$ и даже на $\frac{1}{1200}$. Эти факты показываютъ, что слухъ относится къ разряду самыхъ совершенныхъ органовъ чувствъ и превосходитъ

даже зрѣніе. Музыкальнѣя дарованія человѣческаго уха показываютъ, до какой степени этимъ органомъ чувствъ человѣкъ высоко поднялся надъ всѣмъ животнымъ міромъ. Въ отношеніи другихъ органовъ чувствъ этого нельзя сказать.

Зрѣніе—органъ *химическаго воспріятія*, слухъ же есть органъ *механическаго воспріятія*, т. е. органъ, *опредѣляющій тончайшія прикосновенія и толчки* колеблющихся и соприкасающихся съ нимъ частицъ воздуха. Неподвижная установка такого тонкаго органа помощью мышцъ почти невысказана. Между тѣмъ для опредѣленія колебаній окружающей среды необходима точнѣйшая установка органа или по крайней мѣрѣ опредѣленіе его собственныхъ перемѣщеній, или его относительнаго положенія въ пространствѣ. Чѣмъ достигается эта цѣль? —Она достигается прежде всего самымъ устройствомъ концевнаго аппарата, который состоитъ изъ струноподобныхъ дугъ различной длины, способныхъ приходить въ созвучныя колебанія съ окружающими звуковыми волнами и такимъ образомъ воспринимать на себя или повторять эти волны. Но, независимо отъ этого, для цѣлей слуховаго воспріятія понадобилась извѣстная неподвижность туловища съ пріостановкой большей части движеній въ организмѣ. Этой неподвижностію всего болѣе характеризуется *слуховое вниманіе*, въ ряду другихъ видовъ вниманія. Если наблюдать человѣка, внимательно слушающаго или прислушивающагося, то можно убѣдиться, что, при общей неподвижности туловища, наиболѣе неподвижной является голова. Неподвижность обусловлена энергическимъ сокращеніемъ произвольныхъ мышцъ и въ томъ числѣ и мышцъ дыхательныхъ. Это всеобщее напряженіе мускулатуры въ художественныхъ описаніяхъ изображается словами: *«весь превратился въ*

слухъ». Дыханіе измѣняется такимъ образомъ, что обѣ дыхательныя фазы—вдыханіе и выдыханіе становятся активными; онѣ совершаются медленно, по временамъ дыханіе совершенно пріостанавливается, — что соотвѣтствуетъ усиленію вниманія. Эти измѣненія замѣчаются даже у самыхъ маленькихъ дѣтей не только въ слуховомъ, но отчасти и въ другихъ видахъ вниманія. Въ поэтическихъ произведеніяхъ, описанія внѣшнихъ проявленій слухового вниманія составляютъ почти такой же частый сюжетъ, какъ въ произведеніяхъ художниковъ—изображеніе зрительнаго вниманія. Слѣдующій отрывокъ изъ Лермонтова ¹⁾ весьма точно передаетъ подробности слухового вниманія:

Едва дыша, безъ слезъ, безъ думъ, безъ словъ
Она стоитъ, безчувственно внимая,
Какъ будто этотъ дальній звукъ подковъ
Всю будущность унесъ съ собою».

Во всѣхъ случаяхъ слуховое вниманіе выражается сходными, почти тождественными признаками. Нижеслѣдующее описаніе составлено по двумъ образцамъ яркаго проявленія вниманія. Субъектъ, изображенный на *Фишрахъ 1-й, 2-й и 3-й на Таблицахъ VII-й*, страдалъ ипохондріей и былъ чрезвычайно внимателенъ въ отношеніи того, что врачи говорятъ о немъ. *Фишра 1-я* изображаетъ едва замѣтные слѣды слухового вниманія и представляетъ скорѣе образецъ обычнаго состоянія этого субъекта. *Фишра 2-я* изображаетъ *среднюю степень* слухового вниманія; *Фишра 3-я*—*высшую степень* вниманія. Больной внимаетъ своимъ правымъ ухомъ по-преимуществу. Фотографіи сняты внезапно, безъ вѣдома больного, и представляютъ моменты, когда бесѣда, которую врачи вели преднамѣренно про

¹⁾ Измаиль-бей. Часть I, строфа XXXVII.

себя, касалась наиболее интересных для больного свѣдѣній о его состояніи.

На *Фигурѣ 1-й Табл. VII-й* умѣренно сокращена лобная мышца—(что обозначаетъ собой просто вниманіе), *Фигура 2-я* изображаетъ слуховое вниманіе средней силы: больной повернулъ голову вправо и направилъ правое ухо въ сторону слушаемаго, въ то же время онъ устремилъ взоръ въ сторону звуковъ ¹⁾, а на лпѣ его появилось сокращеніе верхней орбитальной мышцы,—(что соотвѣтствуетъ напряженной думѣ, т. е. усиленному вниманію или слуховому мышленію). *Фигура 3-я* представляетъ высшую степень вниманія: голова еще болѣе поворочена въ сторону звуковъ, глаза же, наоборотъ,—отклонены въ противоположную сторону, взоръ опущенъ, и вѣки сильно опущены.

Совершенно тождественную картину намъ удалось наблюдать на больномъ, страдавшемъ необыкновенно живыми слуховыми галлюцинаціями. Больной этотъ находился почти въ экстазѣ подъ вліяніемъ силы галлюцинацій: онъ не садился, а стоялъ и то умолкалъ и весь превращался въ слухъ, то внезапно вскрикивалъ: «*врешь! что ты говоришь*», или произносилъ другія отрывистыя фразы и затѣмъ снова умолкалъ и слушалъ. Вниманіе его до такой степени было поглощено слуховыми галлюцинаціями, что онъ не перемѣнялъ позы и положенія головы даже тогда, когда внезапно предъ глазами его ставили какой-либо предметъ, не отзывался также на другія впечатлѣнія. На этомъ больномъ можно было наблюдать среднюю и высшую степень вниманія. Когда больной начиналъ

¹⁾ Глаза направлены влѣво и вверхъ, что соотвѣтствуетъ источнику звуковъ: больной сидѣлъ, а вблизи стояла груша, въ составъ которой входили: пишушія эти строки и врачи клиники.

слушать свои галлюцинаціи, то голова его поворачивалась въ сторону такимъ образомъ, что вертикальная плоскость, проведенная черезъ переднюю часть лица и переднюю часть туловища, составляли между собою уголъ приблизительно около 30 или 40 градусовъ. Эта слуховая поза вполне соответствовала слуховой позѣ на *Фиг. 2-й Табл. VII-й*, т. е. средней силѣ вниманія; при высшей же степени вниманія глаза и вѣки у этого больного были опущены въ противоположную сторону.

Поворотъ глазъ въ сторону звука представляетъ собою самое простѣйшее и первое проявленіе слухового вниманія и, по всему вѣроятію, происходитъ рефлекторно черезъ четверохолміе по путямъ, открытымъ Held'омъ (зрительно-слуховой подкорковый путь). Вѣроятно, подобныя же рефлекторныя связи существуютъ между слуховымъ путемъ и мышцами шеи и туловища (черезъ трапецевидное и сѣтевидное образованіе и обуславливаютъ собою напряженіе произвольной мускулатуры въ актѣ слухового вниманія ¹⁾).

Наблюдаемое въ сильнѣйшихъ степеняхъ слухового вниманія—отклоненіе глазъ внизъ и въ противоположную сторону представляетъ собой, по всей вѣроятности, подавленіе описаннаго выше зрительно-слухового рефлекса и должно быть разсматриваемо, какъ одно изъ явленій заторможенія, стоящее въ связи съ другими явленіями произвольныхъ движеній, о чемъ рѣчь была выше стр 155 и 156-я. Чѣмъ сильнѣе выражено вниманіе, тѣмъ соответственно рѣзче выражено явленіе этого заторможенія. Въ слабыхъ же степеняхъ слухового вниманія рефлексъ не заторможенъ, и самая наличность рефлекса является знакомъ среднихъ и слабѣйшихъ формъ слухового вниманія.

¹⁾ Flehsig. Gehirn u. Seele. ect. pag. 77; а также *ibid.* pag. 76.

Подтвержденіе этому находимъ въ патологическихъ случаяхъ, именно въ общемъ прогрессивномъ параличѣ и у идіотовъ а также у здоровыхъ людей и въ состояніи разсѣянности (т. е. отсутствія вниманія).

У прогрессивныхъ паралитиковъ съ особенной отчетливостью удается слѣдующій опытъ, подтверждающій сказанное сейчасъ. Если держать часы или иной источникъ звука вблизи уха больного и велѣть ему смотрѣть прямо впередъ на намѣченный предметъ, то паралитикъ, несмотря на дѣлаемые усилія, постоянно отклоняетъ глаза и голову въ сторону звука. Эта проба съ особенной отчетливостью наблюдается въ тѣхъ случаяхъ прогрессивнаго паралича, гдѣ слуховое вниманіе нарушено при относительно сохраненіи другихъ видовъ вниманія.

Установка головы при слуховомъ вниманіи является однимъ изъ средствъ для опредѣленія направленія звука. Наблюденія надъ нормальными людьми показываютъ, что это опредѣленіе дѣлается съ большою точностью. Если заставить человѣка при закрытыхъ глазахъ быстро указывать рукой направленіе стуковъ и шумовъ, раздающихся изъ разныхъ точекъ помѣщенія, то можно убѣдиться, что локалізація такъ точна, что ошибка едва ли достигаетъ нѣсколькихъ градусовъ *угловой мѣры*. Подобнаго рода опредѣленія мы сдѣлали не только на здоровыхъ, но и на больныхъ. При этомъ выяснилось, что направленіе звука опредѣляется очень точно даже многими *таблетками*, у которыхъ сильно разстроена ходьба и стояніе при одновременномъ пониженіи всѣхъ родовъ чувствительности на нижнихъ конечностяхъ. Очевидно, что въ этихъ случаяхъ локалізація звуковъ происходитъ въ силу сохраненной *вестибулярной чувствительности* и основанной на ней установкѣ головы. Въ самомъ дѣлѣ, наблюденіемъ можно убѣдиться въ томъ, какую важную роль играютъ

полукружные механизмы въ дѣлѣ слухового вниманія, и въ какой мѣрѣ разстраивается это вниманіе съ нарушеніемъ условій равновѣсія тѣла. Примѣромъ подобныхъ разстройствъ можетъ служить больной, фотографія котораго представлена на *Фиг. 4-й Табл. VII-й*. Первыя проявленія болѣзни у этого прогрессивнаго паралитика, 34 лѣтъ отъ роду, сказались, какъ *Sclerosis Disseminata*, но затѣмъ болѣзнь приняла обычную форму прогрессивнаго паралича съ преобладаніемъ двигательныхъ разстройствъ. Больной этотъ представлялъ типическую картину *слухового невниманія* или *слуховой разстыянности*, основанной на разстройствахъ полукружной иннервации. Острота слуха у этого больного не была понижена, также не наблюдалось глухоты къ словамъ (*Surditas verbalis*), однакоже наблюдался слѣдующій рѣзко выраженный клинической симптомъ: при всякомъ обращеніи къ больному съ вопросомъ голова у него вздрагивала и покачивалась какъ бы отъ нечаянности, и онъ переспрашивалъ: *что?* какъ будто всякій звукъ застигалъ его въ расплохъ, изъ чего было ясно, что ему не доставало установки слухового аппарата, необходимой для вниманія. Движенія головы у этого больного отличались рѣзкостью и порывистостью и давали впечатлѣніе, какъ бы голова его теряла равновѣсіе; явленіе это наблюдалось у даннаго больного только при слуховыхъ впечатлѣніяхъ. Если разговоръ съ больнымъ ведется нѣсколько минутъ, то больной, видимо, устаетъ, причемъ онъ мечется и суетится, и его способность—воспринимать слышимое болѣе затрудняется.

Рисунокъ 4-й на Табл. II-й изображаетъ мальчика, о которомъ была уже рѣчь выше, см. стр. 149, у этого мальчика ясно замѣтенъ одинъ изъ обычныхъ и наиболѣе частыхъ случаевъ вниманія, именно—*комбинація зрительнаго и слухового вниманія*, Его слухъ (лѣвое ухо) обращенъ къ

источнику звуковъ, глаза же скошены въ лѣвую сторону; такимъ образомъ онъ слушаетъ при наилучшихъ условіяхъ и въ то же время видитъ лицо говорящаго. Фигура маленькаго слушателя совершенно неподвижна, судя по отчетливости чертъ лица (фотографія снята въ комнатѣ при неособенно выгодныхъ для съемки условіяхъ, и удача ея обуславливается продолжительной неподвижностью, свойственной слуховому вниманію).

в) Познаніе собственнаго тѣла.

Отъ общихъ покрововъ и слизистыхъ оболочекъ всего тѣла, отъ внутреннихъ органовъ и мышцъ, словомъ—отъ *всего тѣла* направляются *познавательные пути* частью къ верхнимъ ядрамъ спинного мозга (отъ нижнихъ отдѣловъ тѣла), главнѣйшей же частью къ стволу части головного мозга (отъ нижнихъ и верхнихъ частей тѣла). Каждая половина тѣла посылаетъ отдѣльные проводы къ центрамъ; внутренніе же органы, расположенные и въ правой и въ лѣвой половинѣ тѣла, посылаютъ свои центростремительные проводы совместно ¹⁾.

Путь *познанія тѣла* идетъ по двумъ главнымъ русламъ:

первое русло—по заднимъ и боковымъ столбамъ и по прямымъ можжечковымъ путямъ спинного мозга и далѣе черезъ можжечекъ и его верхнія ножки къ красному ядру и отсюда къ зрительному бугру;

второе русло—черезъ продолговатый мозгъ и сѣтевидное образованіе и черезъ главную петлю въ стволъ большого мозга и отсюда къ боковому ядру зрительнаго бугра.

¹⁾ Flechsig. Localisation, pag. 14.

Боковое ядро зрительнаго бугра представляется узловою точкой, гдѣ сближаются всѣ пути. Отъ зрительнаго бугра оба главныя русла идутъ черезъ внутреннюю капсулу къ конечной корковой станціи (именно къ склонамъ Ролландовой борозды). См. рис. 3 Табл. I-й— *Осязаніе*.

Черезъ *первое русло* въ мозговой стволъ вступаетъ небольшою *приводящій путь*, имѣющій однакоже высокое значеніе для *познанія тѣла*,— это преддверная часть слухового нерва (*ramus vestibularis nervi acustici*). Корковыя окончанія этого пути находятся въ области центральныхъ извилинъ ¹⁾.

Въ общей суммѣ весь сложный *путь познанія тѣла* заключаетъ въ себѣ слѣдующія части:

1) Задніе и боковыя столбы спинного мозга (продолженіе всѣхъ чувствит. корешковъ сп. мозга);	} идутъ черезъ главную петлю.
2) преддверный нервъ (<i>nervi vestibularis</i>);	
3) тройничный нервъ (<i>n. trigeminus</i>);	
4) блуждающій нервъ (<i>n. vagus</i>) (несетъ раздраженія отъ большей части внутр. органовъ);	
5) языко-глоточный нервъ (<i>n. glossopharyngeus</i>).	

Таковы данныя, установленныя путемъ эмбриологическаго изслѣдованія. Патологическія данныя вполне совпадаютъ съ эмбриологическими. Въ случаѣ, описанномъ Flechsig'омъ и Hoesel'емъ, гдѣ было размягченіе обѣихъ центральныхъ извилинъ (пятидесятилѣтней давности), вторичному перерожденію подверглись верхнія ножки мозжечка, петлевой слой и стѣвидное образованіе, а также боковое ядро зрительнаго бугра ²⁾.

¹⁾ Flechsig. Localisation, pag. 43—44.

²⁾ Flechsig. Localisation, pag. 26.

Флехсигъ старался возможно точнѣе установить предѣлы какъ этой, такъ и другихъ *областей чувствованія* (Sinnessphäre) и нашель, что *область познанія тѣла* (Körperfühlsphäre) превосходитъ по своимъ размѣрамъ всѣ другія области чувствованія. Этотъ фактъ стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ громадной поверхностью, какую представляетъ вся масса организма—съ кожей, всѣми слизистыми оболочками и внутренними органами; другіе органы чувствъ, напр., зрѣніе имѣетъ небольшихъ размѣровъ концевой аппаратъ—*сытчатку* и соотвѣтственно этому небольшой корковый центръ по склонамъ *fissurae calcarinae*, и, наконецъ, *слухъ* начинается еще меньшимъ концевымъ приборомъ и сообразно этому имѣетъ корковый центръ весьма незначительныхъ размѣровъ ¹⁾).

Корковая *область познанія тѣла*, по Flehsig'у, занимаетъ слѣдующія части: оба склона Ролландовой борозды, парацентральною дольку (но не темянныя дольки!), самую переднюю часть *praecuneae*, заднія части трехъ лобныхъ извилинъ, смежныя съ переднецентральной извилиной, и внутреннюю часть первой лобной извилинки. Последняя часть и, вообще, средняя часть *gyri fornicati* служитъ центромъ для воспріятія *болевыхъ* раздраженій.

Отводящіе (двигательные) *пути* изъ корковой области *познанія тѣла* идутъ по *двумъ* главнымъ русламъ (третье въ точности неизвѣстно). *Первое русло*—это общеизвѣстный *пирамидный путь*. Онъ начинается отъ верхнихъ и среднихъ частей центральныхъ извилинъ, содержитъ въ себѣ нѣсколько милліоновъ отдѣльныхъ проводниковъ и составляетъ главную массу нижняго этажа мозговой ножки. *Второе русло* начинается отъ нижнихъ частей центральныхъ извилинъ и отъ основанія первой,

¹⁾ Flehsig. Gehirn. und Seele., pag. 76.

второй и третьей лобныхъ извилинъ и идетъ къ мостовымъ гангліямъ; это—такъ называемый *лобно-мостовой путь* (frontale Grosshirnrinden—Brüchenbahn, Flechsig). Первое русло направляется къ *мышцамъ конечностей*, второе идетъ къ *мышцамъ затылка, туловища и глазъ*, т. е. къ мышцамъ, которыя получаютъ двустороннюю иннервацію ¹⁾.

Что касается физиологическаго значенія описанныхъ *приводящихъ и отводящихъ* проводниковъ, то судя по органамъ, *изъ которыхъ и къ которымъ* они идутъ, а равно и на основаніи клиническихъ данныхъ, необходимо заключить, что въ центръ познанія тѣла поступаютъ впечатлѣнія между прочимъ и отъ органовъ дыханія, кровообращенія, половыхъ органовъ и пр. (пульсъ, температура тѣла, жажда и др. чувства); и въ свою очередь всѣ эти сферы получаютъ корковую иннервацію ²⁾. Благодаря этому описываемая *область познанія* является источникомъ и центромъ самочувствія.

Поврежденія корковыхъ центровъ разбираемой области могутъ привести къ разстройству всѣхъ видовъ кожной чувствительности, мышечной чувствительности, а также и общаго чувства въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова.

Корковая область познанія тѣла развивается раньше всѣхъ другихъ познавательныхъ центровъ и путей (зрительныхъ, слуховыхъ, обонятельныхъ и вкусовыхъ).

Внѣшняя картина, представляемая субъектомъ, вниманіе котораго направлено на *одно изъ ощущеній*, относящихся къ познанію тѣла, очень характерна. Мы приведемъ два примѣра: *мышечно-осязательное вниманіе* и *чувственное воспріятіе*. Мышечно-осязательное вниманіе вы-

¹⁾ Flechsig. Gehirn. u. Seele ect., pag. 65—66.

²⁾ Flechsig. Localisation, ect., pag. 33.

ступаётъ съ особенной ясностью въ тѣхъ случаяхъ, когда субъектъ лишень зрѣнія, и область тѣлеснаго познанія и вниманія должна замѣнять собою отсутствующее зрительное познаніе. Такую картину представляетъ слѣпой. За недостаткомъ собственныхъ фотографій, снятыхъ со слѣпцовъ, мы воспользуемся картиной В. Piglhein'a—«Слѣпая», снимокъ которой воспроизведенъ на *Таблицѣ VI-й*. Отличительную черту позы и походки у слѣпыхъ составляетъ рѣзкое, исключительное напряженіе всѣхъ мышцъ туловища, въ особенности же мышцъ затылочныхъ и спинныхъ. Напряженіе это придаетъ какъ всему тѣлу, такъ и головѣ особую неподвижность. Вѣроятно, такимъ положеніемъ достигается двоякая цѣль: неподвижность головы обезпечиваетъ необходимую для слѣплого точность слуховыхъ и вестибулярныхъ воспріятій (см. выше стр. 155—157); неподвижностью же туловища дается надлежащая точка опоры для осязательныхъ манипуляцій руки. Если слѣпой беретъ въ руки палку, что большею частью и бываетъ, то этимъ приспособленіемъ еще болѣе расширяется для него въ пространствѣ область осязательнаго познанія, и устраняется опасность непосредственнаго соприкосновенія съ встрѣчающимися на пути предметами. Весьма вѣроятно, что наблюдаемый у слѣпыхъ отгѣнокъ въ положеніи туловища, именно—особенное выпрямленіе спины, указываетъ на скрытую готовность или заготовленную иннервацию, имѣющую своей цѣлью попятное движеніе при встрѣчѣ съ препятствіемъ.

Патологія подтверждаетъ сказанное сейчасъ.

Наблюденія надъ идіотами и прогрессивными паралитиками показываютъ, что дѣятельность тѣлеснаго познанія можетъ быть у нихъ болѣе или менѣе нарушена, и это отражается на ихъ позѣ очевиднымъ образомъ. *Фигура 8-я* на *Табл. VIII-ой* представляетъ идіота съ рѣз-

ко искривленной позой, естественной и привычной для этого субъекта. То же замѣчаемъ на *Фиг. 7-й Табл. VIII*; также на *Фиг. 6-й, 2-ой* и на *Фиг. 3-ей*. Подобная же поза нерѣдко замѣчается и у прогрессивныхъ паралитиковъ. Общими чертами во всѣхъ этихъ случаяхъ являются слабое напряженіе лицевой мускулатуры, въ томъ числѣ въ особенности слабость круговой мышцы рта (открытый ротъ) и слабое напряженіе круговой мышцы глазъ или же мышцы, поднимающей верхнее вѣко (*levator palpebrae sup.*); въ области же туловища слабое напряженіе спинныхъ и шейныхъ мышцъ.

На *Табл. VI* изображено *осязательное познаніе и вниманіе*, или иными словами: изображено познаніе возбужденій, идущихъ отъ костей, мышцъ и пр. и отъ полукружныхъ каналовъ. Воспріятіе и познаніе этихъ возбужденій придаетъ всему внѣшнему виду необыкновенно рѣзкій отпечатокъ. Въ свою очередь не менѣе рѣзкую и отчетливую картину представляетъ внѣшній видъ челоуѣка при воспріятіи имъ ощущеній, идущихъ отъ внутреннихъ органовъ, напр., ощущеній, относящихся къ чувственности. Для поясненія прилагаемъ снимокъ (*Табл. IX-я*) съ извѣстной картины Ліонардо да Винчи: *Скромность и Тщеславіе*. Геніальный художникъ представилъ подъ именемъ Тщеславія женщину, которая олицетворяетъ собою — *чувственность и любовь къ жизни* ¹⁾. Отличительныя черты этой фигуры слѣдующія: вялость всей мускулатуры лица и туловища и, вслѣдствіе этого, пассивность всей фигуры, томный (утомленный) взоръ, отсутствіе признаковъ, указывающихъ на зрительное или слуховое внима-

¹⁾ Ліонардо да Винчи и его произведенія. Классики живописи (Собраніе замѣчательныхъ произведеній художниковъ съ біографіями и ихъ объяснительнымъ текстомъ). Спб., 1880. Картина IX-я.

ніе; единственной. дѣятельной чертой на фізіогноміи является сокращеніе мышцъ, расширяющихъ ноздри, что указываетъ на усиленное дыханіе, свойственное возбужденной чувственности.

Область *познанія тѣла* стоитъ въ самомъ тѣсномъ соотношеніи съ чувствомъ, и тѣлесное познаніе сопровождается болѣе яснымъ самочувствіемъ, чѣмъ всѣ другіе виды воспріятія. Въ силу этого мы судимъ о настроеніи духа по внѣшнему виду и позѣ человѣка. Въ виду же связи, существующей между различными познавательными сферами ¹⁾, мы судимъ о присутствіи или отсутствіи вниманія вообще, основываясь на томъ, что дается мимикой и позой, т. е. мы руководимся признаками, относящимися къ сферѣ тѣлеснаго познанія. Такимъ образомъ вниманіе и разсѣянность, умственная свѣжесть и психическое утомленіе болѣе всего отражаются чрезъ аппараты тѣлеснаго познанія. По позѣ человѣка мы судимъ о его настроеніи, даже не видя его лица, напр., при наблюденіи походки человѣка сзади. Значеніе мимики и въ особенности позъ опредѣляется многочисленными выраженіями, свойственными описательной рѣчи. Таковы выраженія — *смѣлая поза, скромная поза, трусливья и нерышительныя движенія, дерзкая поза, высокомерный видъ, достоинство въ лицѣ и во встѣхъ движеніяхъ, шривая поза и движенія, недовольство въ лицѣ и во всемъ внѣшнемъ видѣ, осторожность* и т. п.

г. д) **Обонятельное и вкусовое познаніе.**

Корковое мѣсто *вкусовыхъ воспріятій* не опредѣлено съ точностью, для обонятельныхъ же воспріятій извѣстно съ точностью на основаніи метода развитія. Обонятель-

²⁾ Flehsig. Gehirn u. Seele ect., pag. 72.

ный корковый центръ расположенъ двумя участками, именно въ лобной и височной доляхъ мозга. Въ первой онъ занимаетъ всю заднюю часть лобной доли (на орбитальной поверхности) и нижнюю часть *gyru fornicati*, во второй—*кловъ* (*Uncus*) и смежныя части височной доли. Обѣ части сливаются на нижней части островка.

Отъ лобнаго и височнаго участковъ идутъ пути къ чечевичному ядру и зрительному бугру. Они представляютъ собою *отводящiе* (двигательные) пути для движеній головы ¹⁾.

Обонятельное познаніе у человѣка не играетъ такой роли, какъ у животныхъ: оно имѣетъ явное значеніе при совмѣстной дѣятельности съ вкусовымъ воспріятіемъ.

Вкусовое воспріятіе, подобно обонятельному, характеризуется у человѣка небольшимъ числомъ и незначительнымъ разнообразіемъ движеній, входящихъ въ составъ познавательнаго акта. Движенія эти соотвѣтствуютъ опредѣленнымъ обонятельнымъ и вкусовымъ разницамъ, что обозначается словами—*горькій, сладкій, соленый*; а въ отношеніи запаховъ словами—*пріятный, непріятный, одуряющій, отвратительный, ароматическій и т. д.*

Хотя качественныя разницы обонятельныхъ и зрительныхъ воспріятій немногочисленны въ опредѣленіяхъ человѣческаго языка, но онѣ имѣютъ важное значеніе, входя, какъ составная часть, въ широкую область познанія тѣла. Объ этомъ рѣчь будетъ дальше.

Въ дополненіе къ изложенному касательно установки аппаратовъ воспріятія при зрительномъ, слуховомъ и другихъ видахъ вниманія, считаемъ нужнымъ указать на работу Steiner'a: *Sinnessphären und Bevegungen* ²⁾. Въ своихъ

¹⁾ Flehsig. Localis. ect, pag. 35—36.

²⁾ Pflüg. Arch. Band 50, Seite 603—614.

экспериментахъ надъ животными онъ нашель, что, при электрическомъ раздраженіи областей чувствованія мозговой коры, происходятъ движенія головы, глазъ, ушей, туловища и пр. Движенія эти, какъ утверждаетъ Steiner, происходятъ безъ посредства такъ называемой двигательной области коры, но совершаются непосредственно при раздраженіи соотвѣтственныхъ *чувственныхъ областей* и идутъ прямо отъ этихъ областей къ подкорковымъ центрамъ ¹⁾. Слѣд. каждая область чувствованія имѣетъ у себя подъ рукой свои двигательные (исполнительные) органы.

III. Высшіе, совершеннѣйшіе приборы познанія.

Выше нами были рассмотрѣны *приборы первобытнаго познанія* (I) и *приборы спеціально усовершенствованнаго познанія* (II) съ указаніемъ на локализацию первыхъ въ стволовой части мозга, а вторыхъ—въ чувственныхъ областяхъ мозговой коры. Теперь мы переходимъ къ описанію высшихъ, совершеннѣйшихъ приборовъ познанія. Самую существенную черту этихъ приборовъ составляетъ то, что они не находятся въ прямой связи съ внѣшними органами чувствъ, но связаны только съ областями чувствованія въ корѣ, которыя служатъ какъ-бы периферическимъ органомъ, откуда исходятъ для нихъ возбужденія. Мысль о существованіи этихъ высшихъ органовъ познанія не есть простое предположеніе, но—фактъ, имѣющій полную достовѣрность. Съ точки зрѣнія нервно-психической патологии существованіе органовъ высшаго познанія неоспоримо доказывается тѣмъ, что познаніе это можетъ быть уничтожено или разстроено при сохраненіи описанныхъ нами простѣйшихъ видовъ познанія. Этотъ патологическій

¹⁾ Ibid. Seite 611.

фактъ съ очевидностью можно наблюдать въ тяжелыхъ случаяхъ идиотизма и слабоумія. Флексигу принадлежитъ великая заслуга открытія этихъ центровъ и ихъ локализации въ мозгу. Согласно анатомическимъ изслѣдованіямъ Флексига, существуетъ два высшихъ или *ассоціативныхъ* центра, какъ ихъ называетъ Флексигъ. См. рис. 3-й на Табл. I-й. *Задній*, большой *ассоціативный* центръ занимаетъ область praesupеі, теменная доля, часть *giri lingualis et fusiformis*, вторую и третью височныя извилинки и, наконецъ, переднія части трехъ затылочныхъ извилинъ. *Передній ассоціативный* центръ занимаетъ переднюю часть первой и большую часть второй лобной извилины. Къ переднему ассоціативному центру относится островокъ (*insula Reilii*), но онъ можетъ быть разсматриваемъ и какъ самостоятельный центръ (рѣчи). Ассоціативные центры въ общей сложности занимаютъ двѣ трети мозговой коры. Ихъ фізіологическая роль, по мнѣнію Флексига, состоитъ въ объединеніи и сочетаніи дѣятельности сферъ чувствованія, причемъ задній центръ назначенъ для переработки впечатлѣній, полученныхъ отъ органовъ зрѣнія, слуха, обонянія, передній—для переработки впечатлѣній, получаемыхъ отъ собственного тѣла (кожа, слизистыя оболочки, внутр. органы, мышцы и проч.).

Въ противоположность дѣятельности чувственныхъ сферъ, которая называется видѣніемъ, слышаніемъ, осязаніемъ, обоняніемъ и т. д.,—дѣятельность ассоціативныхъ центровъ называютъ *думой или мыслью*; когда мы говоримъ о наблюдаемомъ субъектѣ, что онъ погруженъ въ думу, что онъ сосредоточился въ самомъ себѣ, то этимъ мы хотимъ засвидѣтельствовать тотъ фактъ, что наблюдаемый нами субъектъ занятъ *не воспріятіемъ внѣшнихъ впечатлѣній, но высшей психической работой*. Какими внѣшними признаками и проявленіями характеризуется эта

высшая психическая дѣятельность? Вопросъ этотъ имѣетъ важное значеніе не только для психологіи, но и для психіатріи и для воспитанія. Разсмотрѣнію его посвящены главнымъ образомъ эти строки.

Однакоже, прежде чѣмъ перейти къ описанію внѣшнихъ признаковъ высшаго мышленія, мы остановимся на рѣшеніи вопроса: существуетъ-ли высшее познаніе, какъ совершенно самостоятельный видъ психической дѣятельности, и можно-ли ее наблюдать въ *чистомъ видѣ*? Въ чистомъ видѣ его можно наблюдать весьма рѣдко, такъ какъ обыкновенно, на ряду съ внутренней работой, продолжается и дѣятельность внѣшнихъ органовъ чувствъ, т. е. человѣкъ продолжаетъ видѣть, слышать и т. д. Правда, дѣятельность чувствъ, при глубокой думѣ, можетъ становиться все меньше и меньше. Человѣкъ, погруженный въ думу, мало воспринимаетъ внѣшнихъ впечатлѣній: Джонъ Стюартъ Милль, обдумывая свои философскіе трактаты во время прогулокъ по шумнымъ улицамъ Лондона, мало замѣчалъ улицы, по которымъ шелъ, и не опредѣлялъ протекшаго времени. Подобное состояніе углубленія въ себя можетъ быть доведено до такой высокой степени, при которой почти вполнѣ отсутствуютъ внѣшнія воспріятія и остается одна только внутренняя работа. Это состояніе называется *экстазомъ*. Экстазъ представляетъ какъ-бы экспериментъ наблюдателя надъ самимъ собою. Многочисленные примѣры экстаза, описанные на основаніи самонаблюденій, извѣстны съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Экстазъ описанъ древними индійскими философами; затѣмъ многочисленныя описанія экстаза встрѣчаемъ у греческихъ христіанскихъ писателей, наконецъ, одно изъ самыхъ тонкихъ описаній экстаза принадлежитъ святой Терезѣ. Эта гениальная женщина, часто впадавшая въ религіозный экстазъ, ознакомилась эмпирически съ пріемами,

помощью которыхъ можно входить въ это состояніе, и тонкими художественными чертами обрисовала сущность и подробности экстаза. Вотъ одно изъ описаній: «Часто мое тѣло дѣлалось до того легкимъ, что совершенно утрачивало свою тяжесть, иногда это доходило до того, что я не чувствовала прикосновенія своихъ ногъ къ землѣ. До тѣхъ поръ, пока тѣло находится въ состояніи восхищенія, оно остается какъ мертвое и нерѣдко лишается абсолютно всякой способности дѣйствовать. Оно остается въ томъ положеніи, въ какомъ было внезапно застигнуто, т. е. въ сидячемъ и стоячемъ, со сложенными или распростертыми руками, словомъ какъ оно было въ тотъ моментъ, когда его охватило восхищеніе. При этомъ обыкновенно не лишаешься дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, но мнѣ, продолжаетъ Тереза, случалось вполнѣ ее терять, правда, изрѣдка и на короткое время. Чаше дѣятельность чувствъ остается, но подвергается значительному разстройству. Хотя и лишаешься способности проявлять внѣшнюю дѣятельность, говоритъ Тереза, но ее теряешь окончательно слухъ, однакоже слышимое кажется какимъ-то отдаленнымъ неяснымъ звукомъ. Но когда экстазъ достигаетъ высшей степени, слухъ вполнѣ утрачивается... и тогда ничего не видишь, не слышишь и не чувствуешь» ¹⁾).

Изъ приведеннаго описанія, а равно изъ многочисленныхъ описаній экстаза у индійскихъ и греческихъ философовъ (новоплатониковъ) выясняется тотъ фактъ, что въ экстазѣ уменьшается и даже почти прекращается дѣятельность центровъ чувствованія въ мозговой корѣ и психическая дѣятельность становится по-преимуществу или исключительно сконцентрированной на отвлеченной думѣ.

¹⁾ Oucvres de Sainte Tèrèse. Troisième édition. Tome I. Paris, 1884 года, Pag. 226—227.

Хотя экстазь въ наши дни уже не практикуется, но широкое распространеніе его въ минувшіе вѣка религіозной и философской жизни показываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ фізіологическимъ или психопатическимъ явленіемъ, которое при помощи опредѣленныхъ пріемовъ можетъ быть воспроизведено, какъ экспериментъ. Существенными внѣшними чертами экстаза являются: *неподвижность тѣла и приостановка внѣшнихъ воспріятій*.

Если мы отъ экстаза, какъ явленія полупатологическаго или исключительнаго, перейдемъ къ разсмотрѣнію того, что наблюдается при глубокой думѣ,—при сосредоточеніи на предметъ, то можемъ усмотрѣть нѣкоторыя сходственныя черты между явленіями обоого рода.

Напряженная дума характеризуется прежде всего *неподвижностью тѣла*. Эта черта передается на фотографіяхъ и замѣчена всѣми художниками. Неподвижность свидѣтельствуеъ о напряженіи вниманія. При изложеніи зрительнаго, слухового и другихъ видовъ вниманія мы видѣли, что всѣ простѣйшіе виды вниманія также сопровождаются относительной неподвижностью тѣла. Такимъ образомъ, эта черта является общимъ условіемъ какъ для вниманія, направленнаго на внѣшніе предметы, такъ и для вниманія, сосредоточеннаго на внутреннихъ актахъ. Эта неподвижность тѣла легко можетъ быть опредѣлена на фотографическихъ снимкахъ, но она также хорошо подмѣчена великими художниками. На фотографіяхъ и на картинахъ художниковъ о *неподвижности* можно судить по особенной *отчетливости*, съ какою переданы черты темныхъ и мало освѣщенныхъ частей тѣла; напр. глазъ, зрачковъ, волосковъ и особенно затѣненныхъ частей. *Отчетливость* свидѣтельствуеъ о томъ, что объективъ фотографическаго прибора или глазъ художника имѣли предъ собою неподвижный, застывшій объектъ.

Для поясненія сказаннаго приводимъ (см. табл. X-я) фототипическіе снимки съ картины Васнецова «Несторъ Лѣтописецъ», съ портрета французской художницы E. Vigée le Brun и съ старинной картины художника Giovanni Antonio Voltraffio. Всѣ три фототипіи представляютъ изображеніе *думы*. Voltraffio трактуетъ одну изъ любимѣйшихъ темъ художниковъ всѣхъ временъ—глубокую думу Маріи о судьбѣ Младенца Иисуса. Несторъ Васнецова изображенъ среди письменной работы, которую онъ прервалъ, предавшись глубокому размышленію. Художница E. Vigée le Brun обняла свою дочь и остается неподвижной, со взоромъ, направленнымъ неооредѣленно вдаль. Въ дополненіе къ поименованнымъ тремъ фототипіямъ можемъ прибавить указаніе на скульптурное изображеніе М. М. Антокольскаго «Несторъ Лѣтописецъ», и на статую Первушина «Пушкинъ».

На всѣхъ поименованныхъ сейчасъ художественныхъ произведеніяхъ изображена неподвижность. Неподвижность эта, однако-же, не имѣетъ характера явленія пассивнаго, зависящаго отъ слабости или недостаточной дѣятельности мускулатуры; напротивъ, она отличается всѣми свойствами явленія активнаго, которое выражается подавленіемъ естественной подвижности организма. Признакъ этотъ ясно представленъ въ картинѣ Божіей Матери Voltraffio. Богоматерь изображена въ тотъ моментъ, когда Она, подъ вліяніемъ охватившей Ее глубокой думы, прервала актъ кормленія ребенка и, съ незакрытой грудью, замерла въ неподвижной позѣ: Ея взоръ опущенъ внизъ и проходитъ мимо Младенца, Котораго Она держитъ на рукахъ; Она сосредоточилась въ Себѣ и ни на что не смотритъ, не обращаетъ вниманія на Своего Младенца, вся охваченная своей глубокой думой.

Вторую отличительную черту думы составляет взоръ, опущенный внизъ или направленный неопредѣленно вдаль. Опущеніе взора внизъ составляетъ одинъ изъ самыхъ типичныхъ признаковъ думы, и чѣмъ глубже дума, тѣмъ взоръ является больше опущеннымъ, причемъ голова наклоняется, вѣки опускаются. Въ такомъ положеніи человѣкъ можетъ видѣть только предметы, находящіеся у его ногъ; весь же обширный горизонтъ зрѣнія остается для него недоступнымъ. Очевидно, что глубокая дума требуетъ полного исключенія зрительныхъ актовъ, и это достигается опущеніемъ взора.

Опущеніе взора внизъ является самымъ классическимъ признакомъ глубокой думы. Однакоже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при глубокой думѣ взоръ бываетъ не опущенъ, а поднятъ вверхъ, какъ это видимъ на портретѣ французской художницы Vigée le Brun. Хотя подобное положеніе взора представляется съ перваго взгляда какъ бы противорѣчащимъ основному условію думы—исключенію зрительныхъ актовъ, но въ сущности и оно, въ свою очередь, есть также удаленіе взора отъ обычнаго поля зрѣнія. Такъ какъ съ подъемомъ глазъ вверхъ изъ поля зрѣнія исключаются предметы, находящіеся на поверхности земли, то очевидно, что и опущеніемъ, и подъемомъ взора достигается та же цѣль—удаленіе взора отъ видимыхъ предметовъ. Тождественное значеніе опущенія и поднятія взора съ очевидностію выступаетъ на картинѣ Васнецова: «*Несторъ летописецъ*». У Нестора голова слегка опущена, а глаза исподлобья направлены вверхъ, т. е. здѣсь соединены вмѣстѣ обѣ противоположныя модификаціи. Но болѣе всего тождественное значеніе обоихъ признаковъ доказывается тѣмъ фактомъ, ежедневно наблюдаемымъ, что при усиліяхъ что-либо припомнить, взоръ или *опущенъ внизъ*, или наоборотъ *приподнятъ вверхъ*. Это

превосходно передано въ картинѣ Богданова-Бѣльскаго «Устный Счетъ»¹⁾— Такимъ образомъ *существеннымъ внешнимъ признакомъ думы является отклоненіе взора отъ видимыхъ предметовъ*, направленіе же глазъ вверхъ или внизъ составляетъ уже признакъ второстепенный, зависящій по всей вѣроятности отъ того настроенія духа, которое навѣяно думой: именно голова и взоръ *опускаются* при думѣ или раздумѣ печальнаго или вообще серьезнаго содержанія и *подымаются* при думахъ противоположнаго характера.

Дальнѣйшимъ (третьимъ) признакомъ думы является положеніе глазныхъ осей и состояніе зрачковъ. Глазныя оси никогда не бываютъ сведены, но остаются параллельными. Еще болѣе рѣзки тѣ измѣненія, которыя наблюдаются въ зрачкахъ: онѣ состоятъ въ томъ что при всякомъ мыслительномъ напряженіи зрачки расширяются вслѣдствіе уменьшенія или полной пріостановки аккомодациі. Въ этомъ можно убѣдиться наблюденіемъ. Если субъекту, надъ которымъ дѣлають подобный опытъ, предложить сдѣлать счетъ въ умѣ или вообразить какой-либо опредѣленный предметъ, находящійся вдали (улицу, домъ, рѣку), то можно тотчасъ замѣтить расширение зрачковъ. Подобнаго рода наблюденія были предметомъ точной физиологической провѣрки при помощи офтальмометра. Такая работа сдѣлана Heinrich'омъ²⁾ въ лабораторіи Вѣнскаго физиологическаго Института. Этотъ наблюдатель убѣдился самымъ точнымъ образомъ, что, при внутренней мыслительной работѣ, аккомодациія не только ослабляется, но совершенно прекращается, и зрачекъ вслѣдствіе этого становится даже болѣе широкимъ, чѣмъ это бываетъ при

¹⁾ См. томъ III-й этого Сборника стр. 183.

²⁾ W. Heinrich. Zeitschr. f. Psychol. u. Physiol. d. Sinnesorg. Bd. IX.

смотрѣннiи вдаль, такъ что состоянiе зрачка напоминаетъ атропинизированный глазъ.

Такимъ образомъ внутренняя мыслительная работа сопровождается полнымъ прекращенiемъ аккомодации, полнымъ прекращенiемъ сведенiя глазныхъ осей и, кромѣ того, отклоненiемъ взора отъ видимыхъ предметовъ зрительнаго вниманiя т. е. отсутствиемъ всѣхъ признаковъ, которые изложены выше, см. стр. 146—152. При этомъ существенное значенiе имѣетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ три указанные признака составляютъ явленiя активныя. Что касается послѣдняго признака т. е. отклоненiя взора отъ предметовъ, то уже по самому внѣшнему виду этого явленiя представляется несомнѣнной активная природа его. То же должно сказать и объ остальныхъ двухъ актахъ, въ особенности принимая во вниманiе, что фиксированiе предметовъ глазами (сведенiе осей) и взоромъ (аккомодация) представляютъ собой столь глубоко укоренившiеся и привычныя волевые акты, что они стали почти рефлекторными. Для отстраненiя такихъ актовъ необходимо значительное волевое напряженiе; оно несомнѣнно существуетъ и является, въ качествѣ физиологической задержки, истиннымъ субстратомъ мыслительнаго вниманiя, наряду съ отклоненiемъ взора отъ предметовъ. Изъ приведеннаго анализа необходимо заключить, что въ составъ мыслительнаго вниманiя входитъ активная задержка тѣхъ движенiй, которыя необходимы для дѣятельной установки органа зрѣнiя, и сверхъ того необходимо активное устраненiе самой возможности видѣть предметы.

Можно убѣдиться, что у человѣка, погруженнаго въ думу, прiостанавливается не только дѣятельность зрительнаго вниманiя, но, равнымъ образомъ, дѣятельность слухового вниманiя, мышечно - осязательнаго и вообще

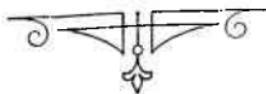
всѣхъ видовъ вниманія, связаннаго съ работой органовъ чувствъ.

Изъ сравнительнаго сопоставленія двухъ видовъ вниманія, направленнаго на внѣшніе предметы, и вниманія, сосредоточеннаго на внутреннихъ (умственныхъ) актахъ, видимъ, что существеннымъ признакомъ внѣшняго вниманія является дѣятельная установка одного изъ органовъ чувствъ (глаза, уха), смотря по роду вниманія; основнымъ же признакомъ внутренняго вниманія выступатъ полное устраненіе, или полная задержка этой установки, выраженная въ такихъ размѣрахъ, въ коихъ она никогда не наблюдается безъ этого. Общимъ для обоихъ видовъ вниманія является *напряженіе мускулатуры тѣла*, придающее внимательному субъекту отпечатокъ напряженной неподвижности. Отсутствіе же напряженія мускулатуры тотчасъ придаетъ фигурѣ печать разсѣянности, или невниманія. Самая степень напряженія мускулатуры служитъ мѣриломъ степени вниманія.

Неподражаемые образцы художественнаго изображенія различныхъ видовъ вниманія находимъ въ произведеніяхъ Леонардо-да-Винчи. У этого художника, а также у Микель Анджело мы встрѣчаемъ множество, такъ называемыхъ, энергическихъ фигуръ. Разборъ частныхъ признаковъ, характеризующихъ эти фигуры, показываетъ присутствіе въ нихъ то *внѣшняю*, то еще чаще *внутреннюю* вниманія. У третьяго великаго представителя художественной тріады—у Рафаэля встрѣчаемъ по преимуществу фигуры, полныя тонкихъ и глубокихъ чувствъ.

Примѣненіе къ психологіи данныхъ, касающихся внѣшняго и внутренняго вниманія, можетъ, по нашему

мнѣнію, внести въ эту опытную науку рядъ новыхъ, болѣе точныхъ данныхъ и признаковъ и послужить основаніемъ очевидной и неоспоримой объективности. Этимъ оправдывается рядъ психологическихъ очерковъ, которые мы предложили вниманію читателя въ III-й, IV-й и въ настоящей V-й книжкѣ «Сборника» и гдѣ матеріаломъ послужили то художественныя изображенія, то фотографіи.

ТАБЛИЦА П-я.

Фигура 1-я и *2-я* изображаютъ одного и того-же ребенка, 10 мѣсяцевъ отъ роду. (Ср. стр. 142).

На *Фигурѣ 1-й* замѣчается весьма рѣзкое для ребенка сокращеніе мышцы, сморщивающей брови (*m. corrugator supercilii*), что ясно выражается въ косомъ положеніи бровей съ подъемомъ внутреннихъ угловъ ихъ; кромѣ того замѣчается сокращеніе *квадратныхъ мышцъ верхней губы* (*quadr. lab. sup.*) слѣва болѣе, нежели справа, что выражается подъемомъ верхней губы, выраженнымъ болѣе съ лѣвой стороны.—Такимъ образомъ на лицѣ, судя по описанной мимикѣ,—*печаль* (*corrugator*) и состояніе, близкое къ *слезамъ* (*quadr. lab. sup.*).

Фигура 2-я изображаетъ яркую радость, что видно по рѣзкому сокращенію нижней *орбитальной мышцы* совмѣстно съ рѣзкимъ же сокращеніемъ *большой скуловой мышцы* (*m. zyg. major*). Слегка высунутый языкъ указываетъ на дѣтскую форму радости, которая охватываетъ не только лицевую мускулатуру, но и многія другія мышцы.

Фигура 3-я выражаетъ смѣсь разнообразныхъ чувствъ (см. стр. 142); въ особенности ясно отпечатлѣны: неудовольствіе (вытянутые губы), печаль, ожиданіе, чувство долга и проч.

Фигура 4-я изображаетъ въ отчетливыхъ формахъ *зрительно-слуховое вниманіе* (см. стр. 149-я, а также на стр. 160).

Примѣчаніе. Мальчикъ, изображенный на *Фигурѣ 3-й* въ стоячемъ положеніи и на *Фигурѣ 4-й* въ сидячемъ, представляетъ собою ? одного и того-же субъекта (годъ спустя).

Таблица II-я.

Фиг. 1

Фиг. 2.

Фиг. 3

Фиг. 4

Таблица III-я.

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Фиг. 3.

Фиг. 4.

ТАБЛИЦА III-я.

Фигура 1-я изображаетъ фотографію идіота.

Мимика: рѣзче всего выражено сокращеніе *мышцы, сдвигающей брови* (corrugator supercillii) и *пирамидальной мышцы носа* (pyramidalis nasi),—что соотвѣтствуетъ состоянію *печали и злобности*, или *неудовольствію и злобности*.

Ротъ полуоткрытъ, что указываетъ на преобладаніе *чувства надъ волей*; то же подтверждается и неравномѣрнымъ сокращеніемъ мускулатуры на обѣихъ половинахъ лица,—что въ особенности замѣтно на круговой мышцѣ глаза.

Фигура 2-я изображаетъ идіота, съ улыбкой во весь ротъ. Зрачки зарисованы *бликами* и неясно очерчены.

Фигура 3-я представляетъ собою идіота, 40 лѣтъ, весьма ограниченнаго, знающаго не болѣе 10 словъ. Его улыбка крайне *атипична*; такъ какъ въ составъ ея входятъ не только мышцы, соотвѣтствующія смѣху, но также мышцы, соотвѣтствующія дурному расположенію духа (quadr. lab. sup.). Мимика крайне рѣзка, что указываетъ на отсутствіе сдерживающаго вліянія воли.

Фигура 4-я изображаетъ двухъ идіотовъ изъ Кирилловскихъ Богоугодныхъ заведеній въ Кіевѣ. У одной изъ нихъ (что въ платкѣ) мимика такъ же атипична, какъ и у идіота на *Фигурѣ 3-й*. У этой идіотки, а также у идіота на *Фигурѣ 3-й* верхняя губа поднята очень высоко до обнаженія корней зубовъ и десенъ,—что соотвѣтствуетъ сокращенію квадратной мышцы верхней губы, однакоже эта мышца не должна участвовать въ смѣхѣ. Улыбка-же идіота, изображеннаго на *Фигурѣ 2-й* болѣе естественна.

ТАБЛИЦА IV-я.

Фишра 1-я—воспитанникъ учебнаго заведенія, 18 лѣтъ, мышцы лица, въ особенности нижняя орбитальная мышца и круговая мышца рта напряжены слабо (явленія нѣкоторой усталости вслѣдствіе усиленныхъ занятій во время экзаменовъ). На границѣ радужной оболочки и зрачка слѣва замѣчаемъ по одному отчетливому блику, а на самомъ зрачкѣ въ лупу можно замѣтить по одному крошечному блику отъ случайнаго источника свѣта. Какъ зрачекъ, такъ и блики отличаются отчетливостью,—что свидѣтельствуесть о неподвижности взора при зрительномъ вниманіи (ср. стр. 148).

Фишра 2-я представляетъ портретъ работы Дюрера (см. стр. 148—149). Къ сожалѣнію, фототипія вышла не вполне удачной, и пяти бликовъ не замѣтно на ней, а лишь отчетливо видны по одному блику на зрачкѣ, въ дѣйствительности на картинѣ художника представлены по пяти бликовъ. Въ остальномъ картина отчетлива, въ особенности отчетливо выступаютъ зрачки и радужная оболочка при рѣзкомъ напряженіи всей лицевой мускулатуры.

Сравненіе 1-й и 2-й *Фишры* весьма поучительно, указывая на слабость лицевой мускулатуры въ *Фишрѣ 1-й* и на силу въ *Фишрѣ 2-й* (усталость и энергія).

Фишра 3-я представляетъ собою ребенка, 5 лѣтъ, идіота (см. стр. 144 сверху). Черты лица и руки вышли неясно вслѣдствіе движенія, вызваннаго его необузданной радостью; ротъ его искривленъ вслѣдствіе болѣе сильнаго напряженія мышцъ на правой сторонѣ лица.

Фишра 4-я, мальчикъ, 14 лѣтъ, страдавшій тяжелымъ суставнымъ ревматизмомъ съ атрофіей мышцъ. Онъ малокровенъ, исхудалъ и измученъ болями. Взоръ усталый, движенія глазъ вялы, блики на черныхъ глазахъ отчетливо видны (ср. стр. 152).

Таблица IV.

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Фиг. 3.

Фиг. 4.

Таблица V.

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Фиг. 3.

Фиг. 4.

ТАБЛИЦА V-я.

Фигура 1-я—учительница, 29 лѣтъ—впала во вторичное слабоуміе послѣ тяжелой *острой тупьлости* (см. стр. 151). Всѣ мышцы лица слабо напряжены, въ особенности *круговая мышца рта*; нижняя челюсть опущена; ротъ полуоткрытъ. Напряженіе лобной мускулатуры достаточно ясно выражено и стоитъ въ контрастѣ съ слабымъ напряженіемъ лицевой мускулатуры. Отношеніе это является обычнымъ во всѣхъ видахъ слабоумія, какъ было нами разъяснено въ статьѣ «indices physiognomiques de la demence». N. Iconographie de la Salpêtrière t. VI. Зрачки и блики весьма неотчетливы вслѣдствіе неустойчивости глазъ.

Фигура 2-я—идіотъ, 52 лѣтъ, Никита Болотниковъ. (См. стр. 150—151). Зрачки не ясны и зарисованы безпорядочными бликами.

Фигура 3-я (Ср. стр. 151) представляетъ врожденное слабоуміе, *imbecillitas*. Зрачки не отчетливы и зарисованы безпорядочными бликами.

Фигура 4-я представляетъ прогрессивнаго паралитика съ бредомъ величія, но безъ разстройствъ рѣчи. (См. стр. 151). Контуры зрачковъ не правильны, глаза зарисованы безпорядочными бликами.

ТАБЛИЦА VI-я.

Слѣпая съ картины В. Piglhein'a. (См. стр. 166).

Фигура нарисована идущей; въ лѣвой рукѣ держитъ длинную палку, посредствомъ которой осязаетъ путь; вся фигура выпрямлена и вытянута. Воротъ широко растегнутъ, шея вытянута, по всей вѣроятности съ тою цѣлью, чтобы отчетливѣе и безъ помѣхи воспринимать слуховыя и вестибулярныя впечатлѣнія, и чтобы шорохъ платья не мѣшалъ прислушиваться ухомъ и осязать полукружными каналами.

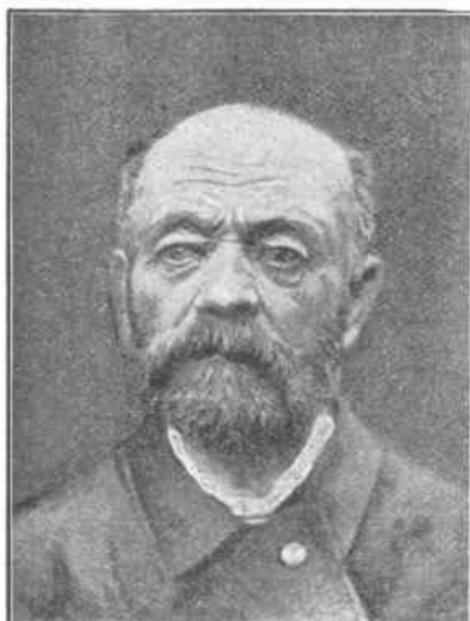

Таблица VI.

Слѣпая.

Таблица VII.

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Фиг. 3.

Фиг. 4.

ТАБЛИЦА VII-я

Фишурь 1-я, 2-я и 3-я представляют одного и того же субъекта въ различныхъ фазахъ слухового вниманія (см. стр. 156—157).

Фишурь 1-я изображаетъ едва замѣтные слѣды слухового вниманія и представляетъ скорѣе образецъ обычнаго состоянія этого субъекта. *Фишурь 2-я* изображаетъ *среднюю степень* слухового вниманія; *Фишурь 3-я*—*высшую степень* вниманія. Больной внимаетъ своимъ правымъ ухомъ по преимуществу.

На *Фишурь 1-й* умѣренно сокращена лобная мышца—(что обозначаетъ собой просто вниманіе). *Фишурь 2-я* изображаетъ слуховое вниманіе средней силы: больной повернулъ голову вправо и направилъ правое ухо въ сторону слушаемаго, въ то же время онъ устремилъ взоръ въ сторону звуковъ, а на лицѣ его появилось сокращеніе верхней орбитальной мышцы,—что соотвѣтствуетъ напряженной думѣ, т. е. усиленному вниманію или слуховому мышленію. *Фишурь 3-я* представляетъ высшую степень вниманія: голова еще болѣе поворочена въ сторону звуковъ, глаза-же, наоборотъ,—отклонены въ противоположную сторону, взоръ опущенъ, и вѣки сильно опущены.

На *Фишурь 1-й* всѣ черты отчетливы, на *Фишурахъ же 2-й и 3-й* онѣ нѣсколько сглажены вслѣдствіе того, что фотографія схвачена безъ надлежащей установки аппарата (приблизительная установка), однако же всѣ черты довольно отчетливы.

Фишурь 4-я—прогрессивный паралитикъ (см. стр. 160).

Т А Б Л И Ц А VIII-я.

Фигуры 1-я, 2-я, 3-я, 6-я, 7-я и 8-я представляютъ идіотовъ. Общими чертами у всѣхъ являются:

- 1) Слабое сокращеніе лицевыхъ мышцъ.
- 2) Преобладаніе напряженія лобной мускулатуры.
- 3) Слабое сокращеніе мышцъ, поднимающихъ нижнюю челюсть и круговой мышцы рта (открытый ротъ, не сомкнутые зубы).

4) Слабое напряженіе мускулатуры головы и туловища. Последнее особенно ясно на *Фигурѣ 8-й*.

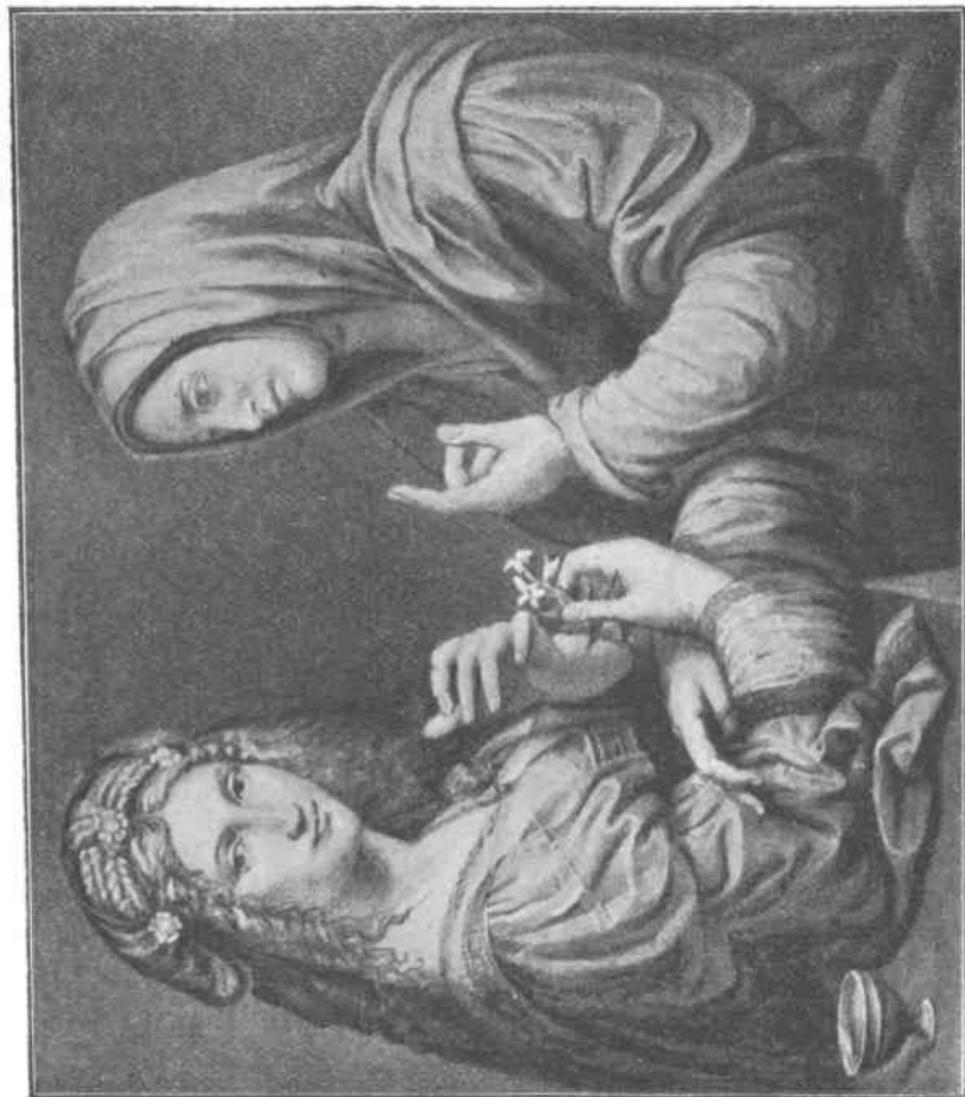
Фигуры 4-я и 5-я представляютъ эпилептиковъ слабоумныхъ.

По поводу всѣхъ *Фигуръ* см. стр. 165—166, также стр. 155 и 158.

Таблица IX.

Т А Б Л И Ц А IX-я.

Двѣ фигуры отличаются слѣдующими чертами: рѣзкое напряженіе мускулатуры туловища у *Скромно-одѣтой* фигуры, — слабое напряженіе туловища у *Нарядной*; то же замѣчается въ шейной мускулатурѣ (прямо держащаяся голова у *Скромной* фигуры, слегка наклоненная у *Нарядной*!) Но эта разница особенно замѣтна на рукахъ, въ особенности на пальцахъ.

У *Нарядной* фигуры, несмотря на ея мягкія черты лица, рѣзко выступаетъ сокращеніе мышцъ, расширяющихъ ноздри, у *Скромной* фигуры эта особенность вполнѣ отсутствуетъ.

(Съ картины Ліонардо да Винчи: *Скромность и Тщеславіе*).

Т А Б Л И Ц А X-я.

Рис. 1-й. Картина Джіованни Антоніо Больтраффіо. Рисунокъ нашъ заимствованъ изъ «Klassischer Biederschatz», изд. Reber'омъ и Bayersdorfer'омъ, № 296. Фигура Божіей Матери неподвижна, взоръ неопредѣленный, обращенъ книзу, но не на Младенца. (Печальная дума).

Рис. 2-й представляетъ собственный портретъ французской художницы Виже Лебрень. Заимствованъ изъ того же «Klassischer Biederschatz», № 240. Лицо художницы, судя по легкому оттѣнку улыбки на немъ, свидѣтельствуетъ о *пріятной думѣ*. Глаза устремлены вдаль неопредѣленно. Вѣроятно, художница — мать думаетъ о судьбѣ дочери, которую нѣжно прижимаетъ.

Рис. 3-й. Лѣтописецъ Несторъ съ картины Васнецова во Владимірскомъ соборѣ въ Кіевѣ.

Несторъ изображенъ у своего письменнаго пюпитра съ перомъ въ рукахъ и открытой книгой передъ глазами. Онъ, очевидно, на минуту прервалъ свою письменную работу и съ взоромъ, устремленнымъ вдаль, весь отдается живой мысленной работѣ. На лицѣ его изображены слѣдующія чувства:

1) Живѣйшее чувство вниманія (сокращеніе лобной мышцы).

2) Необыкновенно живая и глубокая мысль (рѣзкое сокращеніе верхней орбитальной мышцы).

3) Великая радость въ лицѣ и во всей позѣ (необыкновенно рѣзкое сокращеніе большой скуловой мышцы вмѣстѣ съ нижней орбитальной).

4) Взоръ направленъ вдаль, зрачки широки (темные глаза), что указываетъ на то, что Несторъ занятъ не внѣшними впечатлѣніями, а внутренней (мыслительной) работой.

5) Необыкновенная гармонія между разнообразными выраженіями, съ преобладаніемъ радости, придаетъ лицу отпечатокъ идеализма и доброты.

6) Вся фигура Нестора изображена съ такимъ живымъ, тонкимъ напряженіемъ мускулатуры, въ особенности шейной и верхней части туловища, что кажется, будто вся фигура устремляется впередъ.

7) Единовременное рѣзкое сокращеніе лобныхъ и верхнихъ орбитальныхъ мышцъ, при неподвижности остальной мускулатуры лица, которое кажется застывшимъ, указываетъ на то, что художникъ изобразилъ Нестора въ эмоціи *удивленія*.

Всѣ исчисленныя черты, вмѣстѣ взятыя, указываютъ, что въ фигурѣ Нестора Васнецовымъ изображенъ ученый человѣкъ, живущій мыслью, углубленный въ историческія судьбы, стремящійся всѣмъ своимъ существомъ впередъ въ даль вѣковъ, — въ грядущія событія, которыя ясно рисуются его пронизательному, аналитическому взору.

Предусмотрѣніе этихъ событій вызываетъ радость подобно тому, какъ у Богоматери Ея думы о Сынѣ облечены печалью.

Таблица X.

Самоубійство среди русскихъ врачей¹⁾.

Если самоубійство вообще должно быть признано за одно изъ величайшихъ несчастій въ человѣческой жизни, то самоубійство врачей еще болѣе ужасно. Казалось-бы, что призванные охранять *всякую* человѣческую жизнь, они будутъ охранять и свою собственную, но объективныя и точныя данныя статистики говорятъ другое. Эти данныя указываютъ на высокую цифру самоубійствъ врачей, заставляющую глубоко призадуматься надъ судьбой сословія, которое, спасая жизнь другихъ, само платитъ несоизмѣримую дань *вольной смерти*.

Количество самоубійствъ среди русскихъ врачей превосходитъ цифру самоубійствъ всѣхъ другихъ сословій и профессій не только у насъ, но и за границей. Обратимся къ цифровымъ даннымъ.

Значеніе и судьба врачебной профессіи опредѣляются прежде всего тѣмъ фактомъ, что профессія эта является опасной для здоровья: изъ 1400 случаевъ смерти русскихъ врачей за шестилѣтній періодъ съ Іюля 1889 г. по Іюль 1895 г. приходится 457 случаевъ смерти отъ заразныхъ болѣзней. Принимая во вниманіе численный составъ вра-

---

¹⁾ Изъ журнала „Вопросы Нервно-Психич. Медицины“ томъ I, 1896 г.

чей въ Россіи (15740), означенную цифру заразныхъ болѣзней необходимо признать очень высокой. Смертность отъ заразныхъ болѣзней въ населеніи Россіи составляетъ приблизительно $\frac{1}{22}$ часть общей смертности ¹⁾ (точно 4,63% общей смертности), между тѣмъ у врачей она почти равна $\frac{1}{3}$ части (32.64% общей смертности). Такимъ образомъ, въ силу своей профессіи, вслѣдствіе постояннаго соприкосновенія съ больными, врачи въ большемъ количествѣ умираютъ отъ заразныхъ болѣзней. Но этимъ не исчерпывается все зло, такъ какъ заразныя болѣзни въ перспективѣ угрожаютъ послѣдовательными заболѣваніями и увеличенная заболѣваемость инфекціонными болѣзнями неминуемо влечетъ за собою и увеличенное число послѣдовательныхъ заболѣваній у тѣхъ, кто переживаетъ болѣзнь. Въ точности неизвѣстно количество инфекціонныхъ заболѣваній въ годъ у представителей врачебнаго сословія, но, принимая во вниманіе, что въ населеніи Россіи отъ заразныхъ болѣзней умираетъ около 10,5% всѣхъ заболѣвшихъ можно предположить, что количество врачей ежегодно заболѣвающихъ заразными болѣзнями должно быть не менѣе 700—800 человѣкъ, т. е. въ 10 разъ больше ежегоднаго числа умирающихъ. Но какъ ни значительно число заразныхъ заболѣваній и смертей среди врачебнаго сословія, мы полагаемъ, что опасность и трудность врачебной профессіи точнѣе опредѣляется не числомъ инфекціонныхъ смертей, но цифрой самоубійствъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы представимъ себѣ, что самоубійству въ большей части случаевъ предшествуетъ нравственная борьба и тяжелая драма, то цифры самоубійствъ врачебнаго сословія сразу становятся на высоту вопіющихъ фактовъ.

¹⁾ См. Статистика Рос. Имперіи (Сборникъ свѣд. по Россіи. Изд. Центр.-Статистич. Комит. 1890. Спб.).

По официальнымъ даннымъ ¹⁾ количество самоубійствъ у врачей выражается слѣдующей таблицей, во второмъ столбцѣ которой показано число самоубійствъ, а въ третьемъ—число естественныхъ смертей въ томъ же возрастѣ.

Возрасть.	Число самоуб.	Число естественныхъ смертей.
20—25	1	1
26—30	7	73
31—35	21	240
36—40	11	210
41—45	3	129
46—50	1	89
51—55	2	109
56—60	2	175
61—65	—	129
66—70	—	85
71—75	—	44
76—80	1	50
Свыше 80 л.	1	54
Неизвѣстно	—	9
Итого. . .	50	1400

Сравнивая оба послѣдніе столбца таблицы, мы видимъ, что въ самые молодые годы жизни, отъ 25—35 лѣтъ, самоубійства достигаютъ чрезвычайно высокой цифры, составляя почти 10⁰/о обычной смертности, т. е. въ эти годы наиболее плодотворной дѣятельности изъ 10 умершихъ врачей одинъ погибаетъ отъ самоубійства; въ дальнѣйшемъ возрастѣ отношеніе становится нѣсколько болѣе благоприятнымъ, но и тогда оно не утрачиваетъ своего страшнаго значенія. Фактъ этотъ становится болѣе очевиденъ изъ сопоставленія общаго числа самоубійствъ въ Россіи

¹⁾ Вѣстн. Общ. Гиг. и Суд. Мед. 1895, Сентябрь.

съ общей смертноcтью. По вычисленіямъ академика Веселовскаго ¹⁾ одно самоубійство въ Россіи приходится на 1200 смертей; между тѣмъ во врачебномъ сословіи одно самоубійство приходится на 28 смертей. Безъ сомнѣнія, значеніе этой цифры смягчается нѣсколько тѣмъ обстоятельствомъ, что врачебное сословіе состоитъ большею частью изъ мужчинъ, между которыми самоубійство встрѣчается въ три или четыре раза чаще нежели между женщинами; кромѣ того въ составъ общаго населенія входятъ и дѣтское населеніе, въ которомъ смертность значительна, а самоубійства рѣдки. Но даже принявъ во вниманіе и эти поправки, мы получаемъ все таки крайне высокую цифру самоубійствъ русскихъ врачей, а именно во врачебномъ сословіи въ среднемъ выводѣ приходится 6,31 на 10,000 или 631 на 1 милліонъ, между тѣмъ какъ въ остальномъ населеніи Россіи всего 30 самоубійствъ на 1 милліонъ.

Сопоставляя эти цифры между собою, получаемъ выводъ, что самоубійство во врачебномъ сословіи встрѣчается въ 21 разъ чаще, чѣмъ въ общемъ населеніи. Какъ извѣстно, наше отечество и славянская раса вообще даютъ самое малое число самоубійствъ въ сравненіи съ другими народами Европы: такъ на 1 милліонъ населенія приходится самоубійствъ:

Въ Саксоніи	310
Во Франціи	250
Въ Пруссіи	133
Въ Австріи	130
Въ Баваріи	90
Въ Англіи	66
Въ Россіи	30

¹⁾ Лихачевъ. Самоубійство въ Западн. Европѣ и Европейской Россіи, Спб., 1882, стр. 178.

Благопріятное дѣйствіе расы почти не обнаруживается на русскихъ врачахъ,—такъ сильно дѣйствіе другихъ причинъ! Перейдемъ къ разбору этихъ причинъ.

Изъ сравнительной статистики самоубійствъ въ различныхъ странахъ выяснилось значеніе профессіи какъ причины, предрасполагающей къ самоубійству. Сравненіе различныхъ профессій въ этомъ отношеніи показало весьма неодинаковое вліяніе ихъ на самоубійство. Слѣдующая таблица, выведенная по даннымъ Италіи, Швейцаріи, Вюртемберга и Франціи, показываетъ значеніе профессіи, какъ причиннаго момента самоубійства.

НА 1 МИЛЛІОНЪ.	Среднія изъ дан- ныхъ Италіи, Швейцаріи, Фран- ціи и Вюртенб.	Россія.
I. Сельск. хозяйств.	128,5	—
II. Промышл.	172,5	—
III. Торговля	226,3	—
IV. Личныя услуги	321,9	—
V. Арміи и флот.	532,1	152
VI. Профессіон. зан.	261,5	65
VII. Лица безъ опред. зан.	55,9	—

Изъ приведенной таблицы ¹⁾ усматривается, что военная профессія (армія и флотъ) даютъ самую высокую цифру самоубійствъ; второе мѣсто занимаютъ профессиональныя занятія, къ которымъ относится и врачебная профессія. Сравнивая данныя этой таблицы съ нѣкоторыми

¹⁾ Таблица заимствована изъ книги Лихачева. Самоубійств. стр. 206—207.

данными (какія имѣются) касательно Россіи, мы видимъ, что въ нашемъ отечествѣ военное сословіе представляетъ подобно заграничнымъ арміямъ значительный процентъ самоубійствъ. Данныя касательно самоубійствъ въ нашей арміи заимствованы изъ «Отчета о санитарномъ состояніи русской арміи (Изд. Гл. Воен. Мед. Упр.) за 1892 и 1893 годы». Сравненіе различныхъ европейскихъ армій между собою привело изслѣдователей къ убѣжденію, что высокая цифра самоубійствъ въ нихъ зависитъ отъ трудностей военной службы и тягостей дисциплины; самоубійства рѣзко повышаются въ тѣхъ арміяхъ, гдѣ господствуетъ суровое, лишенное человѣколюбія, обращеніе съ людьми.

Сравнительная таблица самоубійствъ въ европейскихъ арміяхъ на 1 миллионъ ¹⁾).

Въ Австріи	1253
» Германіи	632
» Италіи	407
» Франціи	333
» Бельгіи	244
» Англіи	209
» Россіи	152

Суровое обращеніе увеличиваетъ количество самоубійствъ, особенно въ началѣ службы. Въ германской арміи цифры самоубійствъ на первомъ году службы въ три раза болѣе, чѣмъ на третьемъ году. Въ прусской арміи съ 1880 года самоубійства постепенно уменьшились съ 760 на 452 (на миллионъ) вслѣдствіе, главнымъ образомъ, двухъ причинъ—болѣе гуманнаго обращенія съ нижними чинами и ознакомленія военныхъ врачей съ психіатріей. Послѣднее обстоятельство подняло значеніе нервно-психической гигие-

¹⁾ Die Selbstmord in der Preussischen Armee. Allg. Ztschr. f. Psychiatrie Bd. 51. S. 243—253.

ны и въ то-же время дало возможность врачамъ аккуратнѣе браковать слабоумныхъ во время набора и своевременно увольнять въ отставку психически больныхъ или имѣющихъ предрасположеніе къ нервно-психическимъ заболѣваніямъ.

Въ ряду другихъ армій, русская армія занимаетъ по числу самоубійствъ послѣднее мѣсто. Самоубійствъ въ нашей арміи въ пять разъ больше чѣмъ въ населеніи, что, безъ сомнѣнія, не лишено значенія, если принять во вниманіе чрезвычайно малую склонность русскихъ и славянъ вообще къ самоубійству. Значительная цифра самоубійствъ въ нашей арміи объясняется болѣе всего составомъ ея изъ людей сельскаго быта, земледѣльцевъ, привыкшихъ къ мирному труду, къ пребыванію у домашняго очага, къ семейной жизни. Самоубійства въ нашей арміи самымъ рѣшительнымъ образомъ указываютъ на преобладающее вліяніе *профессіи*, какъ этиологическаго момента. По нашимъ наблюденіямъ, военная дисциплина въ примѣненіи ея къ нижнимъ чинамъ замѣтнымъ образомъ поднимаетъ всѣ виды вниманія, въ особенности вниманіе зрительное, и слуховое. Соотвѣтственно этому, напряженность умственныхъ процессовъ повышается, и солдатъ становится умнѣе независимо отъ свѣдѣній, которыя онъ пріобрѣтаетъ на службѣ. Благодаря этому, обычная норма его психической работы становится выше, сравнительно съ первобытнымъ его состояніемъ до поступленія на службу. Для некультурнаго и мало привыкшаго къ умственному напряженію сельскаго жителя уже одинъ повышенный ходъ психической работы можетъ служить, и несомнѣнно служить, источникомъ умственнаго утомленія. Но гораздо больше значенія для нашего солдата имѣетъ затрудненіе въ нравственномъ ориентированіи, вслѣдствіе перехода отъ сельской жизни—къ городской, отъ семейной—къ казарменной; возникающія отсюда психическія усложненія

играють существенную роль какъ одна изъ причинъ, предрасполагающая къ самоубійству.

Слѣдственные матеріалы, касающіеся самоубійствъ въ Прусской арміи, показали, что чувство чести служить источникомъ самоубійствъ у унтеръ-офицеровъ въ два раза чаще, чѣмъ у рядовыхъ. Съ другой стороны слабо одаренные молодые солдаты на первомъ году службы лишаютъ себя жизни подъ вліяніемъ тоски по родинѣ и психическаго утомленія. Военная служба, по справедливому замѣчанію одного новѣйшаго изслѣдователя, повышаетъ и укрѣпляетъ въ умственномъ отношеніи болѣе способныхъ солдатъ и приводитъ къ самоубійству менѣе одаренныхъ, слабовольныхъ и наслѣдственно — предрасположенныхъ.

Данныя, касающіяся вліянія другихъ профессій, показываютъ, что второе мѣсто послѣ военной профессіи занимаютъ такъ-называемыя либеральныя профессіи (интеллектуальный трудъ), которыя требуютъ напряженной мозговой дѣятельности. Такъ, въ Италіи, по Morselli, ¹⁾ наибольшая склонность къ самоубійству оказалась среди людей науки и литературы. Затѣмъ слѣдуютъ другія профессіи въ слѣдующемъ порядкѣ, какъ показываетъ таблица:

Наука и литература	618,3	на 1 милліонъ.
Чиновники	324,3	»
Юристы	217,8	»
Врачи	163,3	»
Артисты	94,0	»
Духовное званіе	45,3	»

¹⁾ Morselli. Der Selbstmord. Leipzig, 1881. S. 228.

Во Франціи либеральныя профессіи также даютъ высокую цифру самоубійствъ, именно 510 на 1 милліонъ ¹⁾).

Въ Россіи по даннымъ, собраннымъ Пономаревымъ, ²⁾ высокое число самоубійствъ даетъ учащаяся молодежь, именно въ С.-Петербургѣ 327 и въ Москвѣ 133 на 1 милліонъ. Подобную-же высокую цифру даетъ учащаяся молодежь Вѣны. Врачебное сословіе въ Германіи (включая сюда весь медицинскій персоналъ) даетъ 310 самоубійствъ на 1 милліонъ ³⁾).

Возвращаясь къ вопросу о самоубійствѣ среди русскихъ врачей и сопоставляя всѣ изложенныя данныя, мы приходимъ къ заключенію, что самоубійство русскихъ врачей выражается цифрами, превышающими числа, даваемая всѣми другими профессіями въ Россіи и заграницей; оно также превышаетъ цифру самоубійствъ въ нашей и иностранныхъ арміяхъ, (кромѣ австрійской). Такимъ образомъ *русскіе врачи имѣютъ печальную привиллею занимать первое мѣсто въ свѣтѣ по числу самоубійствъ.*

Способы самоубійства, употребленныя русскими врачами, значительно отличаются отъ обычныхъ. Обыкновенно для прекращенія жизни самоубійцами избираются тѣ способы, которые по возможности кратковременны и менѣе причиняютъ боли. Слѣдующая таблица показываетъ способы самоубійства въ относительныхъ цифрахъ на тысячу.

¹⁾ Morselli. loco cit. Seite 233.

²⁾ Лихачевъ, I. с. стр. 119.

³⁾ D-r Rehfisch. Der Selbstmord. Bérلين, 1893. Seite 99.

Способы самоубійства (относит. цифры на 1000).

Способы самоубійства.	С.-Петер-бургъ.	Москва.	Берлинъ	Пруссія.	Вѣна.	Англія.
I. Повѣсил. и удав.	372	599	625	608	308	474
II. Утопились	138	36	248	182	66	244
III. Застрѣлились	202	174	230	109	202	188
IV. Зарѣзались, заколол.	101	88	40	54	70	—
V. Отравились	102	31	217	30	269	85
VI. Бросились съ высоты.	62	17	45	9	57	—
VII. Бросил. подъ рельсы.	18	49				
VIII. Задушил. угаромъ.	1	—	51			
IX. Неизв.	4)	10				

Изъ 50-ти самоубійствъ врачей въ шести случаяхъ орудіе и способъ самоубійства остались неизвѣстными, остальные 44 распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Способы самоубійства.	Число.	%
Отравилось	20	45,5 ⁰ / ₀
Застрѣлилось	19	43,2 ⁰ / ₀
Повѣсилось	2	4,5
Бросилось подъ поѣздъ.	1	2,3
Прокололъ сердце троакарномъ	1	2,3
Разрѣзалъ животъ кинжаломъ	1	2,3

4) Лихачевъ. Самоуб. стр. 218.

Самоубійство путемъ отравленія, не частое въ обыкновенномъ населеніи,—у врачей, занимаетъ первое мѣсто, въ силу конечно ознакомленія съ дѣйствіемъ ядовъ и легкой возможности для врача добыть ядъ. Повѣшеніе и удавленіе, составляющее главнѣйшій способъ самоубійства у всѣхъ народовъ, почти не употребляется врачами. Поразительнымъ является фактъ, что изъ 16-ти случаевъ отравленія, о которыхъ имѣются точныя свѣдѣнія, въ 7-ми случаяхъ (43⁰/₁₀₀) примѣнены были такіе яды, которые вызываютъ хотя быстро наступающую, но крайне мучительную смерть (стрихнинъ 1 разъ) и наконецъ такіе, которые вызываютъ тяжелую и мучительную болѣзнь, приводящую къ смерти (карболовая кислота—4 случая, сѣрная кислота—2 случая). Относительно этихъ случаевъ можно-бы сдѣлать предположеніе, что они произведены въ состояніи душевной болѣзни. Но такъ какъ опытъ показываетъ, что смерть врачей почти во всѣхъ случаяхъ наблюдается и точно опредѣляется ихъ товарищами, то мы склонны предположить, что въ приведенныхъ случаяхъ самоубійства не было душевныхъ болѣзней; но существовала тяжкая форма психическаго утомленія съ значительнымъ подавленіемъ инстинкта самосохраненія—что которое *дѣлало для несчастныхъ безразличнымъ всякій способъ прекращенія жизни*, лишь-бы только достигалась цѣль. Такое предположеніе еще болѣе подтверждается и случаемъ причиненія себѣ мучительнѣйшей смерти посредствомъ прокола сердца троакаромъ. Профессія врача, какъ мы увидимъ ниже, принадлежитъ къ числу наиболѣе утомительныхъ и дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе о возможности крайняго утомленія.

Переходя къ обсужденію причинъ самоубійства у врачей, мы остановимся на нѣкоторыхъ фактахъ, свидѣтельствующихъ объ утомительности и трудности врачебной профессіи. Обстоятельства эти и составляютъ вѣро-

ятную причину необыкновеннаго числа самоубійствъ среди русскихъ врачей, (а также быть можетъ и среди иностранныхъ—о чемъ однако точныхъ свѣдѣній не имѣется). Съ психологической точки зрѣнія врачебная профессія неминуче сопряжена съ утомительной дѣятельностью, переносимой безъ вреда только болѣе здоровыми людьми.

Каждому врачу, по тонкому замѣчанію покойнаго профессора Шарко, приходится работать весь день въ утомительной нравственной атмосферѣ, наполненной концентрированными человѣческими страданіями. Въ этомъ отношеніи положеніе врача, во многомъ напоминаетъ положеніе солдата во время войны—сравненіе, которое небезосновательно издавна дѣлали. Теченіе болѣзней, которое врачъ долженъ наблюдать и направлять, содержитъ въ себѣ, какъ и война, много неожиданнаго и коварнаго; врачу часто приходится имѣть дѣло съ врагомъ скрытымъ, и занятія врача, хотя и представляютъ мирную профессію, на самомъ дѣлѣ болѣе похожи на утомительную борьбу съ опасностями и препятствіями, которыя болѣзнь ставитъ теченію человѣческой жизни. За немногими исключеніями, профессія врача сопровождается тревогами или по крайней мѣрѣ озабоченностью или ожиданіемъ, т. е. такими психическими актами, которые гораздо болѣе утомительны, чѣмъ любая чисто умственная работа. Подъ столь обычнымъ добродушіемъ и спокойствіемъ врачей часто таятся опасенія и заботы, но эти чувства должны быть профессионально скрыты, ибо упадокъ духа врача также преступенъ, какъ малодушіе офицера на войнѣ. Тотъ, кто думаетъ, что врачи—веселые и беззаботные люди, упускаетъ изъ виду самое главное—нравственную отвѣтственность, которую врачъ постоянно носить въ своей душѣ и которая не слабѣетъ отъ времени, а наоборотъ крѣпнетъ отъ навыка.

Эта отвѣтственность поддерживаетъ во врачѣ постоянное напряженіе, нерѣдко являющееся крайне утомительнымъ, въ особенности въ молодые годы, когда врачъ еще не умѣетъ провести границы между своей личной отвѣтственностью и отвѣтственностью врачебной науки, которая въ нѣкоторыхъ вопросахъ можетъ быть также безсильна, какъ и отдѣльные представители ея. Утомленіе, естественно вытекающее изъ этого напряженія, составляетъ одну изъ самыхъ обычныхъ причинъ упадка духа и пессимизма, приводящаго къ самоубійству.

Независимо отъ этихъ психическихъ причинъ утомленія, врачебная профессія неразлучна съ многими другими условіями, утомительными для человѣка. Сюда относится безвременность врачебнаго труда, трудно укладываемого въ какія-либо обычныя рамки распредѣленія времени, какъ въ другихъ профессіяхъ; частые и неожиданные періоды накопленія труда, внезапное возникновеніе усложненій и затрудненій дѣятельности и т. под. Всѣ эти условія, по временамъ, вызываютъ острое состояніе утомленія, при которомъ и самый *инстинктъ самосохраненія можетъ оказаться утомленнымъ*. Что подобное состояніе случается на самомъ дѣлѣ это доказывается фактомъ частаго примѣненія врачами крайне мучительныхъ способовъ самоубійства.

Вторую причину самоубійства среди врачей составляетъ матеріальная необезпеченность и нерѣдко бѣдность. Изъ свѣдѣній, которыя по этому вопросу мы собрали сами у значительнаго числа (около 50) молодыхъ врачей, выяснилось, что годовой заработокъ вольнопрактикующаго провинціального врача въ двѣ тысячи рублей является рѣдкостью. Обычный-же заработокъ врача колеблется меж-

ду 600—1200 рублей въ годъ, при условіи непрерывнаго труда отъ 8 или 9 часовъ утра до 10—11 вечера и при другомъ, еще болѣе тяжеломъ, условіи посѣщенія больныхъ въ ночное время. Такая дѣятельность утомляетъ даже молодыхъ врачей. Она была-бы неминуемо гибельной для здоровья большей части врачей, если-бы вредныя воздѣйствія ея не отстранялись правильнымъ образомъ жизни и воздержностью, составляющей профессиональную особенность врачей.

Изъ извѣстныхъ намъ лично шести случаевъ самоубійствъ, причиной роковаго событія послужило — въ двухъ случаяхъ — душевная болѣзнь, въ остальныхъ четырехъ — *профессиональное утомленіе въ соединеніи съ бѣдностью*. Приведенныя выше данныя, касательно обезпеченности врачей, можно признать точными. Они согласны и съ тѣми данными, которыя собраны полуофициальнымъ путемъ и опубликованы докторомъ Гребенщичевымъ. (Справочн. книга для врачей т. I Спб. 1890). Какъ извѣстно, врачамъ предложены были вопросные пункты касательно ихъ возраста, общественнаго положенія и проч., и между прочимъ и касательно размѣровъ ихъ годового заработка отъ врачебной практики. Изъ общаго числа врачей въ Россіи, свѣдѣнія о своихъ доходахъ отъ практики доставили 6106 врачей. Общій заработокъ ихъ выражается суммою 6,075,100 руб., т. е. въ среднемъ выводѣ — менѣе одной тысячи рублей въ годъ на каждаго. Выше мы видѣли, какимъ тяжелымъ почти суточнымъ трудомъ врачъ долженъ добыть эту насущную сумму. Наконецъ тотъ-же характеръ имѣютъ столь частыя свѣдѣнія, публикуемыя въ газетѣ «Врачъ» въ некрологахъ врачей. По этимъ свѣдѣніямъ оказалось, что большая часть семействъ врачей, со смертию своего кормильца, сразу попадаютъ въ состо-

яніе не только бѣдности, но и нищеты—такъ ничтожны заработки врачей. Умершій врачъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не оставляетъ своей семьѣ ничего, кромѣ добраго имени!

При столь неблагопріятныхъ условіяхъ своей жизни, врачи посвящаютъ значительное количество труда, времени и матеріальныхъ средствъ на постоянное обновленіе и расширеніе своихъ профессиональныхъ знаній путемъ литературной работы, чтенія и безвозмездной врачебной практики въ больницахъ, клиникахъ и амбулаторіяхъ, гдѣ сверхштатные, бесплатные работники зачастую превышаютъ число штатныхъ. Количество специальныхъ врачебныхъ журналовъ нельзя не признать значительнымъ (около 50-ти въ Россіи). Еще болѣе значительно число медицинскихъ книгъ. Эти факты свидѣтельствуетъ о серьезномъ пониманіи врачами своего профессиональнаго долга. Еще болѣе о томъ-же свидѣтельствуетъ широко развивающаяся повсюду врачебная благотворительность въ формѣ бесплатнаго амбулаторнаго леченія. Главнѣйшее пожертвованіе, требуемое этой благотворительностью, именно весь личный трудъ въ ней, принадлежитъ врачамъ, которые великодушно взяли на себя эту крупную *натуральную повинность*. Мы употребляемъ слово *великодушно*, потому что исполненіе врачебныхъ обязанностей связано съ значительнымъ рискомъ заболѣванія заразными болѣзнями отъ общенія съ больными и внесенія заразы въ свое семейство. Послѣднее обстоятельство составляетъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ сторонъ врачебной профессіи. Знакомясь съ отчетами лечебницъ и амбулаторныхъ пунктовъ для больныхъ, легко убѣдиться, какъ быстро и широко растутъ эти учрежденія и какъ велика предъ обществомъ заслуга врачебнаго сословія, создающаго и под-

держивающаго эту благотворительность. Въ нашу задачу не входитъ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, мы имѣемъ въ виду лишь указать на него и опредѣлить его внутреннее значеніе. Въ главнѣйшихъ амбулаторныхъ пунктахъ г. Кіева (Красный Крестъ, Игнатъевская лечебница, Покровская община, Помощь больнымъ дѣтямъ) было подано въ истекшемъ 1895 г. свыше 138,000 врачебныхъ совѣтовъ. Если оцѣнить подачу помощи одному больному всего лишь двадцатью копѣйками (въ благотворительныхъ амбулаторіяхъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ она таксирована въ 30—50 коп.), то и при этой оцѣнкѣ окажется, что Кіевскіе врачи жертвуютъ около 27,000 руб. въ годъ въ видѣ *натуральной повинности*. Мы не говоримъ о второстепенныхъ амбулаторіяхъ. Съ 1895 г. врачебная помощь почти удвоилась. Но безъ сомнѣнія, дѣло не въ матеріальныхъ пожертвованіяхъ, но въ личномъ тяжеломъ, отвѣтственномъ трудѣ, который имѣетъ и частное и общественное значеніе—возвращаетъ утраченное здоровье и является однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ распространенія въ народѣ гигиеническихъ понятій. Обращаясь къ внутренней, психологической сторонѣ этого дѣла, которая насъ собственно интересуетъ, не можемъ не обратить вниманія, что этотъ трудъ свидѣтельствуемъ о развитомъ чувствѣ профессиональнаго и нравственнаго долга. Но переводя эти нравственные достоинства на языкъ фізіологическихъ фактовъ, мы должны сказать, что напряженная отвѣтственная служба врачей, ихъ отзывчивость и чуткость къ долгу и вызываемое этимъ постоянное нравственное напряженіе, требуетъ значительной затраты физическихъ силъ. Это и составляетъ одинъ изъ источниковъ *утомленія*, предрасполагающаго къ заболѣваніямъ и усиленной смертности.

Третьей вѣроятной причиной высокой цифры самоубійствъ у врачей является не всегда справедливое отношеніе къ врачамъ со стороны прессы и отчасти со стороны публики, выражающееся въ преувеличенномъ, лишенномъ снисходительности, а иногда холодномъ и рѣзкомъ порицаніи поступковъ отдѣльныхъ врачей, съ обобщеніями, направленными по адресу всего сословія. Нападки эти въ послѣдніе годы стали чаще. Что подобные нападки несправедливы, мы позволимъ себѣ объяснить въ другое время, теперь же лишь скажемъ, что, въ виду безспорныхъ и крупныхъ заслугъ всего сословія, представляется совершенно бесполезнымъ и неправильнымъ, съ нравственной точки зрѣнія, порицаніе отдѣльныхъ лицъ. Кто хотя на минуту станетъ психологомъ—пойметъ, что кому ввѣрено охраненіе одной изъ величайшихъ цѣнностей—человѣческой жизни, тотъ слишкомъ чутокъ и къ неодобреніямъ и къ порицаніямъ. Нельзя дѣлать упрековъ ни человѣку, пока онъ несетъ тяжелую ношу, ни врачебному сословію, пока его трудъ въ обществѣ является однимъ изъ самыхъ тяжкихъ и утомительныхъ. Мы часто встрѣчаемъ въ печати порицанія, направленные въ сторону врачей, но не встрѣчаемъ ни отвѣтовъ, ни оправданій. Отвѣтомъ служатъ тѣ страшныя цифры самоубійствъ, которыя свидѣтельствуютъ о безпримѣрномъ психическомъ утомленіи, связанномъ съ профессіей врача. Эти цифры свидѣтельствуютъ также и о чуткости врачебнаго сословія къ нравственному долгу: въ суровой реальности этихъ цифръ—скажемъ словами Морселли—отражаются факты человѣческой совѣсти.

Мы считаемъ себя вправѣ и признаемъ своимъ долгомъ, въ заключеніе нашего очерка, сказать, что врачи

охраняють жизнь и здоровье общества, которому служатъ, но въ настоящее время и на обществѣ лежитъ долгъ, въ равной мѣрѣ, охранять жизнь врачей, не предъявляя имъ исключительныхъ требованій — матеріальныхъ или нравственныхъ — подъ бременемъ которыхъ изнемогаетъ значительная часть скромныхъ и благородныхъ тружениковъ.

Первый и послѣдній день клиническихъ занятій студента.

(Матеріалы для психологіи врачебной профессіи).

І. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

*(Лекція, читанная студентамъ VII полугодія медиц. фак.
16 сентября 1896 г.).*

Мм. гг.! Вы вступаєте въ широкую и важную область изученія медицины—область практической или клинической медицины: до настоящаго же времени вы изучили основныя науки, которыя подготавливали васъ къ клинической медицинѣ, составляющей конечную цѣль врачебнаго образованія. Вступая въ клиники, вы сразу дѣлаете крупный, существенный шагъ на пути вашего образованія; этотъ шагъ потребуетъ отъ васъ большаго труда и большаго нравственнаго напряженія, чѣмъ вся ваша предшествовавшая дѣятельность. Долгъ клиническаго наставника—предупредить васъ объ этомъ.

Переходя на седьмой семестръ, студенты другихъ факультетовъ далеко не знаютъ тѣхъ трудностей, какія предстоятъ студенту медику, и вы, вѣроятно, уже успѣли убѣдиться въ этомъ на первыхъ шагахъ вашихъ клиническихъ занятій. Въ самомъ дѣлѣ, переходъ отъ основной

медицины къ клинической столь рѣзокъ, что студенты—клиницисты, за немногими исключеніями, чувствуютъ себя въ большемъ затрудненіи, не зная, какъ приняться за изученіе больного, какъ приступить къ его изслѣдованію, съ чего начать, какимъ образомъ уяснить себѣ всю сложность предстоящей задачи. Но не одно умственное затрудненіе испытываетъ молодой клиницистъ, — гораздо серьезнѣе та нравственная тягость, которая ожидаетъ его и которая потребуеъ крайняго напряженія всѣхъ силъ.

Отчего это происходитъ? Развѣ клиническая медицина имѣетъ иное содержаніе, представляетъ иную научную область, нежели медицина основная?—Нѣтъ! Въ клиникахъ вы встрѣтитесь по существу съ тѣми же фактами, которые вы изучали въ теченіе предшествовавшихъ занятій вашихъ, здѣсь та же физиологія и патологія человѣка, основанія которой вамъ уже извѣстны. Въ клиникахъ мы встрѣтимся съ явленіями патологическими, будемъ разбирать ихъ, сравнивать съ нормальными явленіями жизни. Вся наша дѣятельность будетъ состоять въ томъ, чтобы научиться болѣзненные явленія превращать въ нормальные, патологію замѣнять физиологіей. Въ этомъ собственно и состоитъ задача исцѣленія больного человѣка.

Очевидно, что трудность клиническихъ занятій кроется не въ самомъ содержаніи фактовъ, которые представляются наблюдателю, но въ особыхъ условіяхъ, съ которыми сопряжено изученіе клинической медицины. И въ самомъ дѣлѣ, въ клиникахъ мы встрѣчаемся съ *новыми методами* изученія явленій, съ *инымъ объемомъ* фактовъ, съ *особой субъективной обстановкой*.

Прежде всего клиника представляетъ невѣроятную *широту фактовъ*, которыхъ невозможно ни сузить, ни сократить. Химикъ, зоологъ, астрономъ изучаютъ тѣ факты, которые интересуютъ ихъ науку въ данную эпоху,

многое-же трудное и непонятное откладываютъ до будущихъ временъ и тѣмъ значительно облегчаютъ свою задачу. Ничего подобнаго не можетъ сдѣлать клиницистъ: больные стекаются въ клиники и обращаются къ врачамъ со всевозможными страданіями, и врачу, какъ солдату на войнѣ, необходимо быть готовымъ ежеминутно ко всѣмъ случайностямъ, ко всему безконечному разнообразію, которымъ проявляется жизнь въ ея задачахъ созиданія и разрушенія.

Вторую трудность клиническихъ занятій составляетъ *особый методъ*, какимъ изучаются явленія. Основная медицина пользуется обычнымъ методомъ естественныхъ наукъ—*опытомъ*. Физиологъ, разрѣшая свои задачи, прибѣгаетъ къ эксперименту—дѣлаетъ то или другое матеріальное поврежденіе въ живомъ организмѣ и наблюдаетъ послѣдствія имъ самимъ поставленной и упрощенной задачи. Клиницистъ не можетъ дѣлать опытовъ и, когда болѣзнь ставитъ ему сложныя задачи и задаетъ трудные вопросы, онъ долженъ являться лишь тщательнымъ наблюдателемъ происходящаго, чтобы распознать свойства страданія, его мѣсто, его вліяніе на цѣлый организмъ. Въ этомъ существенная разница между физиологіей и клиникой. Главнымъ орудіемъ физиолога является *опытъ*, единственное орудіе клинициста состоитъ въ *наблюденіи*. Физиологъ напередъ знаетъ тѣ нарушенія въ организмѣ, которыя онъ экспериментально производитъ; клиницистъ наблюдаетъ явленія, весь смыслъ которыхъ раскроется передъ нимъ впослѣдствіи, иногда—на анатомическомъ столѣ, когда умершій пациентъ является безстрастнымъ свидѣтелемъ искусства и проницательности врача или противоположныхъ качествъ.

Въ виду трудности клиническихъ методовъ изслѣдованія, многіе клиницисты старались облегчить себѣ за-

дачу, призывая на помощь экспериментъ—устраивая, рядомъ съ клиниками, фізіологическіе кабинеты для рѣшенія клиническихъ задачъ посредствомъ опытовъ на животныхъ. Но дѣйствительность не оправдала ихъ ожиданій: все, что мы видимъ на животныхъ, такъ мало напоминаетъ болѣзни человѣка, что экспериментаторы—клиницисты ни мало не облегчили клинической методики, и въ настоящее время ветеринарныя тенденціи въ клиникахъ начинаютъ постепенно исчезать. Профессоръ Шарко, встрѣчая у себя въ Сальпетриерѣ нѣмецкаго клинициста и показывая ему богатый матеріалъ своей клиники, не безъ остроумія сказалъ: «вы не найдете у меня собачьей клиники, но вы найдете много другихъ хорошихъ вещей». (*Vous ne trouverez pas chez moi la clinique des chiens, mais vous trouverez bien d'autres choses*). Такимъ образомъ клиницисту не остается иного метода, кромѣ тщательнаго, внимательнаго наблюденія. Наблюденіе—единственный методъ клинициста. Но не думайте, мм. гг., что этотъ методъ даетъ мало добросовѣстному наблюдателю. Едва-ли можно указать лучшую школу для развитія вниманія, чѣмъ клиника. Эта постоянная работа для распознаванія скрытаго зла, эта борьба съ врагомъ, который лишь изрѣдка представляется явнымъ, эта нескончаемая тревога, въ которой держать васъ больной и его болѣзнь—все это воспитываетъ величайшую внимательность; и если клиницистъ соединяетъ въ себѣ равную любовь къ теоретическимъ знаніямъ и клинической наблюдательности, его опытность и проницательность въ распознаваніи и лѣченіи болѣзней можетъ подняться на ту удивительную высоту, которая не безъ основанія поражаетъ и публику, и самихъ спеціалистовъ. Полюбите-же, мм. гг., клинику,—она представляетъ собою истинную школу для научнаго и практическаго развитія врача.

Третьимъ источникомъ затрудненій, представляемыхъ клиникой, является то обстоятельство, что объектомъ клиническимъ занятій служитъ *живой человекъ* и притомъ *больной*. Работая надъ группою или экспериментируя надъ животнымъ, вы гораздо болѣе свободны отъ того подавляющаго чувства, съ которымъ неразлучны занятія въ клиникѣ. Когда вамъ придется поднимать страдающаго человека съ его постели, изслѣдовать его, постукивать, выслушивать, колоть діагностическими булавками, предлагать ему длинный рядъ вопросовъ, отчасти необходимыхъ, отчасти вытекающихъ изъ вашего неискусства; то вы убѣдитесь, что вамъ не разъ придется испытывать чувство нравственнаго томленія и выдерживать тягостную борьбу между потребностью расширить свои знанія и другою потребностью — дать покой больному человеку. Приходится наблюдать два типа начинающихъ клиницистовъ. Одни отличаются смѣлостью, настойчивостью, педантизмомъ и болѣе всего думаютъ о постановкѣ діагноза, — другіе отличаются крайней осторожностью, робостью и, изъ чрезмерной чувствительности, готовы сократить и ограничить необходимое изслѣдованіе во имя покоя больного. То и другое — представляютъ крайность. Любя больного и оберегая его, необходимо однакоже пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы расширить свой клинической опытъ — въ этомъ наше право и нравственный долгъ, безъ этого невозможно и самое знаніе. Но добросовѣстный врачъ всегда сумѣетъ соединить пытлиность съ человеколюбіемъ. Научитесь-же, мм. гг., въ клиникѣ *служить больному человеку* какъ брату, какъ страдальцу, и вы убѣдитесь, что больной предоставитъ себя въ ваше полное распоряженіе, не щадя своихъ наболѣвшихъ частей.

Четвертый источникъ затрудненій, испытываемыхъ молодымъ клиницистомъ, заключается въ той *субъективной*

обстановкѣ, среди которой приходится работать. Въ клиникахъ, по справедливому выраженію Шарко, собраны и сконцентрированы человѣческія страданія. Именно—*сконцентрированы*, ибо въ клиники попадаетъ все, что есть самаго труднаго, тяжелаго, безнадежнаго. Никогда, въ обыкновенныхъ больницахъ, людскія страданія не запечатлѣны такими густыми красками, какъ въ клиникахъ. И однакожь среди этой удручающей обстановки врачъ долженъ сохранить твердость характера, бодрость духа и научную проницательность: обстановка раздваиваетъ и разбиваетъ вашу душу, а вы должны оставаться цѣльными и стойкими. Я не хочу ничего преувеличивать, но не могу не сказать, что ваши обязанности будутъ постоянно нарастать. Соберите же ваши силы! Вамъ придется отказаться отъ многихъ удовольствій вашего возраста и посвятить себя серіозному труду. Клиника неминуемо положитъ рѣзкую грань между вами и вашими товарищами изъ другихъ факультетовъ. Ваши друзья—юристы, математики, естественники—могутъ проводить вечера дома, предаваясь мирному чтенію книгъ своей специальности, вамъ же нерѣдко придется провести поздній вечеръ въ клиникѣ, у кровати вашего тяжело-больного, слѣлаться свидѣтелемъ горестнаго факта смерти, помогать умирающему, волноваться, отчаяваться... Все это требуетъ силъ. Сравненіе врача съ солдатомъ въ полѣ битвы не простая метафора, и вы убѣдитесь на опытѣ, до какой степени могутъ быть утомительны и опасны клиническія занятія. Скажу вамъ, какъ практикующій врачъ, что студенты—клиницисты даютъ большій процентъ *утомленныхъ* и *неврастениковъ*, чѣмъ всѣ другіе студенты. Не удивительно!—Занятія въ клиникѣ болѣе трудны и утомительны, чѣмъ занятія въ химической лабораторіи, минералогическомъ кабинетѣ или археологическомъ музеѣ. Но въ этомъ,

мм. гг., ваше высокое призваніе, и вы должны заранѣе знать и умѣть исполнять трудныя обязанности врача.

Врачебная дѣятельность соединена въ величайшей отвѣтственности, и вы должны взять на себя эту отвѣтственность со всею полнотою вашего молодого сердца. Въ клиникахъ вы учитесь и въ тоже время становитесь участниками нашего наблюденія за больными, и на насъ всѣхъ лежитъ отвѣтственность за жизнь нашихъ больныхъ.

Широта клиническихъ задачъ, трудные методы изслѣдованія, тягостная больничная обстановка,—все это такія условія, которыя нагалаютъ на клинициста особый, исключительный нравственный долгъ. Врачъ по преимуществу долженъ быть честнымъ, челоуѣколюбивымъ, стойкимъ, преданнымъ своему призванію; долженъ научиться хранить тайны больныхъ, долженъ, наконецъ, неусыпно заботиться о постоянномъ расширеніи своихъ научныхъ знаній.

Говоря о постоянномъ расширеніи знаній, я разумѣю не одни клиническія знанія.—Нѣтъ! задача гораздо шире: работая въ клиникѣ, вы должны постоянно возвращаться къ основной медицинѣ, къ тѣмъ наукамъ, которыя вами уже закончены и по которымъ вы, быть можетъ, получили весьма удовлетворительныя отмѣтки на экзаменахъ. По этимъ предметамъ клиника потребуеть отъ васъ постоянного освѣженія знаній и будетъ держать васъ въ состояніи нескончаемаго экзамена. Чтобы, при такихъ усиленныхъ требованіяхъ, вы могли трудиться успѣшно, не теряя времени, я укажу вамъ на то, что должно быть азбукою клинициста. Болѣе всего, мм. гг., нужно обращаться къ *анатоміи*, *физиологій* и *патологій*. Имѣя, напр. подъ наблюденіемъ легочнаго больного или нервнаго и т. д., вы обязательно должны просмотрѣть соответствен-

ныя главы анатоміи, фізіологіи и патологіи; тогда вы съ большею пользою будете наблюдать вашего больного. Вы убѣдитесь на нашихъ занятіяхъ въ клиникѣ, что мы изучаемъ фізіологію и патологію на больномъ человѣкѣ, и что современная клиника стоитъ такъ-же высоко въ научномъ отношеніи, какъ и основная медицина. Работая по указанному плану, вы будете на истинной научной высотѣ. Далѣе, я совѣтую вамъ съ особеннымъ вниманіемъ обратиться къ фармакологіи и учиться нелегкому дѣлу примѣнять фармакологическія данныя къ клиническимъ потребностямъ, помня, что *лѣченіе болѣзней составляетъ конечную цѣль всего образованія врача.*

Если вы спросите меня, какимъ образомъ наилучше соединить клиническія занятія съ занятіями основной медицины, то я указалъ-бы вамъ, на примѣръ, величайшаго врача всѣхъ вѣковъ и временъ—Гиппократъ—отца научной медицины. Этотъ врачъ проводилъ дни и ночи въ клиникѣ. Наблюдая больныхъ, лежавшихъ по тогдашнему обычаю вблизи храма, Гиппократъ прерывалъ свои занятія, входилъ въ храмъ и читалъ исторіи болѣзней, записанныя на стѣнахъ, соединяя такимъ образомъ теоретическую работу съ практическими занятіями. Находя трудные случаи въ своей импровизированной клиникѣ, Гиппократъ направлялся за теоретическими объясненіями въ храмъ и наоборотъ—начитавшись въ храмѣ различныхъ описаній болѣзней, онъ немедленно направлялся наружу—искать сходныхъ случаевъ у кровати больного. Вотъ, мм. гг., истинная клиническая мудрость. Проводите дни въ клиникѣ, а вечера за книгами, читайте внимательно все, что относится къ вашимъ больнымъ. Однакоже большая часть вашего времени должна быть посвящена чтенію *великой книги природы*, т. е. наблюденію самого больного, и поверьте, что это составляетъ могущественный источникъ

умственного развитія врача и истинное орудіе для воспитанія въ себѣ той діагностической и терапевтической проницательности, о которой я выше говорилъ, какъ о завидномъ и счастливомъ дарѣ медицины. Рекомендуя вамъ клиническія занятія, я съ особенной настойчивостью совѣтую пользоваться всякой минутой и всякимъ случаемъ—выслушать указанія вашихъ наставниковъ, а также ординаторовъ, ассистентовъ и старшихъ товарищей. Пользуйтесь случаемъ вездѣ и всюду видѣть больного—въ клиникѣ, на амбулаторіи, въ поликлиникѣ и во время вашего каникулярнаго отдыха, помня, что часъ клиническихъ занятій сбережетъ вамъ въ будущемъ мѣсяцы кабинетнаго изученія медицины и избавитъ васъ отъ мукъ незнанія. Для поясненія сказанной мысли я приведу одно существенное соображеніе, именно то, что между клиническими фактами и ихъ описаніемъ въ книгахъ въ дѣйствительности существуетъ гораздо меньше соответствія, чѣмъ между изложеніемъ, напр., химіи и фактами, изучаемыми въ химической лабораторіи. Это зависитъ отъ того, что клиническіе факты безконечно шире, сложнѣе и труднѣе поддаются описанію, нежели факты химіи, ботаники, минералогіи и проч. Клиническіе факты легче и скорѣе изучаются путемъ практики, путемъ примѣра, традиціи, указанія. Вотъ почему прилежныя занятія въ клиникахъ безусловно необходимы. То, что вы увидите въ клиникахъ, то, что вамъ покажутъ и разъяснятъ въ нихъ, навсегда останется въ вашей памяти и, наоборотъ, вы убѣдитесь, что вамъ нерѣдко придется встрѣтить величайшее затрудненіе въ распознаваніи той болѣзни, которую быть можетъ вы отлично изучили по книгамъ, но не видѣли на дѣлѣ. Къ врачебной профессіи и даже къ медицинскимъ экзаменамъ нельзя подготовиться, сидя у себя дома съ книжкой или записочками въ рукахъ.

Все сказанное доселѣ относится ко всѣмъ вообще клиникамъ, ко всему клиническому образованію студентовъ. Теперь обратимся къ тому значенію, какое имѣеть клиника нервныхъ болѣзней въ общемъ кругѣ медицинскаго образованія. Представляетъ-ли собою нервная патологія съ клиниками простую специальность, какъ ушныя болѣзни, горловыя и проч. Нѣтъ, мм. гг., значеніе нервной и психіатрической клиникъ гораздо болѣе широко. Подобно тому, какъ нервная система представляетъ собою высшій органъ, высшее орудіе жизни—клиника нервныхъ болѣзней объединяетъ въ себѣ всю клиническую медицину. Знакомясь съ нервной патологіей и клиникой, вы не только научаетесь врачевать нервныя болѣзни, но получаете орудіе для успѣшной дѣятельности на всѣхъ поприщахъ медицины. Впрочемъ, примѣры лучше разъяснятъ мою мысль, нежели всѣ слова, съ какимъ-бы искусствомъ и правдивостью я ни подбиралъ ихъ. Разберемъ нѣсколько примѣровъ. Было время, мм. гг., когда хирургія чувствовала себя, казалось, совершенно независимой отъ остальной медицины и какъ-бы не нуждалась въ послѣдней; новое время научило насъ новымъ взглядамъ: теперь хирургъ считаетъ для себя безусловно необходимымъ знаніе внутренней медицины и знакомство съ ея методами. Въ послѣднее время выяснилось, что то же отношеніе должно существовать между нервной патологіей съ одной стороны и всей остальной клинической медициной съ другой стороны. Теперь нервная патологія съ ея широкими выводами, съ ея методами изслѣдованія и ея тонкой терапіей сдѣлалась необходимой для всѣхъ медицинскихъ специальностей. Но перейдемъ къ примѣрамъ. Въ терапевтической или другой клиникѣ вы имѣете больного съ воспаленіемъ брюшины. Величайшую опасность для жизни представляетъ боль, потому что она можетъ остановить

дѣятельность сердца. Клиника нервныхъ болѣзней научить васъ правильно оцѣнивать боль, ея различные виды и степени и укажетъ средства утолить боль и сдѣлать безопасной для организма.

Вотъ другой примѣръ. Вашъ больной перенесъ тяжелую операцію или травматическое поврежденіе и быстро развивающійся шокъ убиваетъ его на вашихъ глазахъ. Клиника нервныхъ болѣзней разъясняетъ вамъ, что такое шокъ и даетъ вамъ вѣрныя указанія относительно многочисленныхъ средствъ, которыя рекомендованы противъ шока и которыя могутъ спасти больного.

Еще примѣръ. Вы хлороформируете больного, сначала все идетъ хорошо, но вдругъ внезапно наступаютъ опаснѣйшія явленія для жизни, вы не имѣете времени предупредить неожиданную смерть отъ наркоза. Методы клиническаго изслѣдованія нервно-психическихъ болѣзней помогутъ вамъ предусмотрѣть тѣ случаи, въ которыхъ употребленіе сильнодѣйствующихъ средствъ можетъ представлять опасность, и помогутъ вамъ тщательнѣе обсудить показанія къ хлороформированію и предпринять надлежащія предосторожности. *Еще одно соображеніе.* Методика лѣченія нервныхъ болѣзней обогатилась важными новыми средствами и приѣмами. Въ клиникѣ нервныхъ болѣзней вы научитесь имъ. Здѣсь, и только здѣсь, вы можете научиться правильному и точному примѣненію электрической терапіи, которая въ послѣднее время сдѣлалась всеобщимъ врачебнымъ средствомъ и примѣняется во всѣхъ клиникахъ. *Еще одно и послѣднее соображеніе.* Свѣжесть мысли, бодрость духа и энергія воли должны быть признаны, безспорно, высшимъ и важнѣйшимъ проявленіемъ человѣческаго здоровья; они обезпечиваютъ человѣку его матеріальное и нравственное будущее, они помогаютъ ему переносить болѣзни и несчастія. Съ другой стороны, упа-

докъ психической энергіи, утомленіе жизнью, пессимизмъ — составляютъ роковое начало гибели человѣка и его потомства. Клиника нервныхъ и психическихъ болѣзней научаетъ врача искусству охранять психическое здоровье *свое и другихъ*. Таковы, мм. гг., широкія задачи, разрѣшенію которыхъ содѣйствуетъ нервная патологія. Я буду поэтому вполне вѣренъ дѣйствительности, если скажу, что знакомство съ нервно-психической патологіей способно придать медицинскимъ знаніямъ цѣльность, а всему образованію врача законченный философскій характеръ. Стремитесь, мм. гг., къ этому идеалу, пока вы находитесь въ счастливомъ періодѣ университетской жизни!

II. Послѣдній день клиническихъ занятій студента.

(Лекція, читанная студентамъ X-го полугодія медич. фак. универс. св. Владим. въ апрѣль 1896 г.).

Мм. гг. Сегодня мы заканчиваемъ наши клиническія занятія, а вы оканчиваете пятилѣтній курсъ вашего врачебнаго образованія, чтобы выйти на широкою арену жизни съ тѣмъ запасомъ научныхъ знаній, которыя вы накопили въ теченіе многихъ лѣтъ. Бесѣдуя съ вами въ послѣдній день вашихъ университетскихъ занятій, когда вы еще находитесь подъ священными сводами храма науки, я считаю своимъ долгомъ выразить сердечное пожеланіе и высказать мысли, которыя мнѣ кажутся естественными въ эту минуту.

Я хотѣлъ-бы обратиться къ вамъ не съ обычными словами: «*милостивые государи*», но, по примѣру французскаго декана Бруарделя, со словами: «*дорогіе товарищи*»:

такъ какъ отъ этой перемѣны въ названіяхъ васъ отдѣляетъ лишь срокъ три—четыре мѣсяца, въ теченіе котораго вы закончите ваши экзамены.

Какъ свидѣтель вашихъ занятій, я питаю полную увѣренность, что черезъ четыре мѣсяца вы станете врачами, и стъ всего сердца желаю, чтобы это случилось на самомъ дѣлѣ. Итакъ, позвольте мнѣ, какъ старшему товарищу, высказать вамъ нѣсколько дружескихъ словъ, мыслей, совѣтовъ.

Едва кончатся ваши экзамены, и вы получите дипломъ,—для васъ начнется новое испытаніе — *испытаніе жизни*. Этотъ нескончаемый экзаменъ болѣе продолжительнъ и гораздо болѣе серьезнъ, чѣмъ всѣ университетскіе экзамены.

Жизнь, говорили древніе греческіе философы, есть мудрость, и только мудрецъ умѣетъ правильно провести ее, а жизнь врача во всѣхъ отношеніяхъ представляетъ болѣе трудныя задачи, чѣмъ жизнь обыкновеннаго человека. Это обстоятельство налагаетъ на врача необходимость имѣть бѣольшую мудрость въ сравненіи съ труженниками многихъ другихъ профессій.

Врачебная профессія крайне отвѣтственна, утомительна и требуетъ постояннаго нравственнаго напряженія. По самому свойству своему, врачебный трудъ не можетъ быть вложенъ въ какія-либо опредѣленныя рамки времени: днемъ, ночью, среди необходимаго отдыха врачъ долженъ быть готовъ къ работѣ. Это—неустанный трудъ, нерѣдко сопряженный съ волненіями; онъ способенъ крайне утомлять работника. При такихъ условіяхъ легко можетъ наступить опасное *taedium vitae*, и въ самомъ дѣлѣ новѣйшія изслѣдованія показали, что самоубійство среди врачей составляетъ явленіе весьма нерѣдкое и притомъ въ такой

пропорціи, что врачебный трудъ необходимо отнести къ категоріи профессій наиболѣе опасныхъ для здоровья.

Врачу болѣе другихъ угрожаетъ опасность заразныхъ заболѣваній въ силу близкаго общенія съ больными. Статистическія данныя у насъ и за границей показали, что смертность среди врачей больше, чѣмъ въ средѣ другихъ сословіи, и что *третья часть всѣхъ смертей зависитъ отъ инфекціонныхъ болѣзней*. Такого высокаго процента заразныхъ заболѣваній не даетъ никакая другая профессія! Какъ ни грустенъ этотъ фактъ, онъ показываетъ, что врачи высоко понимаютъ свой долгъ и не щадятъ своей жизни, охраняя чужую. Мужество, съ которымъ врачи и медицинскіе студенты появляются у кровати заразныхъ больныхъ—столь общеизвѣстна, что мнѣ не приходится говорить о долгѣ, который вы уже научились исполнять.

Подвергая свою жизнь опасности отъ общенія съ заразными больными, врачъ можетъ занести заразу въ свою собственную семью. *Это обстоятельство составляетъ быть можетъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ сторонъ врачебной службы*. Въ этомъ отношеніи профессія врача безконечно тягостнѣе военной профессіи. Послѣдняя, подвергая человѣка личной опасности, оставляетъ утѣшеніе, что близкіе сердцу, хотя—вдали, но за то—и въ безопасности.

Не смотря, однакоже, на всѣ трудности и опасности, присущія профессіи врача—она содержитъ въ себѣ высокія нравственныя преимущества и даетъ много утѣшительнаго мыслящему и честному человѣку. Послушаемъ, что говоритъ объ этомъ врачъ и вмѣстѣ великій энциклопедистъ нашего вѣка: «*Въ области человѣческаго знанія, говоритъ о себѣ Литтре, мноше стало мнѣ близкимъ, я со мношимъ сроднился, но ничто не заслонило для меня достоинствъ медицины, ничто не могло ослабить во мнѣ интереса къ человѣческой патологій, столь мучитель-*

ной для людей и въ то же время столь отрадной потому, что именно на этомъ грустномъ полѣ человѣческой умъ одерживаетъ все большія и большія побѣды. Изучить и умѣть видѣть человѣческія страданія на анатомическомъ столѣ, или у кровати больного—идѣ вы спасаете человѣка отъ страданій и смерти,—что можетъ быть выше этой науки» ¹⁾).

Въ вашей будущей врачебной дѣятельности, вы убѣдитесь, дорогіе товарищи, въ глубокой правдѣ приведенныхъ словъ мыслителя. И въ самомъ дѣлѣ, врачебная профессія возвышаетъ человѣка, воспитываетъ въ немъ благороднѣйшія нравственныя качества—привычку къ неусыпному труду, великодушіе, сострадательность, способность сохранять величіе духа среди несчастій. Таковъ нравственный даръ медицины. Но и тяжела врачебная профессія! Она налагаетъ на своихъ членовъ не простой профессиональный трудъ, но *особенный долгъ*, и требуетъ особенныхъ профессиональных добродѣтелей.

Первой добродѣтелью врача должно быть постоянное расширеніе и обновленіе своихъ знаній, согласно завѣту Гиппократата: *ars longa, vita brevis*. Другія жизненныя профессіи далеко не съ такою обязательностью налагаютъ на своихъ адептовъ подобный долгъ.

Вторымъ нравственнымъ долгомъ врача должно быть уваженіе личности товарища и его мнѣній у кровати больного, потому что того требуетъ польза больного. Врачи никогда не должны нарушать между собою добраго согласія, и вотъ, почему. Въ виду трудности врачебнаго дѣла, правильное распознаваніе и леченіе болѣзни нерѣдко достигается только врачебными совѣщаніями. Ука-

¹⁾ Eugene Noel. *Memoires d'un imbecile*—avec préface M. E. Littré. pag. IX.

занія пользующаго врача могутъ быть въ этихъ случаяхъ весьма цѣнны, и тотъ, кто серьезно относится къ своимъ обязанностямъ не упуститъ этого изъ виду. Уваженіе мнѣнія товарища—лучшая гарантія достиженія врачебной истины.

Дальнѣйшимъ долгомъ врача должно быть—строгое воздержаніе отъ рекламы. Даже публикаціи въ газетахъ во многихъ случаяхъ должно признать предосудительными. Лучшимъ и единственнымъ средствомъ снисканія извѣстности и практики должна быть бесплатная врачебная помощь неимущимъ. Произнося эти слова, я долженъ сдѣлать оговорку въ отношеніи всего врачебнаго сословія, потому что сословіе это и безъ того принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ и самыхъ постоянныхъ жертвователей. По размѣрамъ благотворительности ни одно сословіе не можетъ сравниться съ врачебнымъ, и этотъ фактъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе и тѣмъ большую цѣнность, что врачи, въ ряду другихъ либеральныхъ профессій, принадлежатъ къ наиболѣе бѣднымъ и необеспеченнымъ матеріально; и тѣмъ нагляднѣе ихъ благотворительность свидѣтельствуетъ о гуманности и развитомъ чувствѣ долга. Эти качества составляютъ безъ сомнѣнія, одинъ изъ даровъ, которыми медицина награждаетъ своихъ работниковъ: *она не только даетъ профессиональныя знанія, но и возвышаетъ челоуька нравственно.* Указывая вамъ на эти факты, я хочу ярче выставить одну изъ выдающихся добродѣтелей сословія, въ которое вы готовитесь вступить и честь котораго вы будете поддерживать. *По размѣрамъ жертвъ личнымъ трудомъ, здоровьемъ и жизнью врачи занимаютъ первое и единственное мѣсто въ отечествѣ!* Вотъ какая честь вамъ предстоитъ, и какой тяжелый подвигъ,—чтобы ее поддерживать!

Еще одна изъ крупныхъ обязанностей врача—это сохраненіе тайны, которая ему сдѣлалась извѣстной. Что именно необходимо сохранить въ тайнѣ—это въ каждомъ частномъ случаѣ укажетъ вамъ совѣсть и тактъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохраненіе тайны можетъ даже повредить врачу лично. Можетъ случиться, что васъ обвинятъ въ невниманіи, неискusstвѣ, неумѣннн распознать болѣзнь, и тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, лучше принять и перенести упреки и нареканія, чѣмъ выдать тайну, или разъяснить какую-либо хорошо извѣстную всѣмъ этиологію, свѣдѣнія о которой могутъ послужить къ семейнымъ или инымъ несогласіямъ и т. под.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать о высокомъ пониманіи врачебнаго долга и врачебной нравственности, какое существовало уже въ самыя отдаленныя времена медицины. Въ сочиненіяхъ Гиппократа находимъ слѣдующій образецъ медицинской клятвы, которую я приведу здѣсь почти цѣликомъ: «клянусь врачами Аполлономъ и Эскулапомъ! клянусь Гигіеей ¹⁾ и Панацеей ²⁾ и прочими богами и богинями, которыхъ беру во свидѣтели, что я употреблю всѣ свои силы и знанія, чтобы исполнить ниже слѣдующіе пункты присяги, а именно:

«Того, кто обучилъ меня медицинѣ, я буду признавать за роднаго отца, буду помогать ему и буду давать все, въ чемъ онъ нуждается; его дѣтей буду считать своими братьями и, если они пожелаютъ изучить медицину, буду учить ихъ бесплатно; я изложу имъ основы медицины и дамъ подробныя объясненія; я открою имъ рѣшительно все, что мнѣ извѣстно, какъ открылъ-бы своимъ

¹⁾ Богиня здоровья.

²⁾ Богиня леченія.

собственнымъ дѣтямъ; я все открою также и тѣмъ лицамъ, которые запишутся въ число учениковъ и дадутъ врачебную присягу—но только тѣмъ, кто дастъ присягу и никому другому».

«Въ леченіи болѣзней буду дѣлать соотвѣтственныя назначенія, руководясь врачебными познаніями. Я буду охранять моихъ больныхъ отъ всего вреднаго и несправедливаго. Я никому не дамъ совѣта прибѣгать къ яду и никому не дамъ яду не смотря ни на какія просьбы. Ни одной женщинѣ я не дамъ средствъ, которыя могутъ вызвать выкидышъ».

«Въ своей частной жизни я буду хранить нравственную чистоту и буду подчиняться нравственнымъ требованіямъ при исполненіи моихъ врачебныхъ обязанностей. Я буду являться въ чужой домъ только для леченія больныхъ и буду воздерживаться отъ всего дурнаго, въ особенности отъ попытокъ соблазнять женщинъ».

Все, что я узнаю о людяхъ или что увижу собственными глазами,—узнаю-ли, я какъ врачъ или просто какъ частный человѣкъ, что нибудь такое, что не должно быть разглашаемо,—все это сохраню въ тайнѣ, признавая въ этомъ случаѣ скромность своимъ первымъ долгомъ.

Таковы, мм. гг., нравственныя требованія, которыхъ медицина держится уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ! Третьяковскія эти составяютъ и до настоящаго дня основу врачебной этики. Въ особенности поучительны заключительныя слова Гиппократовой клятвы; они должны быть священны и для современнаго врача. Вотъ эти слова, дышащія классической простотой и силой:

«Если данную мной клятву я сохраню во всѣхъ ея пунктахъ, то пусть наградой за это послужатъ мнѣ: долгая жизнь, успѣхъ въ моемъ искусствѣ и слава моего имени на вѣчныя времена: но если не исполню данной клятвы или нарушу ее, то пусть меня постигнетъ *все противоположное этому!*»

Профессоръ Э. БОККЪ.

КНИГА О ЗДОРОВОМЪ И БОЛЬНОМЪ ЧЕЛОВѢКѢ.

Настольная книга и руководитель семьи.

Одобрена ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Переводъ съ послѣдняго (19) нѣмецкаго изданія подъ редакціей
д-ра мед. **В. И. РАММА.**

Книга профессора Э. Бокка представляетъ настоящую энциклопедію популярной медицины и гигиены.

Шагъ за шагомъ разбираетъ авторъ всю человѣческую жизнь отъ самаго рожденія до смерти. Въ живой, увлекательной и общепонятной формѣ, профессоръ Боккъ разбираетъ всѣ гигиеническія условія, необходимыя для поддержанія человѣческаго здоровья, сущность всякой отдѣльной болѣзни и средства, какими слѣдуетъ пользоваться, разъ бѣда уже стряслась и болѣзнь наступила. Всѣ приводимыя профессоромъ Боккомъ средства донельзя просты и доступны во всякой семьѣ, безъ помощи аптекъ.

Масса рисунковъ поясняетъ текстъ. Въ западной Европѣ „Книга о здоровомъ и больномъ человѣкѣ“ выдержала цѣлую массу изданій и составляетъ настольную книгу во всякой семьѣ.

Цѣна за всѣ **три** тома (1,200 стр. текста убористой печати съ массою рисунковъ) **4 р.**, съ перес. **4 р. 75 к.**

Эдуардъ Родъ.

ПРАВСТВЕННЫЯ ИДЕИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Критическое изслѣдованіе

Бурже, Зола, Дюма, Ренанъ, Брунетьеръ, Толстой, Шопенгауэръ.

Кіевъ. 1897 года. Цѣна 30 коп.

Эта книга знаменитаго французскаго романиста и публициста является попыткой разбора выдающихся современныхъ писателей съ точки зрѣнія отношенія ихъ произведеній въ общественной жизни, главнымъ образомъ къ моральнымъ принципамъ конца XIX вѣка. Со свойственными ему талантомъ и французскимъ остроуміемъ. Родъ разбираетъ произведенія Бурже, Зола, Ренана, Брунетьера и Толстого и указываетъ, насколько они сами являются дѣтьми настоящей эпохи и насколько ихъ произведенія имѣли вліяніе на окружающее ихъ общество.

Коллекція карманныхъ словарей

подъ редакціей Э. Гокинса.

Предпринимая издание „Коллекціи миниатюрныхъ словарей“, мы имѣли въ виду, по возможности, содѣйствовать путемъ дешевыхъ карманныхъ книжекъ распространенію въ публикѣ знанія языковъ. Подобныя коллекціи существуютъ въ западно-европейскихъ литературахъ и пользуются очень широкой популярностью. Единственные у насъ карманные словари Шмидта, составленные около полустолѣтія тому назадъ и выдержавшіе много стереотипныхъ тиражей, настолько устарѣли, что правильные переводы съ ихъ помощью въ настоящее время положительно невозможны.

Принятый нами форматъ дѣлаетъ наши книжки настоящими карманными словарями, а мельчайшій шрифтъ и система расположенія лексического матеріала даютъ возможность вмѣстить къ каждый томикъ около 25,000 словъ, т. е. все слова любого живого языка, исключая устарѣвшихъ и специально техническихъ.

ВЫШИИ ВЪ СВѢТЪ:

1) Французско-русскій карманный Словарь.

Составилъ Е. Яковлевъ. Изданіе 5-е.

Изящное изданіе на глазированной бумагѣ, тщательно исполненное въ техническомъ и корректурномъ отношеніи; болѣе 400 страницъ. Цѣна 50 коп.

2) Нѣмецко-русскій карманный Словарь.

Составилъ Л. Д. Фонъ-Циглеръ. Изданіе 3-е.

Изящное изданіе, около 700 стр. и 25,000 словъ, Кіевъ, 1900 г., цѣна 60 коп., въ переплетѣ 75 коп.

3) Англійско-русскій карманный Словарь.

748 стр., болѣе 25,000 словъ. Составилъ Э. Гокинсъ. К. 1896 г., цѣна 60 коп.

4) Словарь иностранныхъ словъ, наиболѣе употребительныхъ въ русскомъ языкѣ.

Составилъ Н. Я. Гавринсъ.

Изданіе 12-е, совершенно переделанное и дополненное до 15,000 словъ. К. 1900 года, цѣна 50 к., въ коленкор. переплетѣ, цѣна 65 к.

5) Русско-нѣмецкій карманный Словарь.

Составилъ Левенсонъ.

2-е изящное изд., болѣе 700 стр. и 25,000 сл. К. 1899 г. цѣна 60 к.

6) Русско-французскій карманный Словарь.

Изящное изданіе, болѣе 600 стр. и 25,000 словъ. К. 1899 г. Цѣна 60 коп., въ переплетѣ 75 коп.

7) Латинско-русскій карманный Словарь.

Изящное изданіе. К. 1898 г. Ц. 60 коп.